

Двести грамм и свобода

18+

Анастасия Матвеева

Анастасия Матвеева

Двести грамм и свобода

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41982220

SelfPub; 2020

Аннотация

На первый взгляд, эта история напоминает сказку о Золушке. Пятнадцатилетняя Настя знакомится с обаятельным и состоятельным Андреем, который обещает ей: «Ты всегда будешь моей, моя маленькая глупая девочка». Но жизнь – это не прекрасная сказка, а череда событий, где есть место и прекрасным моментам любви, и горьким потерям, и все это, так или иначе, связано с крушением надежд. Эта книга о реальной жизни, в которой нет счастливого конца, но есть вера в лучшее.

Посвящается моей Вере.

*Все герои вымышлены, все совпадения случайны.

Писать книгу от руки или печатать на компьютере? Не знаю, как лучше, но заставить печатать я себя не могу, поэтому пишу так. В моем блокноте не хватает множества страниц – мой последний бунт против системы. Возможно, мне было бы стыдно рассказывать, как я сидела ночью в темной комнате на полу в слезах и со злостью выдирала из блокнота страницы, но самое стыдное было тогда, когда он вошел в комнату и увидел происходящее.

В масштабе планеты нас слишком много, подобно ягодам смородины на обильно усыпанном кусту. Потеря одной ягодки ничего не значит ни для куста, ни для сборщика. Ягоды все одинаковы и ни одна из них не может выделиться настолько, чтобы ее заметили или запомнили. Да, есть крупные ягоды, есть очень мелкие, но в целом это ничего не решает. В юности я позволяла себе заблуждаться в отношении собственной уникальности, теперь же у меня таких слабостей нет. А может, я вновь лишь обманываю себя, ведь, написав эту книгу, желаю обречь себя на бессмертие и вечную память. Тысячи книг написаны и читаемы, и если хотя бы в одной душе поселятся мысли о нас, то это уже большая победа над собственным временем. Завоевать весь мир и обречь се-

бя на мировое господство невозможно, но кто же говорит о том, что любовь хотя бы одного трепещущего сердца меньшая из побед?

Андрея больше нет. Он когда-то был, а теперь его нет. Это конец истории. И, кажется, что читать эту книгу стало теперь совершенно бессмысленно, раз его уже нет. Но разве есть смысл знать, что Андрея больше нет, не узнав, кем он все-таки был? Я хочу рассказать вам эту историю, потому что это часть моей жизни, которая никогда не повторится. Я знаю. Но это было... хотела сказать «феерично». Но скорее всего это просто «было». Я назову мою книгу историческим романом, ведь наша с Андреем любовь – уже история, и некоторые подробности я начинаю забывать. Возможно, мой мозг заполняет эти пробелы вымышленными фактами и выдает их мне за чистую правду. Но это не важно. Что бы он сейчас не придумывал, наши отношения были лучше. Они были живые, напряженные и больные, но вспоминать о них мне приятно. Поэтому я хочу рассказать вам про момент нашей жизни, где мы были бесконечно счастливы и нет. Конечно, вы можете просто закрыть книгу и пойти дальше пить чай или разговаривать с близкими и не узнать, что бывает с другими людьми, когда их пути пересекаются в определенный момент. Когда они совершают непростительные ошибки, уходят от ответственности или мучаются совестью всю оставшуюся жизнь, и что бывает, когда люди считают себя самыми умными и правильными, что не все романтические

фразы столь романтичны в реальности. И если, конечно, вы все же согласны со мной то, пожалуй, давайте начнем.

Я расскажу вам историю про девочку. Возможно, со многим в моей истории вы будете не согласны, и, возможно, эта девочка вызовет у вас отрицательные эмоции, но я готова к этому. Пока мы не научились изменять прошлое, придется воспринимать его как данность и просто научиться жить с этим.

Иногда кажется, что у всех нас разные печали,

Но нет, печаль всегда одна.

Лишний раз не сказали "люблю",

А теперь уже слишком поздно.

Жаркий июльский вечер не предвещал ничего хорошего девочке. Это было совершенно обычное 4 июля 2004 года. Настолько обычное, что вы, наверное, и не вспомните, чем занимались в тот вечер. Скорее всего, были на улице и ждали дождя. А девочка? Девочка просто прогуливалась по знакомым улицам знакомого и нелюбимого ею маленького города, который был недалеко от столицы, и думала о чем-то своем, загадочном, строила планы и слушала музыку в плеере. Играла что ни на есть любимая музыка, и можно было даже заметить, что девочка слегка пританцовывала в такт родным ритмам.

Что происходило в тот момент в моей голове, я уже и не вспомню, но думаю, мои мысли были направлены на воспитание беспородных щенков, родившихся за пару дней до этого под проливным дождем во дворе моего дома. Так как их мама всегда находилась под нашим чутким присмотром, роды у нее, конечно же, тоже принимали мы с подружкой. Щеночков было одиннадцать. Этих беспомощных комочков без взглядов на мир приходилось оберегать в три раза сильнее, чем взрослую собаку.

Лимонно-желтый автомобиль резко затормозил за моей спиной. Я не слышала визжания шин, не слышала открывания двери и оклика меня, в моих ушах играла песня «Heu, Bonito», и это, пожалуй, все, что я могла слышать в тот момент. Дверь закрылась, и автомобиль медленно поравнялся со мной. Он ехал настолько медленно, насколько вообще мог медленно ехать спортивный автомобиль. Так мы следовали минуты три. Я, пританцовывающая и в наушниках, и лимонно-желтый спортивный автомобиль на черепашьей скорости. Когда я, наконец, повернула голову вправо, то увидела автомобиль, а в нем молодого красивого парня. У него были светлые выгоревшие волосы, слегка зачесанные наверх, как делали многие в начале двухтысячных. Широкие темные брови обрамляли его голубые глаза. Нос прямой, не широкий, средней длины, наверное, именно о таком мечтают многие. Его по-мальчишески пухлые губы были растянуты в улыбке, обнажая красивые белые ровные зубы. А в одном ухе висела

маленькая сережка-колечко. Он, правда, был довольно привлекателен, но не слишком. Его кожа была темной от загара, словно он только вчера вернулся с берега Барбадоса. Я остановилась, и автомобиль замер тоже. Парень опустил боковое стекло, высунул руки и что-то начал быстро говорить мне. Я поняла это по движению его рта, но ничего не расслышала. Тогда, сняв наушники, я уловила конец фразы:

– ...узнать твое имя.

– У меня ничего для Вас нет.

– Даже имени?

– Пожалуйста, не приставайте ко мне, я ничего не знаю.

– Скажи мне свое имя, пожалуйста!

– Нет, я же сказала, нет. Не трогайте меня!

И я побежала, насколько быстро вообще могла побежать. Сейчас уже и не знаю, что меня могло так напугать. Наверное, то, что со мной не часто знакомились красивые парни подобным образом. Лимонный автомобиль был явно быстрее меня. Он преградил мне дорогу. Я не знала, что делать в такой ситуации, и просто села на асфальт. Видимо, мне казалось, что так будет труднее меня поднять и затолкать в автомобиль. Парень открыл дверь и вышел. Ростом он был около ста восьмидесяти сантиметров и довольно спортивного телосложения: накаченные руки и никакого намека на округлый живот. На нем была простая белая футболка, светло-голубые джинсы «Levi's» и красные кеды. Он сел рядом со мной на асфальт. Пару минут мы молчали, а потом он заговорил:

– Признаюсь, я маньяк. Я уже давно слежу за тобой, знаю буквально все, кроме твоего имени. Мне не хватает этой информации для полного досъе на тебя.

– Если ты такой умный и давно следишь за мной, почему не узнал мое имя? Меня здесь многие знают.

– Я знаю, твое имя... Настя. Я просто хотел познакомиться. Меня зовут Андрей. Фамилия Листов.

– Настя...

Мы снова немного помолчали. В моей голове бегали лихорадочные мысли. Откуда он знает мое имя? Что он все-таки от меня хочет? Почему я? Что мне делать дальше?

– Скажи мне, сколько у тебя щенков? – снова заговорил он.

– Щенко-о-ов... – протянула я, в шоке оттого, что он знает даже про них.

– Настя, садись в машину, я тебе прокачу.

– Ну, уж нет, я не хочу с вами общаться! – я резко встала с пыльной дороги.

– Я приеду к тебе завтра, – он тоже поднялся и направился к автомобилю.

– Не стоит! – крикнула я ему в след.

Он обернулся, снова растянул губы в улыбке и проговорил:

– Я знаю, что это обязательно стоит. Я приеду к тебе завтра.

Затем он сел в машину и закрыл вниз дверь. Еще раз с

улыбкой оглядел мою растерянную фигуру с головы до ног и нажал на газ. Машина с ревом улетела вперед и скрылась за поворотом. А я так и осталась стоять, не зная, что мне делать дальше. Отряхнула шорты. Поправила волосы. Из головы совсем вылетело то, куда и зачем я шла. Меня даже немножко трясло. Адреналин в крови разыгрался. Я медленно развернулась и пошла назад. Теперь мне было совсем не до музыки. Я сама не понимала, почему так сопротивлялась нашему знакомству, ведь он мне очень понравился. На вид он казался добрым, открытым молодым человеком, он был хорошо одет, и у него была необычная и красивая машина. Конечно же, больше всего меня смутило то, что он многое знал про меня, значит, это знакомство было спланированным, а не внезапным. Хотя, как оно только могло быть внезапным? Вряд ли он влюбился в мои шорты, проезжая мимо. Это немного успокаивало. Парни, знакомившиеся по велению эмоций, меня не устраивали категорически. Не понимала я только, кто мог ему все про меня рассказать. А все-таки что «все»? Мое имя здесь и правда многие знают, а щенков он наверняка и сам увидел.

Так я всю дорогу шла и спорила сама с собой. Во мне боролись совершенно противоречивые эмоции, страх и любопытство рьяно соревновались в первенстве. В конце концов, мне стало казаться, что это хорошо спланированная шутка. Не то, чтобы у меня были враги, но люди любят подшучивать друг над другом и просто так. Я убедила себя в мысли, что

кто-то просто подослал своего друга посмеяться надо мной, и мне точно не стоит «развешивать уши» и верить во всю эту чепуху. Понемногу я успокоилась и даже на остаток дня забыла про это необычное знакомство. Тем более оказалось, что наших маленьких щеночков покусали красные муравьи, и все одиннадцать малышей неистово скулили, а успокаивало их лишь качание на руках. Тут уж точно было не до глупых мыслей.

На следующее утро у меня было запланировано несколько неотложных дел, поэтому я вышла из дома довольно рано. Пройдя пару метров на встречу с автобусной остановкой, я вновь увидела этот лимонно-желтый автомобиль. И этот парень был там. Он спал, прислонившись лбом к дверному стеклу. Вначале я немного испугалась, а потом мне стало смешно и интересно, с какого времени он там находился и караулил меня. Я приняла решение не попадаться ему на глаза и поскорее зашагала к своему автобусу. Уже из окна отъезжавшего автобуса я увидела, что парень проснулся и оглядывался по сторонам. Я отвернулась и немного пригнулась, боясь, что он начнет погоню за моим автобусом. Но все же эта встреча подняла мне настроение. Наверное, оттого, что наше знакомство перестало быть глупой шуткой. Все продолжение того дня было прекрасным, и мое настроение было прекрасно. Предвкушение чего-то очень хорошего придавало мне сил и энергии. И даже возвращаясь поздно вечером к себе домой, я не чувствовала усталости и желания

лечь спать. Скорее, мне снова хотелось увидеть под своими окнами его желтый автомобиль.

Так продолжалось целую неделю. Как только я выходила на улицу одна, рядом появлялся лимонно-спортивный автомобиль и очень медленно следовал за мной. Парень не выходил из машины, не пытался заговорить, просто следовал за мной, останавливался в стороне и наблюдал, как я играю со щенками, а потом провожал меня до подъезда. Конечно, я прекрасно видела слезку за мной, но не пыталась этому противостоять. Если честно, я настолько привыкла к автомобилю, что, мне казалось, начинала скучать без него.

Через неделю парень заговорил со мной. Просто вышел из машины, подошел ко мне, взял щенка на руки, потеревил ему ушко и сказал:

– Насть, давай я тебе прокачу.

– Давай, но только завтра, а сейчас просто посидим в тишине.

И ответом мне была тишина. Так мы просидели минут сорок. Он тискал моего любимого щенка, подбрасывал его в воздух и ловил, словно ребенка. Я молча следила за ним. Его вид внушал мне спокойствие и уверенность, хотя это был абсолютно незнакомый мне человек. Я попросила его прокачать меня. Он бережно опустил щенка, встал и пошел к машине, открыл одной рукой дверь и махнул мне. Я подошла.

– Тебе понравится, – сказал он, и снова на его губах заиграла эта улыбка.

Я нырнула на кожаное сиденье, крупнейшее и очень удобное. Оно приятно холодило мне спину, и казалось, что это маленький рай. А еще мне показалось, что это не автомобиль, а космическая капсула с множеством кнопок и всего двумя креслами: для него и для меня.

Андрей закрыл мою дверь, обошел машину и сел рядом. Затем он пристегнул меня и пристегнулся сам, после чего завел мотор и надавил на педаль газа. Автомобиль резко сорвался с места, и мимо полетели кусты. Так быстро я до этого никогда не ездила, но скорость не испугала меня. Я любила движение, любила, когда мелькают огни большого города, любила громкую музыку и ощущение полета. Я не любила разговаривать в машине, мне нравилось смотреть на проносящиеся мимо дома и деревья и думать о чем-то своем, мечтать. Андрей сразу уловил мое настроение. Он не приставал ко мне с вопросами или незначащими фразами о погоде, просто жал все сильнее на педаль газа, и мы летели. Такое чувство, как первый полет, невозможно передать словами, дикий восторг, разрывающий душу и сковывающий сердце. А еще чувство полного безоговорочного доверия к человеку, в чьих руках находится твоя жизнь.

Андрей привез меня домой, когда было уже очень-очень поздно. Он остановился недалеко от моего подъезда и вышел из машины, чтобы проводить меня до двери. Не то чтобы мы шли с ним вместе. Я шла впереди, а он, похожий на верного стража, преследовал меня сзади. Около двери он просле-

дил, как я открыла ее своим ключом, а затем сказал «до завтра» и махнул мне рукой. Я постаралась на цыпочках пройти по коридору, но меня выдал скрип пола, и я услышала, как проснулась моя семья. Поэтому я залетела в свою комнату и постаралась унять бешено колотящееся сердце. Все же я трус. Стянула джинсы, кинула их на кресло, завязала резинкой волосы и легла в постель. Естественно, я не могла долго уснуть. Прокручивала в голове нашу поездку на желтом автомобиле и голубые глаза Андрея. Мне показалось, что он очень самолюбивый, понимает, что весь мир принадлежит ему, но кто он такой? Этого я не знала. Всю дорогу мы с ним молчали, и от этого было очень хорошо. Была ли я уже влюблена в него? Думаю, нет, просто чувствовала, что этот человек мне очень близкий, родной.

– Листова, – пронеслось в моей голове, – Анастасия Листова.

Мне понравилось, показалось очень красиво. И тогда я уснула.

Пожалуй, нам стоит познакомиться. Я Настя, как вы уже знаете. Я думаю, что я самая умная. Мои действия всегда продуманны и целесообразны. Я взрослый и рассудительный человек. У меня есть свои принципы, которым я следую и никогда не иду им наперекор. Я человек слова, я никогда не опаздываю и не отменяю встреч. Я всегда предельно сконцентрирована и слушаю только свою голову. Я лучший чело-

век на этой Земле. Я это я. Приятно познакомиться.

Надеюсь, вы мне не поверили...

В то время я жила со своей большой семьей на территории бывшего военного гарнизона, и за нашими окнами мерцал аэродром. А все только потому, что в моей семье все мужчины были военными. Папа, военный летчик, более двадцати лет летал на истребителях-бомбардировщиках ТУ-22. Ночные полеты и перегрузки мне не понаслышке знакомы. Дедушка был майором в радиотехнических войсках, работал на аэродроме, получил медаль за доблестную службу. Я им всегда очень гордилась. Хотя ему об этом так никогда и не сказала. Как истинный военный, дедушка лести не любил, зато очень любил режим и порядок. Второй мой дедушка тоже был в звании майора. Все мое детство, куда бы я ни поехала, проходило в военных городках. Везде были аэродромы и части, казармы и столовые для офицеров. Я привыкла просыпаться и засыпать под шум садящихся самолетов. Иногда они пролетали так низко, что можно было увидеть лицо пилота. Я их очень любила. Самолеты я имею в виду. Сердце замирало при виде этих огромных крылатых машин, они завораживали своим величием и грациозностью. Поэтому в детстве мы с подружкой любили бегать на аэродром. Там была дыра в железной колючей проволоке, и мы через нее пролезали на территорию. Только клочки курток летели в разные стороны. Но жить без самолетов было нельзя.

Мы с семьей жили в обычной квартире на обычном пятом

этаже. Там не было совершенно ничего примечательного, если не считать того, что это был последний этаж девятиэтажного дома. Мифического девятиэтажного дома. Папа получил трехкомнатную квартиру, после того как закончил свою военную деятельность. К сожалению, не все военные смогли получить свои квартиры в этом доме, кто-то так и остался ждать свои мифические с шестого по девятый этаж. Можно сказать, что нам повезло.

Это было не Москва, но Москва всегда была рядом. Я полюбила ее еще в детстве и думала, что навсегда. Совсем маленькой девочкой я бегала на последний этаж соседнего дома, чтобы через грязное стекло посмотреть на ночной город и его сверкающие огни. Мне чудилось, что там у всех людей замечательная жизнь. Что в сумраках дня по Москве гуляют только влюбленные пары, пьют кофе и много-много смеются. Конечно же, я хотела быть одной из них. Мечтала жить в Москве, бродить, гулять, любоваться. Я была очень активной, жизнелюбивой, мечтала вырасти и найти свое призвание, совершить что-то очень важное и полезное для этого мира и уж точно не прожить свою жизнь зря. Да, в детстве казалось, что меня ждет великое будущее.

Я ходила в самую обычную общеобразовательную школу и практически с первого класса одна. С утра папа отводил меня на учебу по дороге на аэродром. А из школы я домой шла одна. Было не важно, что по пути много дорог. Родители знали, что я не потеряюсь. Просто я с детства была очень са-

мостоятельной. Сама записывала себя на различные дополнительные кружки, которые только были в нашем гарнизоне. Занималась вязанием, играла на пианино, окончила целый курс рисования и даже ходила на танцы. Я была активной и стремилась узнать и попробовать как можно больше. Мне совершенно не хотелось сидеть дома и смотреть мультики. Уж если и мультики, то только в гостях у друга мальчишки. До пятого класса мы с семьей жили в общежитии для военных, и это было лучшее время. Маленький одноподъездный дом и все его жители общались и дружили между собой, и всегда старались улучшить себе жизнь. Взрослые построили игровую площадку и лавочки, а мы, детвора от пяти до шестнадцати лет, как только наступала весна, дружно выходили подметать и убирать двор. От этого в нашем дворе всегда было чисто и ухоженно, никаких расписанных стен и окурков по углам. А еще на улице в пристроенной будке у нас жили щенки. Помню, как я купила себе одного за пять рублей у знакомого мальчика и назвала его Рексом. Родители не разрешили взять его домой, поэтому пришлось оставить его жить в уличной будке. Щенок очень привязался ко мне, и куда бы я ни отправилась, всегда шел следом без поводка и никогда не убегал. Если я заходила в магазин, он сидел у дверей и ждал меня. И всегда был на месте, когда я выходила. А еще он меня защищал. Если кто-то из детей повышал на меня голос, он начинал рычать и даже мог укусить обидчика. Тяжело писать про себя и не думать, что это слишком

заносчиво.

В детстве я часто уходила из дома. Практически каждая суббота начиналась с того, что я обижалась на родителей. Тогда я доставала рюкзак, клала в него батон и тихо выходила из квартиры. Вначале родители пытались меня догнать, если слышали, как закрывалась входная дверь, а потом перестали. Знали, что я все равно скоро вернусь. И это было действительно так. Выходя с рюкзаком из подъезда, я направлялась на футбольное поле, которое было совсем рядом с нашим домом. Там я садилась на траву, расстегивала рюкзак, доставала батон и ела его, следя за воронами, которые расхаживали по низкой траве в поисках еды. Иногда я бросала им крошки, если не была чересчур зла на родителей. А спустя полчаса возвращалась домой. У меня очень вспыльчивый характер, но я быстро прощаю. Мне только нужно немного времени, чтобы остыть. Родители всегда давали мне его, поэтому мы быстро мирились. Они у меня прекрасные во всех отношениях и я не вру. Только благодаря семье мое детство можно назвать счастливым. Девяностые годы для меня – это суп из кубиков «Gallina Blanca», сухое молоко килограммами и персики, которые папа привозил из Краснодара. А еще в нашей семье любили читать и на Новый Год нам с братом часто дарили книги. И что самое главное: мы ждали этого подарка и всегда радовались, предвкушая провести десять дней зимних каникул в компании с новой прекрасной историей.

Но самый главный бриллиант моей семьи – моя прабабушка. И никакой ссоры поколений, никакого недопонимания, мы с ней дышим одним воздухом, и струны наших сердец звучат одинаково, мы смотрим на мир одними глазами и думаем одними мыслями. А наша незначительная разница в семьдесят два года нам абсолютно не мешает. Моя лучшая подруга, моя душа. Она научила меня думать, чувствовать, любить всем сердцем и отдавать все что есть. Она научила меня быть самостоятельной, быть идеалисткой и быть собой. Она всегда была рядом, и мне очень нравилось быть с ней. Я знала, что она меня выслушает, поймет и поддержит. И в моей жизни никогда не будет безвыходности, ведь моя прелесть всегда найдет выход из темноты.

Я училась в восьмом классе, когда мы познакомились с Андреем. Сейчас мне уже кажется, что я была еще слишком маленькой для таких отношений, но тогда мне так не казалось. У меня плохо складывались отношения с одноклассниками, потому что их интересы я переросла еще лет в двенадцать. Не то, чтобы я была слишком умной, просто у меня всегда было много интересов, и они помогали мне быстрее взрослеть. В мои пятнадцать лет у меня уже не было иллюзий по поводу этой жизни, и я никогда не мечтала о принце на белом коне. У меня были совершенно другие цели. Я хотела построить приют для собак и его содержать. Каждое утро приходиться и проводить время с десятками разных псов. В этом было мое счастье. Но я была влюбчива и в детстве и

часто страдала от неразделенной любви, потому что всегда боялась открыться и избегала того, кто мне нравился. Да, наверное, я была немного закрытой и поэтому имела мало подруг. Но с мужчинами мне всегда было довольно легко общаться, мы быстро находили общий язык. Мне нравилось с ними общаться из-за того, что у них не было проблем по поводу собственной внешности или интереса к чужим интригам. Парни всегда мыслили немного глубже. И я, видимо, тоже. Не хочу хвалиться по этому поводу и истины я, конечно, не знаю, но, думаю, им было интересно со мной. И даже друзья моего брата любили со мной поговорить. Не то, чтобы мне это льстило. Для меня это было обычное дело. И я никогда не замечала, что кто-то влюблен в меня. Поэтому это было всегда полнейшей неожиданностью для меня, и я очень страдала, если это было невзаимное чувство. До встречи с Андреем в моей жизни не было особо значимых мужчин для меня. В четвертом классе я пару месяцев встречалась с девятиклассником, но дальше, чем ходить по городу за руку, ничего не дошло. Затем лет в двенадцать я по очереди влюблялась в соседа, сына подруги моей мамы, просто в знакомого парня. Но влюбленность очень быстро проходила, и я влюблялась в другого. Стоило мне немного пообщаться с объектом моей любви, и интерес уже был потерян. Осознание того, что на самом деле он еще слишком молод и глуп, убивало во мне всякие чувства. Я старалась найти в человеке что-то большее, чем просто симпатичную

внешность. А таких парней среди ровесников, к сожалению, не было. Думаю, что подсознательно я ждала именно такого, как Андрей. Взрослого, самодостаточного, рассудительного, со своей точкой зрения на весь этот мир. И я встретила его. Может быть, слишком рано?

Следующие несколько недель после нашего знакомства прошли очень быстро. Я уходила из дома рано и возвращалась обратно очень поздно. Все это время мы проводили вместе. Мы делали все то, что делают молодые люди в нашем с ним возрасте, окутанные пеленой влюбленности, за которой не видно всего остального мира. Мы катались на роликовых коньках по парку Горького, лежали на траве и грелись под лучами палящего солнца. Ходили, держась за руки, по улицам Москвы, ездили на машине с открытым верхом, по вечерам пили шампанское на набережной Москвы-реки. Андрей выкупал все билеты на сеанс, и мы смотрели кино в пустом зале, потому что его раздражали жующие и разговаривающие люди. Мы мало обсуждали с ним прошлое и настоящее друг друга, скорее, больше строили планы на будущее. Андрей познакомил меня со своими друзьями. Все были такими разными, что непонятно, как только могли друг с другом находить общий язык. Скорее всего, Андрей был их общим звеном. Он очень любил каждого своего друга и при встрече всегда интересовался об их самочувствии, болезнях и делах в семье. Такая забота меня немного удивляла.

Ради друзей он был готов, наверное, на все. Однажды нам пришлось везти огромную грязную собаку его друга в деревню за двести километров от Москвы. По дороге ее пару раз стошнило на заднем сиденье автомобиля, а еще она всю дорогу скулила и просилась на улицу. Но никто из нас не считал, что мы совершаем какой-то подвиг. Я любила собак, а Андрей любил своих друзей. А машину мы потом отправили в химчистку.

С ними же на вместительном автомобиле «Volkswagen Sharan» Андрея мы ездили в загородный дом Антона, одного из его лучших друзей. Кажется, они подружились еще в школе. Антон был одним из тех людей, которые не придают особого значения количеству денег. Думаю, именно поэтому они так сдружились, ведь в их элитной школе таких простых, без лишнего пафоса, детей было не так уж и много. Отец Антона владел крупным предприятием, на котором и работал его сын. В большом прекрасном доме Антона мы весело проводили летние жаркие дни, жарили стейки на гриле, играли в теннис и плавали в бассейне. У меня даже не было купальника, поэтому приходилось плавать в футболке. В нашей компании были и другие девушки, но Андрей с ними никогда не разговаривал. Тогда меня это очень удивляло, и только намного позже я поняла, что он так вел себя со всеми. Друзья говорили, что он женоненавистник, а Андрей отвечал, что ему просто не о чем с ними разговаривать.

Так проходили наши счастливые летние дни. В один пре-

красный вечер, спустя пять дней с нашей первой совместной поездки, Андрей пригласил меня в ресторан. В восемь вечера он заехал за мной на представительском седане его любимой марки «Volkswagen». На нем были серые джинсы и серая футболка, белые кеды «Converse» и любимая красная бейсболка, а на мне в тот день были салатовые шорты и бледно-розовая футболка, а на ногах балетки бежевого цвета. Я ничего не смыслила в этикете и даже не знала, в каком виде нужно ходить в ресторан. Андрей так оценивающе на меня посмотрел, немного помолчал и произнес:

– Ты красивая!

В ресторане мы заказали очень много еды, хотя и были только вдвоем. Мы ели лобстеров, Фуа-гра с медальонами и пасту с черной икрой, осьминогами и креветками. В тот вечер я впервые попробовала крепкий алкоголь. Андрей заказал бутылку 25-летнего «Laphroaig», но мы выпили меньше половины, остальное оставили официантам допивать. Вообще Андрей был очень щедрым, оставлял на чаевые по пятьсот евро, но иногда он вел себя странно, мог купить бездомному десяток яиц или закидать стервозную девушку на улице ими же. Конечно, я не до конца понимала его и его поступки, но меня это, однозначно, завораживало. С ним я училась быть раскрепощенной, расслабленной и не зависеть от чужого мнения. Андрей всегда говорил фразы типа «общественное мнение – это мнение того, кого не спрашивали» или «людям все равно нужно что-то подумать, так пусть немного по-

думают о тебе». Он всегда смотрел людям в глаза, он будто бы читал их душу и раскладывал их мысли по полкам. Я же считала, что смотреть человеку в глаза, – это как заниматься с ним сексом. Очень интимно, очень близко. Меня пугала такая близость с незнакомцами, а его нет. А еще мне было легко с ним потому, что он такой простой и открытый. И я никогда не чувствовала себя с ним неловко и мне никогда не было за него стыдно. Я чувствовала, что люди любили его, даже если впервые говорили с ним. Потому что он говорил нужные вещи. В его словах не было угодничества или лести, и он не отталкивал людей, не был высокомерным. В нем была энергия и жизнь. Люди тянулись к нему. С ним они чувствовали себя лучше, чем были на самом деле. Он заряжал их позитивом и верой в лучшее. В его словах никогда не было мрачности и обреченности. Он не ругался матом, потому что был очень интеллигентным, и никогда не использовал высокопарных и не знакомых другим слов. Он общался просто и доступно. Он был таким соседским мальчишкой, но очень взрослым. В его действиях не было тупости и наивности. Перед тем как что-то сказать, он всегда думал, поэтому не говорил глупостей. В него было слишком легко влюбиться. И невозможно влюбиться в себя. Он словно видел людей насквозь, его нельзя было обмануть дешевыми трюками. Его никогда не привлекали короткие юбочки или накрашенные губы с ресницами. Он искал что-то большее, какую-то родственность чувств и мне так сильно льстило, что он нашел

это во мне. Я не была тогда очень красивой и никогда не умела соблазнять мужчин. Не одевалась раскованно и дерзко, но и пуританкой тоже не была. Я была простой и даже немного наивной. В силу возраста, конечно же.

Тогда, выйдя из ресторана в легком опьянении, мне пришлось опираться на его сильную руку, чтобы не упасть в клумбу с цветами около ресторана.

– Ой, прости, забыл тебе сказать, что терпеть не могу молоденьких пьяных девушек, – практически крикнул мне в ухо Андрей и толкнул меня в клумбу.

Удобно устроившись на влажной мягкой земле, почти с укором в глазах я взглянула на него. Он смеялся, смеялся так, как я никогда не смеялась. Это было так заразительно, казалось, даже охранники ресторана смеялись вместе с ним. Ну, и я, конечно.

– Высокие у нас отношения. Руку дай, – я протянула ему левую руку, но он сразу же схватил меня за талию и понес на руках в темноту улицы. Так мы шли довольно долго. Андрей, видимо, не считал, что я для него слишком тяжелая ноша, и отпускать меня не собирался. Мне было дико приятно от его прикосновений, и даже слегка намочшая одежда не доставляла мне неудобств. Немного задумавшись и положив голову ему на плечо, я почувствовала, что мы остановились. Тогда я подняла голову и увидела, что он пристально смотрит на мое лицо. Внутри меня затрепетали бабочки, и я была готова к его поцелую, который не последовал. Если вы считаете, что

Андрей был очень романтичной и влюбленной натурой, то вам придется слегка разочароваться. Он был непохожим на других людей. Он умел задавать неуместные непонятные вопросы, его ход мыслей было очень сложно предугадать, и уж тем более мне в тот момент, когда мы были так мало знакомы. Он просто смотрел на мое лицо, смотрел на мои брови, на мой подбородок, на мои скулы и ничего не делал и ничего не говорил. А потом он тихо опустил меня на землю, взял за руки и отошел на пару шагов. Осмотрел меня во весь рост и очень мило улыбнулся.

– Я тебя сейчас совершенно другой вижу, чем тогда.

– Чем когда?

– Когда ты была незнакомой.

– Я всегда была твоей, ты же знаешь.

– Нет, я знаю, что ты всегда будешь моей. И не стоит обольщаться на этот счет, мои слова не столь романтичны, как тебе сейчас кажется. Может настать момент, когда ты перестанешь хотеть быть моей, но у тебя это не получится. Ты не сможешь уйти от меня, потому что я тебя не отпущу. Я никогда не смогу отпустить тебя. Я хочу, чтобы ты это запомнила. Чтобы ты смирилась с этим. По-другому в твоей жизни уже никогда не будет.

– А если ты сам... ты сам разлюбишь меня? Если ты сам захочешь, чтобы я ушла? Чтобы меня больше не было в твоей жизни? Вдруг ты забудешь про меня?

– Ты слишком глупая, моя маленькая девочка. Ты все по-

том поймешь.

И он поцеловал меня. И эти приятные бабочки в моем животе запорхали и заполонили все мое маленькое щедедушное тело. Романтика первых минут близости никогда не бывает передаваемой или повторимой. Она уникальна, как отпечатки пальцев. Ее нужно законсервировать и сдать в музей собственных воспоминаний. А еще лучше никогда и никому не рассказывать о ней, дабы не испортить ее чужими словами или мыслями. Эта священная Грааль души. Романтика первых секунд поцелуя остается навечно, и сколько бы ни было потом поцелуев, первый никогда не забудет моя голова. И вот, в тот прекрасный момент я наивно полагала, как будет прекрасна наша с ним жизнь в будущем, и как это восхитительно, что есть такой человек, который никогда не хочет меня отпускать. Мечтает разделить всю свою жизнь только со мной. И что этот человек – вот такой прекрасный Андрей с его сильными руками и хриплым голосом.

Лежа ночью в своей постели, я только и могла мечтать, чтобы это все повторилось снова. Чтобы он лежал рядом со мной, чтобы нежно обнимал меня, чтобы снова шептал мне о своих чувствах и о том, что он никогда меня никому не отдаст. Я думала, что я взрослая. Думала, что мы сможем завести семью и жить вместе. Думала, что с этим мужчиной мне нечего бояться, ведь он уберезет меня от любых испытаний судьбы, от всех самых страшных моментов жизни, и если это будет нужно, он вырвет меня из лап смерти, прижмет к себе

и будет повторять «моя маленькая глупая девочка».

«Мне бы хотелось написать эту книгу красивым русским языком. Но, к сожалению, я родилась не в то время и такого языка не знаю. Мы слишком все обезличили и сократили до простых форм, чтобы сильно не затрудняться. Мы постарались урезать слова, словно эта жизнь слишком коротка для таких длинных фраз. Или уже в них не было смысла. Все и так довольно понятно. Но ошибка в том, что должно быть, не просто понятно, должно быть хоть немного красиво. Слова должны быть музыкой для наших ушей и глаз. Слова должны вдохновлять нас и возвышать. Чтобы, читая книгу, обращать внимание не только на смысл, но и на само описание. Ведь так можно сделать хороший вывод об авторе. Сложно доверять человеку свои мысли и свое мировосприятие, если он не может гармонично связать пару слов. Я считаю, книги должны быть красивы не только с обложки. Каждая фраза должна быть красивой, чтобы ранить в самое сердце и заставить задуматься над её смыслом. Только в таком случае можно считать, что книга удалась, и вы достойны похвалы. Написать плохо сочиненную книгу – все равно, что надеть плохо сшитый костюм: будь он красив тканью, пуговицами и формой, вы никогда не будете в нем идеальны. Я, правда, очень стараюсь красиво складывать фразы, легко, просто и романтично доносить до вас смысл моих строк, но, к сожалению, моё время даёт о себе знать. Я, честно, не очень умею и совершенно не знаю, как это сделать, но очень стараюсь и

надеюсь, вы меня не осудите...»

Он дарил мне огромные охапки роз, которые я боялась приносить к себе домой, поэтому вечером он отвозил их обратно к себе. Я не могла рассказать родителям про него, поэтому все время упорно отмалчивалась, когда они спрашивали меня, где я провожу свое время. Я была уверена, что они меня не поймут и не одобряют мой выбор. Мне тогда было пятнадцать лет, а ему двадцать три, и пусть внешне и внутренне наш разрыв был столь не очевиден и прост, в социальном значении все осложнялось критически. Наша простая история стала для нас крайне сложной. Гуляя по улицам Москвы, мы никогда не скрывали своих чувств, что в моем городе было невозможно. В месте, где все знали все про всех, отношения несовершеннолетней девушки с взрослым парнем не могли бы остаться незамеченными. Конечно, я считала, что общество не должно судить меня за то, что я влюбилась в пятнадцать лет. А уж тем более судить за то, что мой мужчина родился на несколько лет раньше меня. Да, многие могли считать меня еще ребенком, но это было не так. Моя природа говорила, что это не так, и кровь на бумаге раз в месяц стабильно говорила мне, что я имела право на эту любовь. Но так считала я, а мое мнение вряд ли где-то учитывалось. Я просила Андрея не провожать меня до подъезда. Просила его не подъезжать близко к моему дому, поэтому мы всегда прощались в уединенном месте неподалеку, а потом я возвращалась домой одна. Я перестала общаться

с моими знакомыми, старалась не попадаться им на глаза, чтобы не вызывать шквал вопросов по поводу моего отсутствия в их жизни. Сложно сказать, что в тот момент я страдала от недостатка общения с ними. Я никогда не отличалась коммуникабельностью, поэтому мне было очень хорошо в моем новом мире. Словно Андрей затащил меня на середину танцпола, где я не то, чтобы по собственному желанию, но стала подстраиваться под ритм движений окружающих. Сначала крайне неуверенно и робко, но с каждой минутой все быстрее и сильнее овладевала настроением и движением толпы и тихо растворялась в ней.

В конце концов, я влюбилась в него без оглядки, без памяти. Каждое его прикосновение вызывало во мне такую бурю эмоций, которую было очень трудно скрывать. Я смотрела на него таким влюбленным взглядом, что ему, наверное, было от него жарко. Мне казалось, что он самый прекрасный человек в этом мире. Самый красивый, самый привлекательный, самый умный. Его хриплый голос сводил меня с ума. Иногда я просто закрывала глаза и слушала, что он говорит, наслаждаясь его речью. Его загорелые руки были так мною любимы, что я с трудом выпускала их из своих ладоней. Он стал для меня равносителен божеству, в котором совершенно нет недостатков. Порой мне даже хотелось найти в нем хоть какой-то изъян, чтобы поверить в то, что он обычный человек, такой же, как и все окружающие. Но я не могла этого сделать. Наверное, Андрея очень забавляла моя пыл-

кая страсть, но он и сам был влюблен, поэтому никогда не подшучивал надо мной.

А ведь бабушка мне всегда говорила, что внешность в мужчине – не главное. А я как назло всегда западала на внешность. Мое противостояние системе. А может быть, я просто была очень влюбчивой, но он мне казался таким красивым. Это было странно. Ведь мне всегда нравились только брюнеты. Бабушка была права, дело не в его внешности. Просто, когда любишь, человек кажется красивым, но никак не наоборот. Иногда мне казалось, что это самая великая ложь в мире. И я на нее повелась. Попала под обаяние хриплого голоса и блеска его мутных глаз.

Кажется, это была суббота. Он пригласил меня к себе в гости. Позвонил мне на домашний телефон, а трубку подняла моя бабушка. Они очень мило поговорили с ней пару минут и бабушка даже смеялась. Все это время я стояла напротив нее и с замиранием сердца ждала, чем же закончится их разговор. Бабушка передала мне трубку. Андрей просто и весело сказал мне:

– Привет. У тебя отличная бабушка, почему мы с ней до сих пор не знакомы?

Мне нравился его голос по телефону, хотелось, чтобы он говорил и говорил, даже неважно что, лишь бы просто слушать его голос. Это бы мой особенный фетиш. К тому моменту мы были вместе уже больше месяца и достаточно узна-

ли друг друга. Он сказал, что заедет за мной в восемь. Сказал, что приглашает меня к себе в гости, и раз я его к себе не зову, то он сам сделает первый шаг. Я рассмеялась. Представила его в гостях у моей бабушки. Он, видимо, тоже представил это, раз посмеялся вместе со мной. Мы еще немного поговорили с ним о том, как я сегодня спала, что ела на завтрак, и как ходила с бабушкой в магазин. Андрея всегда интересовали подобные мелочи. Потом мы попрощались, и я повесила трубку. Бабушка пристально посмотрела на меня. От растерянности я спросила «Что?». Она помолчала и говорит:

– Какой у тебя милый жених. Спросил, как я отношусь к ситуации в Америке. А я ведь как раз сегодня про это в газете читала. Он у тебя политикой интересуется?

– Бабуль, да ни чем он не интересуется. Просто болтливый. Услышал где-то, вот и спросил у тебя. Знает ведь, что ты за этим следишь. И никакой он мне не жених! И вообще...

Я ушла. Бабушка всегда смущала меня своими «женихами». Я легла на кровать и уставилась в потолок. Это был первый раз, когда я собиралась побывать дома у мужчины. И я была вне себя. И я готовилась. Весь день. Я даже съездила в магазин и купила новое платье. Я купила новые туфли. Я была в панике.

Мы встретились ровно в восемь в нашем прежнем укромном месте. Андрей приехал на Пассате, изменив своему любимому автомобилю.

– Дороги, у вас, знаете ли! Всю подвеску мне убили! – ворчал он, улыбаясь.

– Ну, извините! – ответила я.

Через час мы были в Заречье. Мне открылся вид на шикарные большие дома. Хотя даже скорее на крыши этих домов, ведь заборы были выше небес. Мы въехали на территорию одного из таких домов. Длинная подъездная дорожка, окруженная кустами роз. Первый этаж дома наполовину стеклянный, как я заметила, там была кухня. Мы вошли в просторный холл, который плавно переходил в большую гостиную. Андрей усадил меня на большой белый диван и достал бутылку шампанского.

– Сегодня я расскажу тебе о себе. Что ты обо мне знаешь?

– Я о тебе? Ты смешной!

– Хорошо, это уже что-то. Расскажу чуть больше. Расскажу не только то, что считаю нужным. Расскажу все – то, что на самом деле происходило, и то, каким я вижу себя теперь. Получилось как-то слишком пафосно. Но рассказы о себе всегда выглядят слишком надменно и эгоистично. Я родился в Петрозаводске. И я очень люблю свой город, это правда. Многие стремятся переехать в Москву, но я никогда не хотел. Просто меня особо не спрашивали. Мой отец... он такой. Он очень жестокий, я знаю. Я видел все, помню, что происходило в моем детстве, но тебе об этом лучше не знать. Иначе есть шанс, что мы даже перестанем здороваться.

– Ты серьезно?

– Наверное, нет. Просто пытаюсь превратить этот рассказ в диалог между нами.

– Хочешь меня шокировать?

– Да. Ты догадливая, маленькая стерва. В детстве я пытался учить немецкий, потом итальянский, освоил английский, испанский и решил пойти дальше. Мне казалось, что я человек мира, и для меня не должно быть границ в общении с людьми из других стран. Мы, правда, очень много путешествовали и подолгу жили в некоторых городах. Мама очень любила Италию и ее эмоциональных жителей, любила Милан и его окрестности. Мы очень часто бывали во Франции у моря и подолгу жили в Барселоне. Там тоже осталось много моих друзей. К востоку меня никогда не тянуло, Латинская Америка казалась крайне далекой, а Нью-Йорк быстро наскучил. Мы летали туда каждое лето. Маме нравилось гулять по Сохо и Пятой авеню. Москва ее не возбуждала. Выходя из машины, она всегда оценивала грязь под своими каблуками и вечно жаловалась, что приходится выбрасывать белую обувь. Я предлагал ей мыть, но это для нее слишком. Я сейчас немного утрирую, просто хочу, чтобы ты лучше поняла какой у нее характер. Лет до пяти она считала меня своим сыном, а потом я уже слишком вырос для нее и перешел в категорию брата. После восемнадцати я стал ее молодым другом, а иногда даже незнакомым. Признать во мне сына она не могла, а за молодого любовника отец бы ее пристрелил. Меня всегда удивляло, как он ее терпит, но она – единствен-

ный человек, которого он любит. Она всегда поддерживает отца, какими бы жестокими не были его методы, и никогда не устраивает ему «сцены ревности». Она его настоящий друг, готовый поддержать любые его начинания. А так, конечно, типичная сука.

С отцом мы всегда мало общались. Он считал, что его огромный кошелек сможет заменить его самого. А толщину кошелька ведь нужно неустанно поддерживать, поэтому дома его никогда не было. Он приходил очень поздно ночью, бывало под утро, и ровно в шесть утра уходил. Иногда я задавал себе вопрос: «зачем он вообще приходит?» Мог бы вполне обойтись и без нас. И кстати, если ты считаешь, что он просто всего-навсего честный миллиардер, то это не так. На его руках много крови, которую он не забывает тщательно смывать. Мы прозвали его Мафиози, что его жутко бесит, поэтому, прошу тебя, никогда так не говори.

В общем, можно сказать, что я вырос без их участия в педагогическом процессе. Мама наняла мне прекрасную няню, с которой мы быстро нашли общий язык и много времени проводили вместе. В Нью-Йорке у нее жила родная сестра, у которой был сын практически моего возраста, мы с ним тогда очень подружились и часто играли в футбол и катались на скейтборде вместе. Я очень любил кататься на скейтборде, в какой-то момент я стал практически профессионалом в этом деле, и мне стало скучно. Я забросил скейтборд и увлекся игрой в теннис. Занимался с тренером по три-четыре раза

в неделю. Он считал, что я добился отличных результатов и мне пора попробовать себя в турнире. Но теннис мне тоже надоел. Я пробовал переключиться на бадминтон, но слишком быстро его освоил и начал искать что-то другое. Потом я всерьез увлекся волейболом, особенно пляжным. Мы с мамой часто бывали на пляжах в Майами. Мне нравилось, когда на солнце сгорает моя спина, и я выигрываю. Скорее всего, волейбол был самым долгим моим увлечением. Затем я пробовал американский футбол, в Москве переключился на хоккей, в горах занимался лыжами и сноубордом. Пробовал даже шахматы, но это слишком скучно для меня. Сейчас мне кажется, что мое детство можно даже назвать счастливым, ведь я так много всего успел попробовать, но чего у нас никогда не было – так это крепкой и дружной семьи. Мы не собирались по вечерам все вместе у камина, хотя он у нас и был. Никогда не пили вместе чай или кофе, наверное, вообще никогда не сидели вместе за одним столом, не считая каких-то выходов в свет. Я всегда пил чай с няней. Да, мне это нравилось, безусловно. Но хотелось бы все-таки иметь мать. Ты, наверно, сейчас думаешь, что я слишком сентиментальный и даже немного голубой?

– Да вроде нет. Сейчас я считаю, что ты прекрасный рассказчик. Твои истории восхитительны. Я готова слушать их вечно.

– Отлично. Я тебе потом обязательно еще что-нибудь расскажу. А сейчас давай уже выпьем и поедим. Я невыносимо

голоден сейчас. Просто я слишком долго ехал к тебе.

– Да, представляю. Тяжело иметь девушку, живущую не в Москве.

– Что я слышу? Это сарказм! Хотел напомнить тебе, что мы сейчас у меня дома, и он, кстати, тоже не в Москве, как ты сумела заметить.

– Да, но это только по твоей воле.

– У меня складывается ощущение, что это упрек.

– Да, пожалуй, я сейчас немного тебе позавидовала. После твоего рассказа о путешествиях чувствую себя полным дерьмом, что за свои пятнадцать лет толком нигде и не была.

– Ну, ты же понимаешь, что у тебя все еще впереди? Скоро мы побываем с тобой во всех уголках этой планеты.

– Ты говоришь слишком пафосно, чтобы это было правдой.

– Я просто хотел тебя подбодрить. Мой рассказ испортил тебе настроение, а я сейчас меньше всего хочу видеть твое грустное лицо.

– Да, этот вечер должен был быть самым романтическим. А я как всегда все испортила.

– Ты еще ничего не испортила, все круто. И ты прекрасна.

Я улыбалась и никак не могла поверить, что он действительно все это говорит мне. И что именно я сейчас сижу в его прекрасном доме, и только мне он рассказывает о своем детстве. Что мы пьем только вдвоем это шампанское и ужин накрыт только для нас двоих. Это было невыносимо прекрас-

но. Мне хотелось ущипнуть его за руку, чтобы удостовериться, что это был не сон. Что я сейчас точно не сплю. Вместо этого он подошел и обнял меня. И я почувствовала аромат его одеколона, его теплые руки, его сердцебиение. Этого не могло быть во сне.

Я стала рассматривать его фотоснимки, стоящие в рамках на камине. На всех фотографиях он улыбался и выглядел очень счастливым. Невольно я заулыбалась в ответ этим снимкам.

– Мне так нравятся твои фото. В тебя можно легко влюбиться по фотографии, – я рассмеялась и протянула руку, чтобы взять у него свой бокал.

– Ты такая смешная. Как можно влюбиться по фото? Оно ведь совершенно ничего о человеке не говорит.

– Ну, просто ты очень красивый, когда улыбаешься, и ведь согласишься, большинство людей влюбляется именно во внешность.

– Да, от этого все их беды.

– Ты так считаешь?

– Да, конечно же, я так считаю. Когда ты влюбляешься, женишься, снимаешь розовые очки и понимаешь, что твой партнер на самом деле полное дерьмо, это очень больно.

– Ты ведь не был женат!

– И я никогда не влюблялся во внешность. Эта история не обо мне, просто я это знаю.

– Ладно, не буду занудствовать. Мне на самом деле нра-

вится твоя уверенность в собственных словах.

Он засмеялся и снова стал безумно красивым.

– Хочешь, сейчас я принесу свой детский фотоальбом, и ты будешь весь вечер смотреть и влюбляться в меня?

– А я думала, ты для другого меня сюда пригласил.

– Нет, почему же? Как раз для этого. Огромный такой, толстенный фотоальбом. Уже несусь.

Он вышел в коридор, а я продолжала смеяться над его словами. Конечно же, я ему не поверила. Он вернулся в гостиную со своим ноутбуком и включил музыку. Никаких огромных колонок и специальных устройств. Просто музыка на ноутбуке и все. Американский реп. В то время я и сама любила такую музыку, поэтому мне очень понравилось. Я стала практически невидимо покачивать головой в ритм и пить из бокала. Все было так легко и просто. Андрей умел разрядить обстановку своими шутками. А я из тех людей, которые чувствуют себя неловко в компании, где им не очень рады и раскрываются, когда видят интерес к себе. А я знала, что нравлюсь. Что он смотрит на меня с любовью и нежностью, и что мне совершенно необязательно прикрываться какими-то масками или изображать из себя очень умную, богатую, недоступную и невероятную девушку. Я могла совершенно спокойно говорить с ним о моем простом детстве и в его глазах я не становилась хуже. Ему все это нравилось. Ему нравилось мое детство, потому что ему нравилась я. Нет, ему не было все равно на те события, что происходили со мной

до него. Наоборот он очень интересовался ими и просил меня рассказывать еще и еще. Даже самые глупые ситуации. Никакой неловкости, никакого жеманства. Этот вечер был наполнен приятным смехом, любимой музыкой и чувствами двух влюбленных людей, у которых нет никаких секретов друг от друга, они просто наслаждаются обществом и все. Мы сидели рядом на диване, и он обнимал меня за плечи, а иногда целовал мои волосы. Это было немного странно, но почему-то меня совершенно не смущало.

– Ты живешь здесь один? – вдруг спохватившись, спросила у него я.

– Да, один. Но у меня есть Мотя. Она прекрасна.

– Мотя – это твоя собака?

– Нет, это моя прекрасная женщина!

– Что ты имеешь в виду?

– Она незаменима, она готовит мне, моет посуду и терпит мое ужасное настроение и вредный характер.

– Ты сейчас говоришь про домработницу?

– Ну, можно сказать и так, но мне не нравится это слово. Скорее, она моя помощница. Она помогает мне немного проще жить, она замечательная, и я очень ценю ее. Ты ведь не будешь ее обижать?

– Зачем мне ее обижать? – я с удивлением посмотрела на него.

– Ну, знаешь, некоторые люди считают, что раз человек работает на тебя, а ты платишь ему зарплату, то можно со-

вершенно по-хамски относиться к нему и позволять себе оскорблять его или вымещать свое дурное настроение.

– Андрей, ты серьезно? В моей жизни никогда не было домработниц, скорее я сама была бы домработницей, – чуть не вскричала я.

– Я могу тебя устроить. Знаю одну отличную семью, они как раз ищут. Хочешь, я вышлю им твое резюме? – он усмехнулся.

Я рассмеялась и закивала головой.

– Да-да, конечно, я ведь мечтала об этом всю свою жизнь!

– Завтра придет Мотя, и я тебя с ней познакомлю.

– Ты разве не собираешься везти меня сегодня домой?

– Нет, я забронировал тебя до завтрашнего вечера.

– А где же я буду спать?

– Ну, я могу показать тебе пару достойных мест в этом доме, – он сделал широкий взмах руки, указывая на огромное пространство и второй этаж. – Я что-то забыл показать тебе дом, но просто я совершенно не умею этого делать. Обычно люди сами ходят и смотрят то, что им нужно.

Мы поднялись на второй этаж, и он быстро провел меня по всем комнатам. При этом он ничего не объяснял, просто говорил: «эта комната и эта комната». Но, в общем-то, это было абсолютно не важно. В конце мы зашли в его комнату, и она была очень простой и мужской. Легкий бардак с примесью вытертой пыли и чистых окон. Никаких милых сердцу вещиц или воспоминаний. Только те вещи, которыми он мог

легко пользоваться каждый день. Его кровать с совершенно простым, но дорогим покрывалом. Две подушки. На полу зарядка от ноутбука. В комнате не было даже стола, видимо, он ему был не нужен. Никаких домашних тапок, халата или пижамы, он этого не понимал и считал совершенно лишним.

– Каждый день Мотя складывает все эти вещи по местам, а я каждый день их раскладываю в другие места. Она пытается приучить меня к порядку, но я слишком плохой ученик в этом деле, – пояснил мне Андрей.

– У тебя слишком мало вещей, чтобы создать реальный хаос, – уверенно ответила я.

– Да, это меня только и спасает, – согласился Андрей.

Возле кровати, а скорее даже под кроватью, лежала его книга. Оказалось, что он был очень даже не прочь почитать. Это мне, конечно, понравилось. На самом деле мне все там понравилось. Если бы я была на его месте, моя комната выглядела бы так же.

– Ты не будешь против, если я пойду и приму душ? Не привыкла ложиться спать грязной! – я почесала за ухом, изображая грязного пса. Он улыбнулся.

– Дурачишься?

– Немного!

– Это смешно! Да, конечно, иди. Я буду ждать тебя здесь.

– Я быстро! А полотенце дашь?

– Дорогая, там есть все, что тебе будет нужно. Иди!

– Хорошо!

В ванной комнате было действительно все, что нужно. Джакузи. Огромные пушистые полотенца. В стене был целый шкаф с новой косметикой для ухода за телом и волосами. Мне показалось, что я попала в шикарный отель.

– Джакузи? Серьезно? – спросила я, заходя в комнату после ванн процедур.

– Не начинай. Это мамина ванная. Моя душевая комната справа.

– Откуда столько новых шампуней? Я там открыла один.

– Я их купил для тебя. Не мог угадать, чем ты пользуешься.

– И решил скупить весь магазин? – я улыбнулась. – Получается, это дом твоего детства? Здесь есть комнаты мамы, отца и еще куча комнат для всех членов семьи.

– Да, в этом доме я вырос. Точнее провел ту часть детства, когда мы жили в Москве. Потом отец оставил его мне. Они переехали в Барвиху.

– А сколько тебе было лет, когда ты стал жить один?

– Точно не помню, кажется, мне было шестнадцать, – задумался на секунду Андрей, а потом добавил: – Хватит говорить обо мне. Я хочу говорить о тебе.

Мы перестали болтать, и перешли, наконец, к поцелуям.

Я проснулась рано утром из-за ослепительно ярких солнечных лучей. Они смотрели мне прямо в глаза, и было сложно устоять под их натиском. Я повернулась на другую сторону и уткнулась лицом в его щеку. Андрей еще спал.

На его ресницах блестели слезы. Он дышал так глубоко и ровно, что мой ритм никак не мог под него подстроиться. Я стала разглядывать его татуировку на внутренней части плеча. Мне она очень нравилась, казалась такой необычной. Не каждый ее мог увидеть, она была спрятана там от посторонних глаз. От Андрея исходила такая уверенность, несмотря на то, что он спал. Казалось, его ни что не сможет застать врасплох. Он лежал, раскинув ноги практически на весь периметр кровати, поэтому мне приходилось прижиматься к нему, чтобы не упасть на пол. Это была наша первая ночь, которую мы провели вместе. И я всю ночь не спала. Просыпалась от каждого шороха и движения его тела. Мне было непривычно спать с кем-то в постели, и еще я очень боялась сделать что-то не то. Поэтому я проснулась так рано. Хотела скорее встать и бежать в ванную, чистить зубы, умывать лицо и красить глаза. Но я не успела. Он схватил меня и стал целовать все мое лицо. Сначала я сопротивлялась, а потом перестала. Если ему все равно, то мне-то уж и подавно.

Мы спустились вниз, когда часы тикали в сторону половины двенадцатого. На кухне была Матильда, она готовила завтрак и варила кофе. Увидев меня, она улыбнулась и произнесла свое имя. Я немного смущенно сказала ей свое. Она налила мне кофе в красивую чашку и предложила пирожные, которые купила по пути сюда, в кондитерской. Она была так добра ко мне и так расслаблена, что я тоже вдруг перестала стесняться, и стала обсуждать с ней новости в мире.

Андрей молча наблюдал за нами, и его ехидная улыбка не сходила с лица. По-моему, он был очень доволен нашим знакомством. Мотя предложила нам такой шикарный завтрак, что для меня это был скорее обед. Несмотря на то, что во время завтрака мы без умолку разговаривали с ней, я очень вдумчиво разглядывала ее. Она не была похожа на мамочку или на девушку. Это была женщина лет сорока, ухоженная и красивая. Она держалась с Андреем просто, но учтиво, не проявляла излишнюю заботу или внимание, спрашивала у него разрешение на те, или иные действия, уточняла меню обеда. Андрей разрешил ей ничего не готовить, так как мы не собирались сидеть больше дома. Москва ждала нас.

Мы уехали из дома на его желтом «Lamborghini».

До нашего знакомства Андрей часто проводил время в ночных клубах. В тех клубах, которые он посещал, его многие знали и общались с ним даже вне стен ночных заведений. Но в большинстве своем, конечно же, они встречались именно там. Поэтому, вскоре после того как мы начали с ним встречаться, Андрей загорелся желанием познакомить меня со своей клубной компанией друзей. Мне не очень нравилась эта идея, и я долго отнекивалась, так как после знакомства с другими его товарищами мой пыл знакомиться значительно поутих. Но Андрей был настойчив, и, в конце концов, я сдаюсь под его натиском. И вот в одну из теплых августовских ночей мы поехали в его любимый клуб. До этого раза я еще

никогда не была в подобных местах, поэтому даже не знала, как стоит одеваться и как нужно выглядеть, направляясь туда. Андрей посоветовал мне более ярко накраситься и надеть красивую одежду, а не шорты, майку и балетки. У меня дома ничего подобного не было, поэтому он купил мне все сам. Это был наряд координально отличающийся от того, что я когда-либо надевала. Мини платье и туфли на каблуках, а вдобавок маленькая сумка-клатч без ремня, которую нужно было постоянно носить в руке. Несмотря на то, что звучит это довольно банально и слишком вызывающе, малолетней «Лолиты» из меня не вышло. Платье было подобрано чудесно, полностью скрывая руки и плечи, оно открывало спину и ноги, туфли бледно-голубого, небесного цвета с красивой пряжкой на мысе. Макияж и прическу я сделала себе сама, и в этом плане, скорее всего, все было довольно плохо, так как никакими умениями в этой области я не владела.

Было уже довольно поздно, ближе к двум часам ночи, когда мы подъехали на его лимонном автомобиле к клубу «B-club». Как сказал мне Андрей, это заведение открылось недавно, но там уже движение и жизнь.

Когда мы зашли внутрь, от громкой музыки у меня заложило уши. Я совершенно не слышала, что говорил мне Андрей. В конце концов, он просто схватил меня за руку и потащил вглубь клуба. В зале было очень много людей, и нам приходилось практически пробивать себе дорогу. Многие парни останавливали Андрея, здоровались с ним и пы-

тались поговорить, но он ничего не слышал. Я шла за ним, и мне было жутко неуютно и некомфортно в этой атмосфере, хотелось, чтобы мы поскорее оттуда ушли. Я не понимала, что привлекало Андрея в подобном отдыхе. Наконец мы выбрались из толпы и направились к столику, где уже сидели несколько парней со своими девушками. Я поняла, что это и были его друзья. Подходя к столику, я заметно стусевалась, так как увидела, что все эти молодые люди намного старше меня, очень хорошо одеты и расслаблены. На столе стояло несколько бутылок с алкоголем, а у девушек в руках были неизвестные мне коктейли. Андрей поздоровался со всеми ребятами, игнорирую их подруг. Это было нормально. Никто из них не обратил на это никакого внимания. Затем Андрей представил своим друзьям меня. Сказал, что я его любовь Анастасия. Кто-то из них подумал, что мое имя – Любовь. От этого я стала чувствовать себя еще хуже. Несмотря на мой прекрасный наряд, его друзья косились на меня с недоверием, и в их глазах явно читался вопрос: «А сколько же ей лет?». Андрей завел разговор с одним из своих друзей. Я молчала. Сказать мне им было нечего. Его друзья тоже мне ничего не говорили.

Десять минут спустя все присутствующие девушки поднялись и дружно направились в сторону туалетной комнаты, чтобы не чувствовать себя белой вороной, я последовала их примеру. Когда я вошла туда, они стояли около раковин и смотрелись в зеркало, и одна из них громко спрашивала у

своих подруг, есть ли у них тампон, так как у нее внезапно начались месячные. Я машинально ответила ей «Нет», хотя вопрос ко мне и не относился. Она услышала мой ответ и повернулась ко мне лицом:

– А я тебя вообще-то не спрашивала! Да и месячных у тебя, наверное, еще нет.

Подружки хором захихикали, поддерживая тем самым ее мнение. Я загорелась.

Другая девушка добавила:

– Да откуда же ты такая взялась? У Андрея вообще, что ли, крыша поехала?

– Да, он вообще чокнутый придурок! – подтвердила третья из них.

– Точно! Ты видела, мы-то не в его вкусе. Девочки, так он педофил! – добавила четвертая.

Они все дружно снова рассмеялись. Меня словно парализовало от этой грубости. Я только и могла, что стоять и слушать те гадости, что они говорили в наш адрес.

– Да... жалко, что он такой ненормальный... а ведь такой симпатичный, и при деньгах... – протянула первая девушка.

Я отмерла.

– Вы, злобные крысы! – крикнула я им в ответ и выбежала из туалета. По щекам потекли слезы, но в темноте этого никто не смог бы разглядеть. Я вытерла их рукой, попыталась улыбнуться и направилась к нашему столику. Но, когда

я увидела его веселого и смеющегося, эти жуткие грязные слова с новой силой застучали в моей голове. Я кинулась к нему на плечи и заплакала. Мне было так тяжело говорить, что слышны были только всхлипывания. Нет, ничего такого страшного, конечно же, не произошло, просто я всегда была столь чувствительна и ранима. Любые грубые выражения из чужих губ могли привести меня в оцепенение и даже депрессию. Обычно это происходило молниеносно, и я сама точно никогда не могла сказать, почему меня это так задевает. Дело было даже не всегда в грусти, рассердится и возненавидеть я тоже умела в доли секунды. Обладая столь вспыльчивой натурой, мне было довольно тяжело общаться с другими людьми, ведь каждое сказанное ими не к месту слово могло легко вызвать во мне гнев и злость. Самое главное: нрав мой был необузданный, и никакие условия не могли помешать мне высказаться.

– Андрей, пожалуйста, давай отсюда уйдем! – прошептала я ему на ухо.

– Но мы ведь только пришли, Насть. Тебе здесь не нравится?

– Да, мне не нравится!

– Может, тебе выпить?

– Нет, не хочу я пить. Я хочу домой!

– Окей, пойдем домой.

Он сказал друзьям, что мы уходим. У них был недовольный вид, но они не стали нас останавливать. Андрей взял

меня за руку, и мы вышли из клуба. На улице все еще было темно. Наверное, мы пробыли там не больше сорока минут. Ну что ж, для первого раза неплохо. У меня на душе было скверно. Хотелось плакать, но я этого не делала. Не хватало того, чтобы они увидели, как «малолетка» плачет из-за их слов. Я предложила Андрею пройтись и не ехать сразу домой. Он согласился. Мои ноги жутко гудели от каблучков, но я мужественно зашагала вперед.

– Почему ты захотела уйти оттуда? – спросил через минуту Андрей.

Я молчала, не зная, что ответить ему. Мне совершенно не хотелось передавать эту ситуацию в туалете. Он спросил еще раз. Я ответила, что, кажется, это совсем не мое.

– Брось. Тусоваться – очень даже твое, – возмущенно ответил мне он.

– Мне не понравилось это место, – я пыталась оправдаться, не вдаваясь в подробности.

– Чем? – допытывался Андрей.

– Людьми, – немного помолчав, ответила я.

– Тебе не понравились мои друзья? – немного расстроено спросил он.

– Я думаю, что это я им не понравилась! – в моем голосе сквозила обида.

– Да что за бред! Нормально ведь все было. Они тебе что-то сказали? – Андрей вновь возмутился и повысил голос.

– Нет-нет, ничего не сказали. Просто... – я снова попыта-

лась оправдаться, не вдаваясь в лишние подробности.

– Что просто? – не унимался Андрей.

– Андрей, пожалуйста, не мучай меня... Я просто хочу поехать домой, – немного жалобно попросила я.

– Какого черта мы тогда здесь гуляем? – Андрей практически закричал на меня.

– Я не знаю... – растерянно ответила я.

– Ты сама не можешь определиться, чего хочешь!

Я промолчала. Я видела, что он сердится на меня, думая, что это все мои капризы, но рассказывать ему совершенно не хотела. Мы молча отправились обратно к машине. В ней я скинула туфли с уставших ног и в темноте ночной Москвы проливала слезы обиды. Первый раз за все время, проведенное с ним, мне было так гадко и мерзко на душе. Первый раз я чувствовала себя полным ничтожеством в его окружении. И он совершенно не был в этом виноват. Просто слова этих девушек больно ударили меня. Возможно, из-за того, что они не совсем относились ко мне. Мне было стыдно за Андрея. Было стыдно, что я позорю его. В голове крутилась мысль, что мне нужно расстаться с ним, пока это все не зашло так далеко. Я не подхожу ему. Это очевидно. Я еще слишком маленькая и некрасивая. Зачем он вообще связался со мной? От этих мыслей слезы текли все быстрее. Андрей молчал. Мы добрались до дома довольно быстро. Я заперлась в ванной и с маниакальной страстью стала разглядывать свое лицо в отражении зеркала. В душе я злобно высмеивала свою

потекшую тушь, красный распухший нос и маленькие глаза.

– Настя, какое же ты чмо! – чуть ли не крикнула я своему отражению. – Что ты вообще делаешь в этом прекрасном доме с этим мужчиной? Ты разве не видишь, что ты ему не пара! Прекрати его позорить! Ты должна уйти!

Я опустилась на кафельный пол, продолжая рыдать. Я знала, что не смогу ему этого сказать. Я не смогу расстаться с ним, потому что уже слишком сильно люблю его. Мне казалось, что весь мир был против меня в эти минуты. Даже не знаю, сколько тогда времени я провела, сидя на кафельном полу. В конце концов, я успокоилась, смыла косметику, приняла ванну и отправилась спать. Андрей уже был в постели. Я подумала, что он спит. Тихо, стараясь не дотронуться до него, я легла на самый край кровати. Но он тут же схватил меня и притянул к себе.

– Малыш, прости меня! Я дурак. Не стоило мне так с тобой поступать.

– Но ты же ни в чем не виноват! Это я... Я не подхожу тебе!

– Настя, ты чудо! Без тебя моя жизнь была полным дерьмом.

Что я еще могла ему ответить? По-моему, это самое прекрасное, что можно было услышать. Я сильнее прижалась к нему своим телом, и мы уснули под уже восходившее солнце.

Стоял солнечный осенний день. Над головой кружили

желтые листья, и дорожка к дому была застлана чудесным ковром из красно-желтой листвы. Андрей встретил меня около дома моих родителей, и мы отправились на день рождения к его другу, который жил не так далеко. К тому самому другу, к которому он приезжал, и увидел меня. Друга звали Саша, не помню, писала я про это или нет. Он был очень плох для меня, но вряд ли об этом кто-то знал. Я не считала нужным сообщать свое отношение к его знакомым. Просто они были, и этого было достаточно.

– Там будет моя мать, – сказал мне Андрей, останавливаясь около подъезда Сашиного дома.

– Прости, что? Ты хочешь сказать, что я познакомлюсь с ней на вечеринке, где будет виски рекой, а потом пара клубов? – честно говоря, я была слегка в шоке.

– Ты просто еще не знаешь мою мать. И лучше бы ты вообще ее не знала.

– Но мы не можем туда не идти, так ведь? – в мои привычки никогда не входили расспросы «зачем» и «почему». Но идти туда я теперь совсем не хотела.

– Да, Насть, не можем. Она-то как раз очень хочет познакомиться с тобой, – с грустью в голосе сказал мне Андрей.

Мне это не понравилось. Мне никогда не нравилось, что люди проявляли особое рвение для знакомства со мной. В определенной степени меня это отпугивало. Пожалуй, мне больше нравилась усталая обреченность в выражении их лиц.

Мы вошли в подъезд, поднялись на седьмой этаж и позвонили в дверной звонок. Дверь никто не открыл, но она оказалась не заперта. Мы вошли. В квартире было шумно и многолюдно. Гости стояли по углам и в середине комнаты, пили виски, немного танцевали, курили и громко смеялись. В дальнем углу, в красивом сером кресле, сидела молодая девушка в черном платье. Ее длинные коричневые волосы спадали вниз красивыми легкими волнами. Ее губы были накрашены помадой цвета терпкого вина. Ее маленькая сумочка была произведением искусства известного итальянского дизайнера. Девушка курила крепкие «Marlboro» и смотрела на всех свысока.

– Это она, – шепнул мне Андрей.

– Кто она? Твоя бывшая девушка? – расстроилась я. Провести вечер в компании с его шикарной бывшей совершенно меня не радовало.

– Моя мать. Давай подойдем к ней сразу, а то потом будет поздно.

Честно говоря, я совершенно ему не поверила, потому что это была полнейшая глупость. Той девушке было от силы двадцать пять лет. И я подумала, что Андрей хочет познакомиться с ней и придумывает предлог для меня. Моя кривая улыбка совершенно не удивила его.

– Да я тоже идти не хочу. Но будет только хуже, – неправильно истолковав мое выражение лица, прошептал мне он.

Если бы мое лицо было более восприимчивое, то щеки

наверняка покраснели бы. Я почувствовала, что он издевается надо мной. Это было невыносимо.

– Хорошо, давай подойдем, – согласилась я.

Мы взяли со столика два бокала шампанского и направились к девушке. Меня немного трясло и подташнивало. Меня мучила ревность.

– Привет, прекрасный мужчина, как твое настроение? – спросила девушка у Андрея, когда мы приблизились.

Андрей поцеловал девушку в щеку и слегка дотронулся своим бокалом до ее бокала.

– Ты не звонил мне уже два дня, – немного обижено протянула она.

– Мама, прошу тебя.... Это Настя. Я думаю, ты рада с ней познакомиться, – он слегка подтолкнул меня вперед, и я от неожиданности чокнулась с ней бокалами, как и он, минуту назад.

– Настя.... Да... Хорошо.... Очень приятно! – она сообразила на своем лице улыбку, но та ей не очень шла, поэтому она быстро свернула губы назад.

Я была в легком замешательстве. Да нет, не в легком. В полном. Да, конечно, при близком рассмотрении мне стало ясно, что ей не двадцать пять лет, а ближе к сорока. Но ее манеры и тон, с которым она разговаривала с собственным сыном, меня шокировали. Это можно было бы принять за легкий флирт, если не знать всей правды его рождения. Мне хотелось немножко заплакать и чуть больше выпить. Нас по-

звали к столу. Андрей дернулся и, словно только что, вспомнив, произнес:

– Я забыл представить тебе мою маму. Ее зовут Мила.

– Андрей, прошу тебя, мне было бы неудобно называть ее без отчества, – шепнула ему я.

– Мама не любит, когда ее называют по отчеству, она еще слишком молода для этого, – скептически ответил он.

– Да, детка, в конце концов, мне всего лишь двадцать семь лет, почему у меня уже должно быть отчество? – непринужденно произнесла она в мою сторону. – И кстати, – добавила она, – я просила не называть меня мамой, ты ведь помнишь.

– Да, но ты моя мать и прости, но я буду называть тебя только так и никак иначе. Придется смириться! – голос Андрея был невозмутим, но довольно строг.

– Красавчик, ты меня с кем-то путаешь, я ведь только сказала, что мне не больше двадцати семи... – начала она.

– Настя, пойдем отсюда! Мне нужно много усилий, чтобы это терпеть, а сейчас сил нет. Мне нужно поесть, – он потянул меня за руку ближе к столовой.

Кстати говоря, в квартире было всего три комнаты, но одна из них была столовая. Нет, не кухня. Кухня была отдельно. В обычном панельном девятиэтажном доме, в квартире с тремя комнатами, были столовая, кабинет и зал. Видимо, хозяева квартиры в ней не жили, используя ее для встреч с друзьями. Мы вошли в столовую, когда другие гости уже были на своих местах. Три стула рядом с Сашей и его же-

ной были свободны, но Андрей туда не сел. Мы продолжали стоять возле дверей. Я поняла, что он совершенно не хочет сидеть рядом со своей матерью и выслушивать ее реплики в духе: «Мой привлекательный мужчина, передай, пожалуйста, соль». Для меня, выросшей в нормальной семье, это было очень странно и непонятно, но я его поддерживала. Мне пришло в голову закричать и сморщиться от боли.

– Живот, – прошептала я, и Андрей, схватив меня за плечи, отвел в тихий безлюдный кабинет. Гости немного смутились и переглянулись, но быстро успокоились.

– Мы останемся голодными! – улыбнулась Андрею я, и он тихо рассмеялся, когда мы закрыли за собой дверь в кабинет.

– Настя, это было гениально. Как ты поняла?

– Ты знаешь, красивый мужчина...

– Мама расстроится, она наверняка надеялась подлить тебе в стакан яду.

– Какие у нее устаревшие методы мести... Я бы просто придушила. Твои друзья уже так пьяны, что никто не смог бы свидетельствовать против нее, был бы просто маленький...

– Настя, прошу, не нужно так громко. Возможно, она подслушивает и запоминает.

Зажав кулак и поднеся его ко рту, я давилась собственным смехом.

– Нам нужно по бокалу и поесть. Сейчас принесу, – произнес Андрей и вышел из кабинета.

Я огляделась. Строго над кожаным диваном висела репро-

дукция картины Ренуара «Завтрак гребцов» и словно тонко намекала, чем обычно занимаются хозяева в этой квартире.

Кабинет был очень чистым, словно вылизанным коровьим языком. Здесь было все то, что обычно бывает в кабинетах такого типа. Было бы довольно сложно что-то убавить или добавить в этот интерьер. Но, несмотря на всю видимую наполненность, мебель выглядела довольно дешевой. Скорее всего, она такой и была. Большой письменный стол, сделанный под породу красного дерева, на самом деле был выполнен из обычных опилок, облитых клеем. Картина над моей головой была куплена где-то в районе перехода подземной станции Метрополитена. Небольшой шкаф для книг и бумаг по своему качеству и дизайну был таким же, как и письменный стол. Диван, на котором полусидела или полулежала я, был очень похож на кожаный, но по-настоящему им не был. И даже сейф, спрятанный под письменным столом так, что его было видно, был пуст и выполнен из пластмассы. Не сдержавшись, я встала с дивана и легонько дотронулась до дверцы. Она тут же открылась. Внутри ничего не было. Это был муляж. Стоя перед ним в большой растерянности, я никак не могла понять, зачем же хозяевам все это было нужно. Особенно, зачем нужен был пустой пластиковый сейф в квартире, где никто не живет? И этот огромный письменный стол с бумагами, красивой ручкой на подставке, к слову, тоже довольно дешевой, но эффектной. Насколько я знала, Саша и его жена не писали книг, да и вообще никак не были

связаны с бумагой.

В этот момент в комнату вернулся Андрей с двумя бокалами шампанского и небольшими тарелочками с едой. Он очень удивленно посмотрел на меня, стоящую возле открытого пластикового сейфа. И вдруг очень громко рассмеялся.

– Ты решила их ограбить? – он смеялся, как сумасшедший, и шампанское в его руках выплескивалось из бокалов.

– Никак не пойму, что тебя так рассмешило? И ты разольешь наше шампанское! Я просто никогда раньше не видела настоящий сейф, и мне стало интересно.

– Но, ты же поняла, что он не настоящий, ведь так?

– Да, конечно, поняла. Но зачем?

– Ну, знаешь ли, у всех людей свои пристрастия.

– О каких пристрастиях ты говоришь? Любовь к сейфам? Работа в кабинете? Я даже не знаю, что еще...

– Это все потому что, ты моя маленькая глупая девочка...

– Да-да, слышала. Но ты большой и умный, конечно же, просветишь меня в этом деле?

– Да, конечно же, я тебе все расскажу. Я бы даже сказал – покажу.

Андрей начал целовать меня в шею, и тут я поняла, для чего им нужен был этот пластиковый сейф и вообще кабинет в этой квартире. Я отшатнулась от него с безумными глазами.

– Это ужасно! Ужасно! Я все поняла! Это отвратительно! Они извращенцы! Ты это понимаешь? – я была явно не в се-

бе. Перенесенный ужас от знакомства с его мамой, все эти полупьяные гости в квартире и осознание того, для каких целей был сделан этот кабинет, выбило меня из колеи. Мои руки тряслись, и я никак не могла успокоиться и начать нормально говорить.

– Да, я понимаю. Я тебя понимаю. Правда. И я с тобой полностью согласен.

– Нет, ты не понимаешь! Не понимаешь! Если бы ты понимал, мы бы тут же ушли из этой мерзкой квартиры от этих отвратительных людей! Ты бы вообще никогда не стал общаться с этим человеком! Нет, ты не понимаешь! Здесь твоя мать, которая так же пьет и развлекается, как все остальные! Это ненормально Андрей! Ты не понимаешь!

– Думаешь, ты мне сейчас открыла глаза? Считаешь, я не замечаю всего этого? Или, может быть, ты думаешь, что мне это тоже все нравится и я, конечно же, принимаю во всем этом непосредственное участие? Да? Ты так, наверно, думаешь?

– Нет! Я не знаю... я не знаю, что я должна думать. Почему? Почему ты общаешься с ними? Почему мы сейчас здесь? Объясни мне, прошу тебя!

– Да, я объясню тебе, обязательно объясню, когда ты прекратишь кричать, и мы уйдем отсюда. Мы уходим отсюда! Бери свои вещи!

Я залпом выпила бокал шампанского и вышла из комнаты вслед за Андреем. За это время, что нас не было на кухне,

гости уже достаточно выпили, и все их светские разговоры сошли на нет. Некоторые из них стали намного ближе друг к другу, чем были ранее. Кто-то просто смотрел и покуривал. Мама Андрея невозмутимо стояла у окна с бокалом и разговаривала с незнакомым мне молодым парнем. Мы не стали прощаться с этим сборищем алкоголиков и тихо вышли за дверь. А затем, совершенно не стовариваясь, взяли за руки и с грохотом побежали вниз по лестнице. Мы были похожи на двух освободившихся из клетки птенцов, которым кто-то по доброте душевной даровал свободу, но мог легко передумать, поэтому стоило улетать отсюда как можно скорее. Мы сели в машину Андрея и, быстро развернувшись, уехали подальше от этого жуткого дома. Около десяти минут мы молчали и просто быстро ехали в центр Москвы. В конце концов, Андрей рассмеялся.

– Настя, ты гениальна! Я говорю тебе это еще раз и буду повторять, и повторять это! Неподражаема! Такая истерика, такой разнос! Я был словно маленьким мальчиком перед большой и злой тетей! Ты меня жутко повеселила сейчас!

– Это был розыгрыш?

– Нет, что ты? Это все – чистая правда. Они такие больные на всю голову уже давно. И моя мать с ними тусуется именно поэтому. Ей скучно жить, понимаешь? Отца никогда нет дома, все бары и рестораны ей надоели, а достойного занятия она для себя так и не нашла. В интернете она выискала упырей, которые напиваются и устраивают оргии, теперь

она проводит время там, наблюдает на все это со стороны и получает от этого определенный кайф. Я тебе отвечаю: она такая же больная, как и все они.

– Боже, это ужасно! И ты так просто про это говоришь!?

– Поверь мне, это только сейчас. Я уже пережил это. Поэтому сейчас все нормально.

– А почему ты сам едешь к ним? Проводишь там время?

– Потому что меня об этом просил отец. Он хочет, чтобы я приглядывал там за ней.

– То есть он обо всем этом знает и не противится?

– Ты бесподобна! Конечно же, он не против. У него ведь нет времени, которое он мог бы проводить с нами. Ему достаточно знать, что она не принимает в этом участие, а остальное не важно.

Мне сложно было ему что-то на это ответить. Ведь я выросла в совершенно другой обстановке, а для него этот кошмар и был его настоящей жизнью. Словно угадав мое настроение и текущие мысли, Андрей продолжил разговор:

– Только прошу тебя, не начинай меня жалеть. Я принимаю всю эту ситуацию со смехом. Мне плевать, кто и чем там занимается, я уже давно живу один, и меня это не волнует. В детстве у меня была прекрасная няня, поэтому родители меня тоже особо не волновали. Я принимаю их за знакомых, поэтому мне все равно. Честно говоря, я жалею, что втянул тебя во все это. Лучше бы ты была в неведении этой мрачной стороны жизни. Тем более я вижу, это тебя силь-

но шокировало. Не переживай, больше ты их не увидишь. Просто мать очень хотела с тобой познакомиться и вытрепала мне все нервы по этому поводу. Однозначно, мне нужно быть с ней жестче. Ты не обижаешься на меня из-за всего этого? – он погладил рукой по моему колену и улыбнулся. От его улыбки я тоже начала улыбаться. Вдруг все это стало совершенно не важно. Не важно, что было раньше и какое у нас было детство. Главное, что сейчас у нас есть. У меня был он, а это значит, что я была самой счастливой девушкой во всем мире.

В конце сентября, в один из прекрасных еще солнечных дней мы решили отправиться к морю, поехав при этом на его автомобиле. Конечно, мы могли бы, и полететь, но Андрею хотелось новых ощущений и необычной поездки. Мне даже не пришлось отпрашиваться у родителей, так как они сами улетели отдыхать, благополучно не взяв меня с собой, потому что я рьяно воспротивилась этому.

Мы выехали из Москвы, когда еще не было шести утра. Рассвет только занимался, но улицы уже не были пусты. Мы лавировали между автомобилями, а затем выехали на трассу. К тому времени стало совсем светло. В пути мы провели много долгих часов, взирая на бескрайние поля, освобожденные от посевов, голые ветки деревьев, сбросивших свою листву, и сотни километров асфальта, но все же эту поездку нельзя было назвать захватывающим приключением. Мы

сидели в машине, молчали и думали каждый о своем. В нашем молчании не было ничего надуманного и необычного. С иными людьми очень даже приятно молчать. В дороге мы ели хот-доги и пили колу, останавливались отдохнуть у придорожных мотелей, но номер там никогда не снимали, а просто сидели в машине или лежали на задних сиденьях. Мне было просто чертовски приятно знать, что мы едем вместе, впервые предоставленные лишь только друг другу.

Море встретило нас прохладой, была ночь. Шагая по мягкому холодному песку, я ощутила желание залезть в воду и поплавать при желтом свете ясной луны. Но он угадал мои мысли, схватил за талию и оттащил от воды.

– Понимаешь, там много акул. Купаясь в воде в одиночку, ты сильно повышаешь свои шансы быть съеденной, – очень серьезно заявил мне Андрей.

– Почему ты не прыгнешь в воду вместе со мной, чтобы разделить мою участь? – смеясь, спросила я.

– Боюсь, что акула в любом случае выберет тебя. Зачем ей старое жилистое мясо? – он хмыкнул и поставил меня на песок. – Может, прогуляемся по берегу, пока здесь тихо и пустынно?

– Конечно, ей это не нужно, ведь акул здесь нет, – улыбнулась я и добавила, – да, давай прогуляемся. Только здесь холодно. С моря дует холодный ветер. И я замерзла, – поежилась я.

– Хорошо, я дам тебе свою куртку, но только когда вер-

немся к машине. А пока тебе придется немного закалиться! – он улыбнулся и пошел по песку.

– Андрей, ты знаешь, в машине я много думала о том, почему люди расходятся. И почему страдают, когда все еще вместе. Ведь можно быть очень сильно влюбленным, но если паззлы душ не совпадают, это будет очень... Очень больно. И можно ли разлюбить навсегда? Или смутные тени прошлой любви будут преследовать всю оставшуюся жизнь?

– Ты считаешь, мы не подходим друг другу?

– Нет, нет. Конечно же, нет, я думала совсем не про нас с тобой. Просто это так удивительно, как родной человек может стать настолько чужим. Если судьба распорядится так, что мы с тобой больше не будем вместе, я тебя никогда не забуду. Это точно. И всегда буду вспоминать о тебе с нежностью в сердце.

– Что за глупости? Мы никогда не расстанемся. Запомни это. И думай только о хорошем. У тебя вечно какие-то грустные мысли. Если бы ты вдруг решила написать книгу, она бы точно была печальной и с плохим концом. Моя бы книга заканчивалась словами: «– В итоге у них все было отлично».

– Да уж, боюсь даже представить ее сюжет!

– Думаю, она была бы про нас с тобой. Про наше знакомство. Про то, как ты боялась меня, но в итоге я тебя захмутил.

– Ты меня что...? Я не похожа на лошадку!

– Ну конечно, похожа. Ты молоденький породистый жере-

бец. Я в этом разбираюсь.

– Да-да, я знаю, ты разбираешься во всем!

– Да, в этом большой плюс быть богатым. Ты не тратишь свою жизнь на зарабатывание денег. Ты тратишь ее на изучение нового и практику неизведанного.

– Да, я с тобой согласна. А что же делать другим? Перестать зарабатывать деньги?

– Я не знаю. Я не был в такой ситуации. Но думаю, всегда можно найти выход. Можно ведь совмещать.

– Совмещать? Бывает работа, с которой сложно что-либо совмещать.

– Тогда нужно послать такую работу куда подальше и найти новую.

– А кто же тогда будет ее выполнять?

– Насть, я не знаю. Зачем мне думать за других людей? Это слишком объемный вопрос. Нельзя предугадать все варианты жизни. Главное – выбрать свой.

– А как понять, что ты выбрал правильно?

– Ну, к примеру, когда ты стоишь у моря с красивой и любимой девушкой. Ты молод и свободен от обязательств. Наверно, ты сделал все правильно. Я так считаю.

– Да, но ты ведь не планируешь всю жизнь здесь просто-ять? В какой-то момент мы все можем оступиться и сойти с правильного пути.

– Да, можем. Но только по глупости. Если всегда будешь думать своей головой, этого не случится.

Вот в этом и был весь Андрей. Слишком самоуверенный. Слишком самонадеянный. Думает, что он-то точно проживет эту жизнь правильно. А как оно «правильно»? И факт ли, что это действительно правильно?

Мы еще долго брели по песку. Этот пляж оказался необычайно протяженным. Мне больше не было холодно, потому что он согревал меня своим теплом и своими словами, как в нашей жизни все будет прекрасно и удивительно. Какая у нас будет свадьба, как мы будем много и весело путешествовать по миру со своими тремя детьми. Он всегда видел жизнь только в светлых красках, будто ничего плохого в ней никогда не происходило. По крайней мере, в его жизни. А я очень хотела научиться этому у него и перестать думать о грядущих неприятностях. Расслабиться и получить удовольствие от момента. В ту ночь это мне удалось. Мы не ушли с пляжа до утра. В машине нашлась бутылка вина, килограмм кислой вишни и бежевый плед. Он был в цвет песка. И будто бы мы сидели на песке. А вино, конечно же, пили из горлышка.

– Ты знаешь, вообще-то я не пью вино, – сказал мне Андрей.

– Почему же ты купил его? – удивилась я.

– Я сделал это для тебя и для красивого дополнения момента.

– Да, скорее, для этого. Ведь я тоже не пью вино. Ты же знаешь.

– Знаю, но это было красиво!

– Да. Красиво. В нашей жизни все должно быть красиво! – в моем голосе явно сквозили нотки сарказма.

– Ты очень циничная девушка. Я этого не знал.

– Я думаю, ты и сейчас не все про меня знаешь. Мы ведь не так давно с тобой знакомы.

– Не забывай, у меня еще до знакомства было на тебя полное досье.

– Расскажи мне об этом, пожалуйста. Зачем? И почему я? Почему ты выбрал меня? – допытывалась я. Мне правда это было очень интересно.

– Ну что значит выбрал? Я просто увидел тебя и упал в обморок.

– Да-да, это очень смешно. А я прошла такая мимо и даже не заметила, что тут мужчины штабелями падают.

– Конечно же, ты не заметила. Ты слишком высоко держала свой нос и совсем не смотрела под ноги.

– А когда ты первый раз увидел меня?

– Это было за месяц до нашего знакомства. Я отвозил мать на очередную встречу с ее друзьями. Она ушибла ногу, поэтому пришлось провожать ее до подъезда.

– Хорошо, а что было дальше?

– Дальше я увидел тебя. Ты шла с пакетом.

– Да, это очень романтично! – заметила я.

– Ха. Ну да. Но было, как было. Меня удивило то, что ты не смотрела вокруг, ты смотрела внутрь себя, – он погладил

меня по волосам.

– Как это? – не поняла я.

– Как будто бы ты вела диалог сама с собой. Тебя совершенно не интересовал окружающий мир. Меня это очень привлекло.

– Да... со мной такое бывает. А потом я понимаю, что шла совершенно не туда, – закивала головой и согласилась с ним я.

– Вот видишь. В тот момент я подумал, что в твоей голове огромный-огромный и прекрасный мир, в котором ты живешь. И мне очень захотелось жить там вместе с тобой.

– Ну, ты же сейчас понимаешь, что ты ошибся? Никакого мира вовсе и нет.

– Нет. Не ошибся.

Мы прожили у моря десять дней в небольшом, но очень красивом отеле с видом на лес. На территории отеля был бассейн с чистой прохладной водой, и мы проводили в нем больше времени, чем в море. Нам нравилось вести себя как маленькие дети, плавать наперегонки, брызгаться и немножко топить друг друга. А еще мы много целовались под водой и над водой, постоянно обнимались и прижимались друг к другу, словно познакомились всего пару дней назад. Постояльцы отеля в большем количестве были семейными парами, и мы среди них сильно выделялись. Они относились друг к другу довольно прохладно и уж точно не позволяли себе шалости подобного уровня. Заходя в воду, степенно и мед-

ленно плыли, практически не оставляя за собой разводов на воде, а уж тем более брызг. В воде они никогда не пересекались друг с другом, иногда обмениваясь фразами «когда пойдем на обед» и «куда пойдем на обед». На этом, в общем-то, все. Мы были им чужды, а они нам. Мне казалось, что подобных отношений у нас с Андреем не будет даже спустя сорок лет, и мы навсегда останемся такими же влюбленными как в ту минуту времени. И вообще я совершенно не понимала, как люди приходят к таким отношениям. Может быть, не испытывая всепоглощающей любви в начале, и эти крохи чувств тускнели под толстым слоем быта. Для меня это оставалось загадкой. Но если честно, я не слишком много времени придавалась подобным рассуждениям, ведь у меня был он. И нам было чудесно друг с другом. По вечерам мы ходили к морю. Покупали рыбный пирог в ближайшей закуской и местное вино. Оно было чудесно. И пирог. И мы сидели на берегу так же, как в первый день приезда и разговаривали. Наше общение было простым и незатейливым. Мы много смеялись, потому что меня смешило все что угодно. А Андрея смешила я. А затем глубокой ночью мы возвращались в наш чудесный номер, включали кондиционер и под его негромкий шелест читали книги. Хотя и читали мы совершенно разные книги, нас это объединяло. Мы чувствовали себя супружеской парой, более двадцати лет состоящей в браке, которая может вот так просто лежать рядом и читать. И больше ничего. Конечно, это было не так, но все рав-

но это были забавные ощущения. По утрам мы делали гимнастику на нашем огромном балконе, разминались, качали пресс и немного танцевали. Затем спускались в кафе, и пили очень крепкий кофе с круассанами. Они всегда были с малиновым джемом. Но я его не любила. И вообще я всегда тяготела к шоколаду. Шоколадная начинка, шоколадное мороженое, шоколадный молочный коктейль. Нет, конечно, нет. Молочные коктейли я не любила. Он же наоборот всегда брал все фруктовое. Это был, несомненно, плюс, ведь нам даже не приходилось никогда драться из-за последнего блинчика с яблоками.

Купаясь в море, Андрей всегда старался меня утопить. По-моему, это была его миссия. Как же я ненавидела Андрея в эти моменты. Я хотела спокойно плавать, а приходилось постоянно оглядываться и ждать, когда мои ноги пойдут ко дну. Я кричала на него, а он веселился. Ему было смешно, оттого что я такая злая. А потом мы долго лежали прямо на песке и размышляли. Всегда было интересно, о чем думал Андрей. А я? Я слушала шум прибоя и считала дни, когда это все закончится. Я так всегда делаю. Всегда жду, когда закончатся счастливые моменты в моей жизни. Никогда не верила, что хорошее может быть бесконечным. И не то, чтобы я пессимист, просто хочу быть к этому готовой. Пытаюсь защитить себя от горьких разочарований. Конечно, это не так хорошо, но тут уже ничего не поделаешь.

Через неделю мои волосы выгорели и были полностью в

соленой воде, а нос покраснел и облазил. У меня был черный купальник и загорелые ноги. Я чувствовала себя девушкой волейболиста и даже не безосновательно. Андрей обыгрывал всех в пляжном волейболе. Если кто-то только собирался играть, совершенно ему незнакомый, он тут же вставал у сетки, и, даже не спросив разрешения, кидал мяч и подавал пасы. Нет, люди не злились, немного посмеивались в начале, а потом стремились соревноваться с ним. Но это было невозможно. А мне было приятно следить за игрой, сидя на песке, чувствовать, как обгорает моя спина и видеть, что мой мужчина самый лучший. Наверное, это и было само счастье. Такой разговорчивый и веселый... В него все тут же влюблялись и старались хоть краем руки дотронуться до его тела. По-моему, он об этом даже не подозревал. В тот момент для него существовала только игра, и это все, что он видел. Иногда он клал руки на колени и громко дышал, тогда я ловила его взгляд на себе и улыбалась ему в ответ. Андрей знал, что я рядом, что я смотрю на него, поэтому он на меня не смотрел, боясь упустить мяч и потерять пляжное первенство. Это было забавно. Его красная кепка была покрыта песком, потому что он частенько падал. Песок был на икрах, на руках и даже на лице. Его нос был красным и тоже начинал медленно облазить. Мы с ним были похожи на двух алкоголиков. Хотя мы и были двумя алкоголиками. Вряд ли на пляже кто-то столько же пил. Каждую ночь мы сидели на берегу и пили вино. Это стало нашей традицией. Мы были так молоды, что

организм все переносил без потерь.

Уже в конце нашего отдыха мы ездили в горы, брали напрокат открытый джип и поднимались по серпантину. Каждые десять минут меня начинало тошнить, и мы останавливались. Андрей громко смеялся надо мной и всю дорогу подшучивал над этим, но потом ему самому стало плохо. Видимо, горный воздух с выпитым алкоголем не так уж и хорошо ладили. Мы так долго поднимались, что уже начинало темнеть. Но все равно было неописуемо красиво. По дороге мы видели стадо овец без пастуха, которые мирно жевали траву и ни на кого не обращали внимания. Конечно же, мне было необходимо к ним подойти. Животные манили меня и вызывали дикий восторг в душе. Андрей сфотографировал меня рядом с одной из овец и сказал, что теперь у него есть весомое доказательство, что я деревенская девушка. Мы потом еще долго над этим смеялись. А вообще, там хотелось фотографировать каждый метр этой горной дороги. Снежные вершины и зеленые низы гор были прекрасны.

Мы стояли у обрыва, и Андрей держал меня за талию, чтобы я не прыгнула вниз. Так он объяснил. Все время считал, что у меня есть суицидальные наклонности, потому что я по жизни грустная. Конечно, это было не так. Но это было смешно.

– Так странно, что мы с тобой встретились, да?

– Да вроде не странно. С чего ты взяла?

– Ну, слишком мы разные. Твое детство, безоблачное сча-

сть и куча новых игрушек, парижский Диснейленд и вся Америка как на ладони. А мое детство – это Москва через грязное окно подъезда, поиск мелочи около торговых палаток и старые игрушки, что отдавала мне соседка. Я мечтала о барби, ты представляешь? Тебе меня не понять, это точно.

– А я в это время мечтал о тебе. Думаю, я тебя понимаю.

– Да врешь ты все.

– Зуб даю. И вообще, неважно, кто как рос. Главное – кем мы в итоге стали. Сколько бы ни было у тебя в детстве игрушек, это никогда не определит твою будущую жизнь наверняка.

– Почему?

– Потому что решают не деньги.

– Думаю, не для всех.

– Решают мозги и родители. Сколько времени они отдавали тебе. Сколько всему они тебя научили. Сколько они показали тебе и как подготовили к жизни. Заваленная игрушками комната рождает в ребенке только лень и страх. Страх в один прекрасный момент все это потерять. А тебе было нечего бояться, поэтому ты воспитала в себе бесстрашного человека.

– Хочешь сказать, ты боишься все потерять?

– Боюсь тебя потерять. А деньги не знаю. Сложно сказать. Я как-то не пробовал без них жить.

– Это не очень.

– Да знаю, ездил один раз в метро.

– И что, не понравилось?

– Да, в общем, нормально. Только я не привык. Стоял, как олень перед турникетом, и даже не знал, что он хочет от меня. А люди сзади злились и матерились. Я попросил их мне объяснить, а меня оттолкнули и сказали «деревня».

– Ха-ха, ну, конечно, рваные джинсы, потертые кеды. Золотая молодежь выглядит по-другому.

– Не знаю, все мои друзья так выглядят.

– Вы все гопники из Лондонских трущоб.

– Да это смешно. В общем, я был не очень доволен.

– Да понимаю, тоже не очень люблю.

– Насть, ну ты же теперь богата. Я куплю тебе все, что только захочешь.

– Барби я уже не хочу!

– Хорошо, обойдемся без них.

– Но ты уже купил мне этот вид и я счастлива.

– И я счастлив.

И так мы стояли и любовались, пока окончательно не стемнело. А уже тогда двинулись в обратный путь, Андрей включил любимого Стинга, и я начала немного засыпать. Все было так приятно и чудесно, но вместе с этим очень и очень грустно. Эта извилистая дорога, вокруг лес и вдалеке море. Засыпая, я думала, что мне этого будет очень не хватать. В душе была какая-то уверенность, что этого больше не повторится.

На следующий день мы уехали обратно в Москву. Где-то

в середине пути мы остановились, купили на заправке пару хот-догов и минеральной воды. Андрей облокотился на капот, смотрел на солнце и улыбался. Потом начал жевать хот-дого.

– Ты знаешь, я хочу, чтобы ты переехала ко мне жить. Это возможно? – спросил он пару минут спустя.

– Честно говоря, я не знаю. Ты это серьезно? – я была крайне удивлена его предложению, ведь мы были вместе всего три месяца.

– Да, да очень серьезно. Я не сейчас это придумал. Давно уже этого хочу.

– А почему спросил только сейчас?

– Ну, мы прожили десять дней в одном номере и не убили друг друга. Значит, у нас есть шанс.

– Шанс прожить всю жизнь вместе?

– Да. Мы попробуем?

– Ну, давай.

Спустя месяц я переехала к нему. С самых первых дней я была уверена, в том, что никогда и ничего не буду менять в его доме. Мне так хотелось сохранить привычную жизнь Андрея, его вещи на тех же местах, где он их всегда оставлял, его стиль в одежде без моих ненужных корректировок под себя. Мне хотелось сохранить в нем того человека, каким он был до знакомства со мной, а не сделать из нас двух копий одного существа, чтобы оставаться разными, независимыми

и влюбленными. Ведь в тот момент, когда люди становятся похожими друг на друга, они перестают уважать чужие интересы, раз это уже почти я, значит, он должен поступать, так же как и я и думать, так же как и я, а не по-другому. Такой у меня был взгляд на совместную жизнь. Я перевезла к нему лишь малую часть своих вещей и сложила там, где Андрей выделил мне полку в шкафу. У меня не было желания занимать половину дома, да и вещей у меня, наверное, столько не было.

Мои родители восприняли мой переезд слишком буквально и от этого чересчур эмоционально и неосознанно. В их глазах я все еще оставалась маленькой девочкой, нуждающейся в заботе и постоянном контроле. Жить в доме с незнакомым мужчиной – нет, на это они согласиться не могли. Они просто не оставляли мне другого выхода. И я сбежала от них. Одним прекрасным утром, когда все ушли на работу, я собрала свои немногочисленные вещи, написала записку, обращенную к маме и папе, и вышла из квартиры, закрыв ключом дверь. Ночью я не вернулась. Придя с работы, домой, они, конечно же, увидели записку и прочитали ее. Им было очень горько, я знаю. И моя душа разрывалась в этот момент вместе с ними. Но по-другому мы не могли бы решить этот вопрос. Я знала, что рано или поздно они простят меня и смирятся с моим поведением и с моей глупой, бездумной выходкой, на их взгляд. Я плакала в доме Андрея, зная, что в этот момент плачет моя мама. Сто раз, задавая

себе один и тот же вопрос: «Стоило ли этого того?», я приходила к ответу «Да» каждый раз. Потому что была влюбленной и глупой и, видя рядом спящее лицо Андрея, я думала, что променяю все что угодно в своей жизни на эту жизнь рядом с ним. Я не винила его в этом. Андрей не заставлял меня переезжать к нему жить, это решение я приняла сама. Он просто предложил мне, а я тут же согласилась, а потом еще целый месяц, обдумывая этот рискованный шаг, так ни разу и не усомнилась в своем выборе. Я не советовалась с ним, как лучше поступить, думая, что свои собственные проблемы смогу решить сама. Но я уверена, он догадывался о том, что мои родители были не в восторге от его предложения и от его присутствия в моей жизни в целом, но ничего мне не говорил, а только обнимал все крепче и целовал мои щеки огромное количество раз.

Спустя неделю страданий и молчания я пересилила свою гордость и свой страх и приехала к родителям домой одна. Они приняли меня довольно сухо и сдержанно, заметно обидевшись на мое скверное поведение. Мама спросила, неужели меня уже выгнали из того дома, в который я так упорно стремилась, наплевав на их чувства и репутацию. Я ответила, что нет, но жить без них я не могу так же, как и жить без него. Просила их не ставить меня перед этим ужасным выбором, а постараться понять и принять мои чувства и смириться с нынешним положением вещей.

– Он никогда не женится на тебе, ты глупая. Ты для него

всего лишь игрушка и быстро ему надоешь, – упрекала меня моя мама.

– Пусть так. Пусть я глупая. Но я хочу сама понять свою глупость.

– Ты еще слишком мала и можешь натворить непрости-тельных дел. Я пытаюсь уберечь тебя от беды.

– Я знаю, мама. Знаю, но не до конца верю в то, что меня с ним ждет беда. Ведь он, правда, любит меня. Правда. Если бы ты только его видела. Ты бы сразу изменила к нему свое отношение. Он такой взрослый, такой умный, такой правильный. Я точно с ним не пропаду.

– Я слышала это, но пойми, ты же еще школьница. Тебе нужно учиться. Как ты собираешься это делать? А что скажут твои одноклассники и учителя? Как мне смотреть им в глаза после твоего отъезда? Ты ставишь нас с папой в ужасное положение в обществе.

– Прости меня, мама! Прости! Я буду учиться! Буду учиться там, у него. Буду ходить в другую школу, я знаю, там есть хорошая.

Я уговаривала родителей очень и очень долго. В конце концов, они согласились, зная, что я все равно уйду от них, не важно, чем закончится этот разговор. Они пожела-ли встретиться с Андреем, и я пригласила их на следующие выходные к нам в дом. Конечно же, они приехали, и Андрей был сама любезность и учтивость. Он так старался их оба-ять, что у него это почти получилось. Но только почти. Сми-

риться с моим переездом они так и не смогли, хотя Андрей им понравился, и мама считала, что он и правда очень серьезный и ответственный молодой человек. Главное, что мы с родителями все-таки помирились, и моя мама больше не плакала из-за того, что я неблагодарная дочь.

Наша совместная жизнь устроилась довольно быстро из-за того, что мы были очень молоды и еще не успели приобрести собственный жизненный уклад. Хотя я долго и не могла свыкнуться с ролью хозяйки этого дома, мне было очень комфортно проводить в нем свои дни. Не знаю, работал ли Андрей до нашего знакомства или нет, но, когда мы стали встречаться, он не был обременен трудом и проводил со мной все время. Просыпались мы обычно в двенадцать часов дня, неспешно завтракали тем, что готовила нам Матильда, потом спускались на нулевой этаж. Плавали в бассейне, лежали на шезлонгах и читали книги. Ближе к двум часам дня мы собирались и ехали в центр на обед и на встречу с очередными друзьями. После обеда мы гуляли по городу и посещали интересные места вроде музеев или сексшопов, а к вечеру возвращались домой, переодевались и отправлялись на ужин в ресторан, либо заказывали еду на дом и оставались есть ее перед телевизором в холле. Матильда к тому времени уже уходила домой. Сложно сказать, что наша жизнь была насыщена какими-то важными делами, скорее, это было ленивое приятное безделье. Если нам становилось неожиданно скучно, мы ходили на закрытые вечеринки, проводившиеся

его друзьями, или отправлялись гонять по болотам на багги. В то время Андрей сильно увлек меня игрой в теннис, и я занималась с инструктором три-четыре раза в неделю. Это было очень весело, и я отдавалась игре полностью. Мой тренер Роман очень хвалил меня, а Андрея от этого переполняла гордость и он все время улыбался. Но когда мы начинали играть с ним вдвоем, у нас ничего не выходило, и я ужасно косила мячом в противоположную сторону. Еще мы очень любили по вечерам ходить в кино на ужасы или триллеры. Выходные мы проводили в клубах, а днем отсыпались перед новым ночным забегом по самым модным ночным заведениям Москвы. Нам было настолько хорошо вместе, что мы и не задумывались, куда движется наша жизнь, и стоит ли в ней хвататься за что-то серьезное. Просто ловили удовольствие от каждого момента этой жизни.

Единственное, что я не учла, – Андрей совершенно не хотел, чтобы я продолжала учиться. Он считал, что я уже взрослая и оставшееся образование мне совершенно ни к чему. В эпоху интернета всю нужную информацию можно найти и там, и для этого совершенно не обязательно заканчивать одиннадцать классов. Я не сопротивлялась, так как всегда люто ненавидела школу, и возвращаться туда у меня абсолютно не было никакого желания. К тому же, мне хотелось проводить как можно больше времени с ним вместе.

Такой была моя новая жизнь. Дом был прекрасен и все больше и больше мне нравился. Окна нашей большой комна-

ты выходили на лес. И каждый раз, сидя за столом, я смотрела в окно и любовалась умопомрачительным видом на ели и другие деревья. И каждый раз мое сердце на секунду замирало от восторга. А по вечерам, когда солнце заходило за горизонт, из окна был виден такой закат, за который можно продать кусочек своей души. И каждый день этот закат был разным. Если в первый день темно-синее небо плавно переходило в светло-голубое, а затем резкая полоса ярко-красного зарева переходила в бордовый, то на следующий день небо было полностью розовым с прожилками темно-синего. Но каждый раз обворожительный и невозможный от своей красоты. Затем солнце опускалось все ниже и ниже, и ярко-красная полоса становилась все более размытой, а потом исчезала, оставляя только темно-серое небо со светлыми пятнами облаков. Лес становился практически черным, и в небе были видны очертания верхушек елей. А через полчаса уже ничего не было видно. Небо становилось черным, и окно напоминало черную дыру в никуда. Тогда мы задерживали плотные шторы до следующего утра. И так практически каждый вечер я смотрела, не отрываясь, в окно, а наша собака сидела на подоконнике и тоже наблюдала за закатом. Андрея это очень веселило, но сам же он никогда не присоединялся к нам, потому что считал это совершенно обыденным и никакой красоты в закате не видел. Возможно, побывав во многих странах, перестаешь ценить красоту своей. Мне же, человеку, у которого всю жизнь из окна были видны лишь

крыши облезлых ларьков с пивом и чипсами да детскую площадку со сломанными качелями, этот лес казался просто чудесным. Все больше понимая, какая огромная пропасть лежит между нашими с ним детскими годами, я понимала, почему его так умилял мой восторг, но, конечно же, это было по-доброму. Андрей никогда не позволял себе смеяться надо мной или над моей жизнью, а уж тем более, никогда не считал ее однообразной или скучной. Просто она была другая для него. Совершенно другая, но не менее прекрасная. Он часто просил меня рассказать о моем детстве. Рассказать в мельчайших подробностях ситуации, которые случались со мной. Рассказать про семью и друзей. Он считал, что я выросла крайне самостоятельной, что мне все по плечу. Мы так часто копались в детских годах друг друга, что со времени узнали практически все, и больше не казалось, что мы познакомились относительно недавно. Мы с детства были знакомыми и родными людьми.

Я лежала на кровати на втором этаже нашего большого дома, а за окном было утро декабря. На землю тихо падал снег, а у меня сильно болело горло. Я лежала в кровати с ноутбуком и мне было очень грустно от того что я не могла пойти на улицу и любоваться снежными шапками на лапах елей. Наша собака спала рядом со мной, и ей было на это все равно. Возможно, она и любила зиму, но только не тогда, когда снег забивается между подушечек лап и становится

больно ходить. Я замечала, как яростно она старается его вытащить. А в целом, ей нравился снег, нравилось лизнуть его и напиться, нравилось бегать и оставлять следы.

Андрея не было дома, так как он вечно уезжал решать какие-то дела. А у меня не было дел, у меня было больное горло и целый день, чтобы лежать. А мне так хотелось пойти на улицу. Хотелось пристегнуть собаку на поводок, надеть старые кроссовки от «Nike», натянуть на голову шапку и не забыть про перчатки. Выйти и вздохнуть этот морозный, чистый воздух. Чтобы снег немного хрустел под ногами, а в куртке было тепло. Мы бы пошли с ней по узкой извилистой дорожке к пруду, слева было бы поле, все белое, а справа был бы лес с соснами и березами. Мы шли бы довольно медленно, ведь нам некуда спешить, это прогулка. Собака обнюхивала бы каждый куст и с удовольствием следила за жизнью. Мы пришли бы на пруд и посмотрели на его замерзшую гладь, прошлись по заснеженному берегу, а потом вернулись домой. Это была моя совсем незначительная, но такая приятная мечта. Я знала, что все это невозможно и может быть через несколько дней, но вряд ли сейчас. Нужно просто тихо лежать и ждать. От скуки и безвыходного положения я уснула, а через час вернулся Андрей. Он был очень веселый и бодрый, его глаза блестели ярким огнем, и дом словно озабрился от его присутствия.

– Настя, нам нужно срочно идти гулять! Тебе не стоит лежать дома в такую погоду. Ты пропустишь жизнь, – он слов-

но угадал мои мысли, терзавшие меня час назад.

– Я не знаю. Я не уверена. У меня дико болит горло, и нет сил, даже встать с кровати за горячим молоком и медом.

– Настя, ну ты же понимаешь, что это все ерунда? Тебе нужно тепло одеться и мы пойдем. Мы не будем долго гулять, если ты этого захочешь. Но лежать на кровати тоже не выход.

Он достал из шкафа мои зимние штаны, принес теплую обувь и заставил меня намотать на шею огромный шарф. Мы пристегнули Эсми на поводок, и вышли во двор. Там было чудесно. Это было обычно, но это было чудесно. Моя маленькая незначительная исполнившаяся мечта. Возможно, наша прогулка была не совсем той, которую я представляла в своей голове, но она была замечательной. Мы не ходили на пруд, но мы гуляли среди елок по лесу, поднимали забитые снегом шишки и бросали палку собаке. Андрей умел исполнять мои мечты. Он знал, чего я хочу в тот момент, когда я этого хотела, либо же мы просто были на одной волне. И знаете, совсем не нужно было много разговаривать, можно было просто идти рядом и держать его руку.

Мне нравилось в нем то, что он был такой же, как и я. Что он поступал так же, как поступила бы я. И если я хотела, чтобы он пришел в эту же минуту и обнял меня, он это делал, просто потому что думал о том же. Это не всегда работало, да. Но всё же работало. Он никогда не обижался на меня больше, чем на тридцать минут. У нас не было долгих ссор, не было длительного молчания и невысказанных обид.

Мы оба были невозможно вспльчивыми и быстро отходили. Могли наговорить друг другу гору гадостей, а через десять минут уже целоваться, лежа на коврике в ванной. Иногда мне казалось, что мы люто ненавидим друг друга, иногда, что не сможем ни дня прожить без объятий. Не знаю, этот постоянный ад и рай и называют любовью или я что-то перепутала. Возможно, у вас не так, может, вы просто спокойные, может, вы не ругаетесь, хотя я уверена, что ругаются все. Просто мне никогда не было все равно на его мнение и на его настроение. Даже если мы поругались и молчали, я смотрела на него исподлобья и следила, как меняются уголки его губ, как двигаются его зрачки, как меняют свое положение ресницы. И, знаете, я никогда не была романтична. Я не очень люблю, когда мне дарят цветы или делают незначительные подарки, когда готовят сюрпризы или мило обнимают со спины. Но мне было важно видеть блеск в глазах, когда я прижималась к его груди, чтобы послушать, как неровно бьется его сердце.

Когда я, наконец, познакомилась с Владимиром Александровичем, в моей голове закралась одна совершенно неприглядная мысль. И дело заключилось все в том, что Андрей был совершенно не похож на него. Владимир Александрович был довольно высоким и довольно худым мужчиной средних лет с очень жесткими чертами лица. У него были темные,

почти каштановые волосы с белой проседью, которую он и не пытался скрывать от других. Его длинные худые пальцы с продолговатой формой ногтей были очень рельефными с сильно выступающими средними косточками. Глубокие межбровные морщины словно подчеркивали жесткость его карих глаз. Его взгляд пугал и завораживал. Когда ему приходилось сердиться, только одного его взгляда могло быть достаточно, чтобы заставить человека, обидевшего его, ступешаться, оробеть и просить о прощении.

У него был красивый прямой нос и сильно выступающие скулы. Его довольно тонкие губы всегда были сильно прижаты друг к другу, словно улыбка их никогда не касалась. Вообще, он производил впечатление человека очень властного и жестокого, который не поведется на женские слезы или мольбы, а уж собственного противника точно сотрет в порошок. Матильда его жутко не любила, она говорила мне, что чувствует в нем отрицательную энергию, которая очень на нее давит. В такое время она всегда старалась под благовидным предлогом уйти по делам и не возвращаться до его ухода. Андрей знал об этом и помогал ей.

Приезжал Владимир Александрович всегда один без охраны на своем Бугати Верон. Ездил он, наверное, еще быстрее, чем Андрей. Резкие рывки машины со стороны выглядели устрашающе, но водил он отменно. Несмотря на огромную скорость, ему удавалось лавировать между машин, даже если он выезжал на встречную полосу. Видимо, у

него Андрей научился подобной технике вождения. Невзирая на внешнюю непохожесть, у них было много всего общего. Одинаковый вспыльчивый и властный характер, из-за этого они часто ругались и спорили. Они одинаково водили машины и любили именно их спортивные версии. Было ощущение, что, редко видя отца, Андрей все равно старался быть на него похожим, поэтому перенимал все его привычки.

Мы встречались с Андреем уже полгода, когда он, наконец, познакомил меня со своим отцом. До этого я его никогда даже мельком не видела. И у Андрея не было его фотографий, от этого Владимир Александрович всегда представлялся мне более взрослой копией Андрея, но никак не наоборот.

Мафиози приехал к нам в тот день уже под вечер, когда мы мирно смотрели телевизор вниз. Приехал без звонка и без предупреждения, естественно, по огромному делу, а не из праздного любопытства. Меня он сначала вообще не заметил или просто не обратил внимания. Он прошел сразу же на кухню, не разуваясь, и позвал туда Андрея. Они проговорили около получаса. О чем была суть разговора, я не слышала, но и не старалась прислушиваться. Более меня интересовало, состоится ли наше знакомство с ним или он так и уедет, не поздоровавшись со мной. Когда они, наконец, вышли из кухни, по лицу Андрея было невозможно понять, говорили ли они о хорошем или о плохом. Он смотрел на меня с улыбкой, но нельзя было сказать, что он весел. Скорее все-

го, разговор был не самым приятным или же на него также негативно влиял приезд отца, как и на Мотю.

Владимир Александрович из кухни напрямиком направился к входной двери, минуя мой диван и мою личность, но в коридоре он остановился, задержал взгляд на картине, висевшей рядом с входной дверью. На картине было изображено тихое спокойное море. Затем он резко развернулся и задал вопрос, видимо, мне:

– Кто ты?

– Настя

– Понятно. Живешь здесь?

– Ну, ... теперь да.

– Понятно. Хорошего вечера, Настя, – пожелал он мне и вышел за дверь.

Я немного растерянно продолжала сидеть на диване, не зная, хорошо или плохо принял меня его отец. За моей спиной раздался хохот Андрея, и я обернулась к нему с удивленным лицом.

– Премилое у вас знакомство произошло, Настя. Как тебе мой отец? Не правда ли он просто душа компании?

– А я ему понравилась или нет?

– Думаю, он сам еще этого не понял. Ему нужно будет обдумать и взвесить уровень опасности для его денег. Но что-то подсказывает мне, что ты ему не понравилась.

– Это плохо?

– Это пофиг. Забей на него. Приедет в следующий раз че-

рез полгода и, если снова начнет спрашивать, кто ты, скажешь, что ты моя жена уже десять лет. Может быть, он и удивится.

Но в моей душе остался неприятный осадок после нашей встречи с Мафиози. Я и сама еще никак не могла привыкнуть к роли хозяйки этого дома, а его пренебрежение выбило меня из равновесия окончательно. Ни мать, ни отец Андрея, никто не выказал ко мне ни малейшего расположения или заинтересованности. Возможно, с моей стороны было слишком опрометчиво думать, что они примут меня с добродушием и теплом. Я из простой семьи и возможно не слишком красива на их счет. И почему вообще они вдруг должны относиться ко мне тепло? Но есть же одна самая веская и значимая причина всему этому: меня любил их сын. Любил сильно, страстно, с надрывом и болью. Он пригласил меня жить с ним в одном доме, не делая раньше никогда и ничего подобного. Одно это должно было бы растопить их сердца, как мне казалось, и заставить их найти во мне хоть что-то хорошее, за что они смогли бы начать хотя бы немного уважать меня. Видимо, это все было не важно. Я крутилась на постели без сна, ночные мысли губили и угнетали мое сознание. Они заставляли меня чувствовать себя ничтожеством, отвергнутой и недостойной расположения и внимания. Не знаю, почему это так сильно ранило меня, ведь на Андрея такое пренебрежение не произвело совершенно никакого впечатления. Он сам относился к ним отстраненно и холодно,

решая только коммерческие вопросы и выполняя некоторые их просьбы, лишь видя в них определенную выгоду для себя. Если отцовская любовь и существовала в этом доме, то ее уже давно никто не видел и не вспоминал про нее. Она заби-лась в темном углу души и даже не пыталась вновь обрести права на собственную жизнь и свободу. Андрей спал, а я была, наверное, слишком растеряна и напугана и, прокручивая в голове наш разговор с Владимиром Александровичем, как на балансе все время склонялась то к стороне страха за нашу будущую жизнь с Андреем, то к полному равнодушию случившегося. Мне было сложно выбрать верный путь в этом непростом отношении. Промучившись всю ночь без сна, я встала рано утром и отправилась варить кофе, зная, что у Матильды в этот день был заслуженный выходной. Под моими глазами сияли огромные синяки, и волосы за ночь самодовольно свились в гнездо без участия птиц. Стекло-вые окна в пол нашей кухни давали полный обзор всей подъезд-ной площадки. Увидеть на ней автомобиль отца Андрея было полнейшей неожиданностью для меня. Ведь я всю ночь только и думала о нашей с ним будущей встрече, но, конечно же, не такой скорой. Я стояла в коротком халате и пыталась пригладить свои волосы, когда он вошел в дом с прекрасным букетом цветов. Он принес их мне, но, наверное, не стоило мне так сильно радоваться этому, ведь глаза его так и оста-лись смотреть на меня своим обжигающим взглядом.

– Простите, Настя, вчера я был не очень любезен с Вами, и

мне бы хотелось за это извиниться. Эти цветы я принес Вам.

– Большое спасибо! Простите за мой вид, я не ожидала, что Вы можете приехать так рано. Я сварю кофе. Вы будете?

– Нет, я не буду. Андрей будет не рад увидеть меня здесь. Я приехал к Вам.

– Хорошо. Но Вы можете не переживать, он еще спит. Не думаю, что он слышал, как Вы подъезжали к дому. Окна комнаты выходят на сад.

– Да я знаю, но все же... Давайте о деле. У меня нет столько времени здесь сидеть. Я хотел бы узнать про Ваши намерения в отношении этого дома и моего сына, – он сел на высокий табурет у барной стойки и сразу перешел к основному, терзавшему его вопросу.

– Ах, да, я понимаю, о чем Вы. Бедная, но очень хитрая девочка решила поселиться в богатом доме, чтобы выйти замуж и забрать половину имущества себе. Об этом Вы сейчас мне так тонко намекаете здесь? – мой голос резко повысился и перешел на какой-то совершенно ненатуральный ехидный тембр.

– Так ты дерзкая. Да про это я и говорил. Что тебе нужно? – Владимир Александрович не изменил своего голоса, лишь еще сильнее сдвинул широкие брови.

– От Вас мне ничего не нужно! – глядя точно в его глаза с небольшим вызовом выпалила я. Мое сердце стало биться быстрее.

– От моего сына, – спокойно добавил он.

– Любви, уважения, пару детей,... а что, это имеет какое-то значение? – я старалась, так же как и он, сохранять свой спокойный тон.

– Не смей так со мной разговаривать! Ты здесь никто! И долго здесь не задержишься, – он вспылил, и его зловещий блеск глаз заставил пробежать стадо мурашек по моей спине. Если бы на моем лице была тонкая нежная кожа, он, наверняка бы, заметил, как сильно я покраснела от возмущения и обиды. Но мое лицо не выдало никаких чувств, хотя в груди разгорался пожар.

– Вы меня совершенно не знаете и уже обижаете. Как Вам не стыдно? Ваши деньги меня совершенно не интересуют. Вы можете ими легко подавиться, если только сами захотите этого. Да, я дерзкая и наглая и буду говорить Вам все, что думаю. Андрей рассказывал мне про вас разное, но я до последнего не думала, что Вы окажетесь таким козлом по отношению к Вашему сыну, – на едином дыхании выпалила я свою зловещую тираду в его адрес. Дыхание участилось, и воздух с шумом вырывался из моего рта. Я молча смотрела ему в глаза.

–Сука, – тихо проговорил он.

– Спасибо... – я смутилась и постаралась сгладить наш разговор. – Послушайте, мне бы очень не хотелось с Вами ругаться. Простите меня за мои слова. Я, правда, очень люблю Вашего сына и не хочу, чтобы он страдал. Я знаю, он этого не покажет, но ему важно ваше мнение обо мне. Я не го-

ворю Вам, что Вы должны тут же полюбить меня, но хотя бы не делайте поспешных выводов. Если Вы хоть немного больше узнаете меня, то поймете, что я не такая плохая и что я никоим образом не хочу обидеть Андрея или покуситься на его деньги.

– Понятно. Было приятно познакомиться. До скорых встреч, – также спокойно произнес он и поднялся со стула.

– До свидания, Владимир Александрович. Мне тоже было приятно с Вами познакомиться, – ответила я его удаляющейся спине.

Он уехал так же быстро, как и приехал сюда. А я так и осталась стоять на кухне с букетом роз. От волнения меня била дрожь, и я лихорадочно пыталась придумать причину появления этого прекрасного букета в нашем доме, не выдавая истинного положения дел. Мне совершенно не хотелось, чтобы Андрей узнал о приезде его отца и о нашем с ним разговоре. Я знала, что он разозлится и скажет, что я должна была тут же позвать его и никак не отвечать на эти хамские вопросы Мафиози. Андрей должен был скоро спуститься, чтобы выпить свой утренний кофе, и тогда он обязательно спросил бы, откуда здесь взялся этот роскошный букет, поэтому я решила сказать ему, что не знаю от кого он, что его привез курьер без записки и без упоминания имен отправителя. Что я в такой же растерянности, как и он.

Когда Андрей спустился вниз, мой завтрак для него был уже почти готов. Я встретила его с обезоруживающей улыб-

кой на губах, словно сердце мое не выстукивало сто двадцать ежеминутно.

– Доброе утро! Завтрак уже почти готов! Как спалось?

– Нормально! Откуда букет?

– Букет от курьера. Кто прислал, не знаю. Никаких записок не было. Может быть, он для Моти?

– Нет, это отец. Решил сделать вид интеллигентного человека.

– Да? Так это значит, что он все обдумал, и я ему понравилась?

– Нет, это ничего не значит. Возможно, было бы даже лучше, если бы он проигнорировал ваше вчерашнее знакомство. Иначе его внимательность означает, что его заинтересовало твое присутствие, и он хочет что-то с этим сделать.

– Андрей, прошу тебя, не нужно усугублять ситуацию. Я не думаю, что твой отец хочет сделать что-то плохое. Ведь это просто цветы, причем очень красивые. Ты слишком плохого о нем мнения...

– О нем нельзя быть слишком плохого мнения, все плохое не настолько плохо, как он на самом деле. Я тебе рассказывал о его детстве?

– Нет, я такого не помню. А что было в его детстве?

– Его родители были довольно обеспеченными людьми, которые хотели вырастить сына великим человеком, возможно, спортсменом или космонавтом. Но в пятнадцать лет он начал воровать, хоть денег у него было предостаточно,

ему претила добропорядочная жизнь. Он сколотил группировку из подростков, которые обворовывали частные магазины. Они запугивали и других подростков и вымогали из них деньги. В шестнадцать лет в одной из стычек между двумя бандами он зарезал одного паренька и его отправили в колонию. Там он тоже собрал команду и стал заниматься нелегальной торговлей прямо из колонии. Потом его выпустили за примерное поведение, но скорее всего за деньги, и он продолжил вести свои грязные дела уже на воле, сделался добропорядочным, с виду, предпринимателем, своя компания, платит налоги, все как надо. С конкурентами разбирается сам, довольно лихо. Но никто так и не знает, какой он на самом деле человек и что у него на уме. Со своими родителями он так и не пожелал больше увидеться. Последний раз они видели его на суде, когда его приговорили к сроку в колонии.

– Почему?

– Я не знаю, Настя. Он мне никогда об этом не рассказывал. Сама понимаешь, наши отношения с ним не самые доверительные.

– Послушай, тебе не противно общаться с ним после того, сколько всего ты знаешь о его делах?

– Противно? Нет, не противно... А можно мне кофе?

– Да, прости, меня так увлек твой рассказ, что я забыла про завтрак.

После рассказа Андрея я перестала переживать, что наговорила кучу гадостей его отцу. Хотя он сам и не противился

общению с отцом, мне было противно. Этот ужасный человек поступал со мной так же, как поступал с другими всю свою жизнь, совершенно не считаясь с чувствами и достоинством других людей. Больше мне не было его жаль. И не было жаль, что мы так и не смогли с ним нормально поговорить. Единственное, на что я надеялась, – что увижу его я теперь очень и очень не скоро. Родителя Андрея шокировали меня друг за другом. Не до конца смирившись с выходками его матери, я надеялась, что, несмотря ни на что, его отец окажется более адекватным человеком. Но он удивил меня еще больше. После нашей встречи с ним во мне снова проснулась горькая жалость к Андрею. Пусть в нашей семье никогда не было достаточно денег и в моем детстве было много лишений, иметь такую семью намного хуже, даже если ты и живешь в Ницце. Благо, что Андрей никогда не производил впечатления человека, которого хочется пожалеть, поэтому меня быстро отпустили эти чувства. В конце концов, я смирилась с тем, что у него неидеальная семья, которая совершенно не рада мне в этом доме. Но их здесь и не было. Андрей никогда не приглашал к нам в гости свою мать, поэтому наше с ней общение сводилось к минимуму. В какой-то момент мне даже стало казаться, что Андрей не приходится им родным сыном. Эта мысль так захватила мое сознание, что я волей неволей задала этот вопрос ему самому. Это было в тот один из прекрасных вечеров, какие обычно случались в нашем с ним доме после восьми часов вечера. Мы сидели в

гостиной на любимом диване в обнимку и разговаривали на самые различные темы, в камине горел огонь, на ноутбуке играла наша с ним любимая музыка.

– Ты совсем не похож на своего отца, – внезапно выпалила ему я.

Андрея замялся.

– И на мать тоже. Ты вообще на них не похож, – я продолжала гнуть свою линию.

– Я знаю, – спокойно ответил мне он.

– Что знаешь? Они не твои настоящие родители?

– С чего ты это взяла? – тут Андрей удивленно посмотрел на меня.

– Ну, с этого, ... что вы не похожи, – пришел мой черед смутиться.

– Ну что за глупости! Да, я не похож на отца, но я похож на нее. Просто она красит волосы, носит линзы и делает пластику, а я нет.

– Об этом я не подумала.

– Я так и понял. Мне часто говорят, что я на них не похож, но меня это даже радует. Не хочу быть таким, как они.

– Ты их совсем не любишь?

– Наверное, нет. Мать издевалась надо мной все мое детство, за что я должен ее любить?

– А ты ее спрашивал, почему она решила родить ребенка, если ей это было не нужно?

– Спрашивал. Она считала, что ребенок – это что-то вроде

маленькой хорошей собачки, с которой, когда тебе грустно, можно поиграть.

– Это ужасно.

– Да нет, я так не думаю. Если бы она так не считала, она бы вообще не родила меня, так что и на этом спасибо.

– А отец? Он хотел детей?

– Да, хотел. Хотел, чтобы Мила сидела дома и занималась детьми. Сам он этого делать, понятное дело, не собирался.

– Ну, ты знаешь, это неважно, хотели они ребенка или нет. Я думаю, что они все равно тебя очень любят, несмотря на то, что такие странные. Ты их часть, у тебя их кровь, их черты. Они не могут не любить тебя.

– Я думаю, могут, так же, как я не люблю их.

Прошел месяц, а вместе с ним предпраздничная суета и шумная встреча Нового Года. В нашем дворе стояла огромная ель, она была зеленая и очень пушистая, и я предложила Андрею нарядить ее к празднику. Почему-то до этого он так никогда не делал, и в его доме не было ни одной праздничной игрушки, поэтому нам пришлось объехать огромное количество магазинов и найти самые красивые шары, которые только существовали. Получилось чудесно и, выходя утром на кухню, я радовалась, как ребенок, этому простому волшебству.

Тринадцатое января. Мой день рождения. Я проснулась около десяти утра, что было для меня довольно рано. За ок-

ном падал снег, но было очень солнечно, а в нашей комнате по-летнему празднично, ведь она вся была заполнена разноцветными воздушными шарами.

– С днем рождения, малыш! Сколько тебе там? – целуя меня, спросил Андрей. Судя по всему, он давно уже встал, так как был одет и полностью собран, а его слегка розоватое лицо говорило о том, что он недавно вернулся с мороза.

– Вау, это так здорово! Это все ты сделал? – не ответив на его вопрос, спросила я.

– Нет, ... я не знаю кто! Меня вообще дома не было!

– У тебя слишком хитрый вид, чтобы это было правдой! Скажи, неужели ты не знаешь, сколько мне исполнилось лет?

– Тринадцать?

– Шестнадцать!

– О, да ты такая взрослая, моя маленькая девочка! Скоро я уже женюсь на тебе!

– Смешно!

– Малыш, я вынужден оставить тебя, у меня гора непредвиденных дел! А ты одевайся, собирайся и спускайся к нам вниз, хорошо?

– Да, хорошо! А ты можешь больше никуда не уходить сегодня? Я хочу провести с тобой весь этот день.

– Обещаю, больше я из дома без тебя не уйду! Ну, все, жду тебя внизу.

Я еще немного полюбовалась нашим новым разноцветным потолком и отправилась в ванную. Вернувшись через

двадцать минут в комнату, я не увидела там никого из людей, но заметила большую коробку, лежащую на кровати. К ней была прикреплена записка «Самой прекрасной девушке на свете». Немного самодовольно, но я решила, что это все-таки предназначается мне и развязала бант на коробке. Из нее тут же вылетели бабочки. Они были такие красивые и окутали меня с головой. Я засмеялась. Мое настроение было так сильно приподнято, что закружило меня по комнате в бешеном танце. Немного успокоившись, я отдышалась и отправилась в свою гардеробную комнату. Там на самом видном месте висело прекрасное жемчужное платье с корсетом и пышной юбкой до середины икры. Под платьем стояли почти невесомые босоножки такого же цвета. На платье висела записка «Сегодня ты будешь принцессой». Я примерила платье и долго смотрелась в нем перед зеркалом, но потом сняла и повесила его обратно. Скорее всего, оно предназначалось на вечер, не стоило же в нем идти завтракать. Я надела свои любимые джинсы с футболкой и спустилась вниз. Андрей сидел за обеденным столом с ноутбуком, а Матильда готовила завтрак.

– Малыш, а где платье? Ты не нашла его? – первым делом спросил меня Андрей.

– Конечно, нашла! Оно прекрасное, чудесное! И бабочки! Это так мило, так здорово! Спасибо большое! – я кинулась к нему на колени, осыпая поцелуями все его лицо.

– Бабочки! Точно! Пойду собирать бабочек! – он засме-

ялся и тоже расцеловал меня. – Но платье нужно было надеть сейчас, как же мы будем резать праздничный торт?

– Праздничный торт? Но... я могу сбежать, надеть его... просто я не думала завтракать в таком прекрасном платье.

– Нет, не нужно, ты чудесна и так. Мотя, вносите торт.

Мотя кивнула Андрею и вышла из кухни. Через минуту она вернулась, а за ней двое молодых парней несли самый большой торт за всю мою жизнь. На нем горели шестнадцать свечей, и Андрей попросил меня загадать самое заветное желание и задуть их. На минуту я задумалась, что же мне все-таки пожелать, ведь хотеть чего-то большего, чем было, просто невысказано. Но я загадала, чтобы это никогда не заканчивалось. И задула все свечи.

На завтрак мы ели торт и пили кофе. Я светила, словно праздничная лампочка, на этом самом торте. Андрей говорил, что это очень хорошо, что я так рано проснулась, ведь у нас запланировано много дел на этот день. Меня это не привлекало, мне просто хотелось остаться с ним дома, обнимаясь и смотря фильмы, но чтобы не испортить ему настроение, с радостью согласилась на все условия. Мы оделись и выехали из дома.

Мы ехали довольно долго. Дорога была заснеженной, и Андрей сильно не давил на газ. Через пару часов мы приехали в питомник ездовых собак. Там, в просторных вольерах гуляли Сибирские Хаски. Женщина, управляющая питомником, предложила мне выбрать собак, с которыми мне хоте-

лось бы прокатиться. Я растерялась, все собаки казались такими милыми, и было очень сложно сделать выбор в пользу каких-то определенных. Андрей, видя мою растерянность, предложил женщине запрячь в упряжку самых лучших собак их питомника. Она согласилась. Мы еще чуть-чуть погуляли среди вольеров, и мне очень захотелось взять нам домой щенка Хаски, но Андрей был упрям и считал, что одной собаки вполне достаточно.

Спустя полчаса я уже сидела в санях, запряженных дюжиной собак. Сидеть в санях было не очень удобно, но тот восторг, который заполнял мою душу, заглушал все неудобства и недостатки этого путешествия. На улице было очень холодно, поэтому на мне предусмотрительно были теплая шуба и шапка, а шею укутывал огромный шарф. В санях я чувствовала себе Снегурочкой, мчащейся на выручку Деду Морозу. Собаки сорвались с места и понесли меня по заснеженной дороге в сторону леса. Андрей со мной не поехал. Сказал, что это не его день рождения, но я подумала, что подобное развлечение не так сильно впечатляет его, как меня. А меня оно захватило полностью. Не знаю, как он догадался до такого проведения праздника, но это было самое прекрасное, что можно было придумать для меня. Я с детства обожала собак, наше знакомство с Андреем было связано со щенками и, видимо, он понял, что это будет самый лучший подарок для меня на день рождения. Так оно и было. Собачки катали меня на санях около часа и это была самая прекрасная про-

гулка за всю мою жизнь. После возвращения мне разрешили самой поухаживать за собаками, покормить их, привести в порядок и, конечно же, вдоволь поласкать их. Я была счастлива.

Мы вернулись домой к шести вечера. Я падала с ног от усталости, словно тяжело работала весь этот день. Эмоциональное истощение перетекло в физическую усталость. Я упала на кровать, планируя провести в ней остаток этого дня. Но у Андрея явно были другие планы.

– Настя, ты знаешь, что мы сейчас уезжаем?

– Нет, откуда, ... а куда мы поедем?

– Ну, ты же понимаешь, что это не все сюрпризы на этот день?

– Но я так устала, столько эмоций за один день, я бы хотела остаться дома...

– Ну, нет, это у тебя не пройдет. Одевайся, нас уже ждут. И, надеюсь, в этот раз, ты наденешь свое новое платье!

Спустя пару часов мы приехали в чудесный ресторан на Пушкинской площади. Там в арендованном зале были все мои немногочисленные друзья и близкие. Все хором поздравляли меня, а потом обнимали, целовали и шептали прекрасные вещи. Какое еще завершение этого дня могло быть лучше? В этот чудесный вечер, в окружении моих близких, Андрей шутил и был душой компании. Ему так нравилось быть среди моей семьи, что он старался как можно сильнее привязать их к себе. Я думаю, в них он видел ту настоящую

семейную близость, которой у него никогда не было.

Поздно ночью, уже четырнадцатого числа, мы возвращались домой. За рулем был его водитель, а мы сидели на заднем сидении.

– Андрей, это был самый лучший день в моей жизни! Это правда! Никто бы не смог устроить его лучше, чем ты. Все было так идеально..., у меня просто нет слов. Я так сильно люблю тебя! Я не могу поверить, что это происходит со мной! Что ты мой мужчина, что ты любишь меня, что сделал это все только ради меня! Да даже если бы этого ничего не было, есть только ты, и это уже бесподобно.

– Кажется, сегодня кто-то много выпил,...но ты не понимаешь одной самой главной вещи: это мне повезло с тобой. И это я не верю, что у меня есть ты.

Это происходило не так часто, родители обычно сами приезжали к нам в гости, но все же я навещала их в моей бывшей квартире и невольно сталкивалась со знакомыми на улице. Бывшие одноклассники, соседи, учителя или просто люди, которых я знала и которые знали меня. В начале, когда прошло еще совсем мало времени с моего переезда к Андрею, они удивленно поднимали брови при виде меня и накидывались с вопросами, куда я пропала, почему мы не видимся, и что вообще происходит теперь в моей жизни. Я старалась отвечать довольно уклончиво, дабы не напускать тень на моих родителей, но и не дать слухам завладеть умами моих зна-

комых. К сожалению, мои ответы не могли потушить этот огонь любопытства, и люди стали присматриваться ко мне, вспоминать мою прошлую жизнь, анализировать мое поведение и спустя время некоторые из них стали догадываться о настоящей сути дел. Так, спустя полгода после моего переезда, в очередной раз, встретив своих знакомых, я не успела и рта открыть, как уже раздумывала, что ответить на столь откровенный вопрос, заданный в мою сторону. Моя неблизкая знакомая сказала мне:

– Настя, это не к тебе случайно приезжал парень на желтом спортивном автомобиле?

На секунду я растерялась, но быстро взяла себя в руки. Врать не имело смысла, раз она спрашивала, значит, точно знала ответ на свой вопрос.

– Да, было такое. А что?

– Неужели ты сейчас живешь с ним?

– Нет, с чего ты это взяла?

– Ну, просто ты так резко пропала из нашего города, а твои родители здесь.

– Это очень странное рассуждение. Твои мысли ошибочны, я же не могу переехать жить к мужчине, мне всего шестнадцать лет. Я временно живу у моей бабушки в Москве, но мне бы не хотелось рассказывать почему. Может быть, прекратим уже эти расспросы?

– Да, конечно. Но твоя бабушка живет здесь.

– Ну, как ты знаешь, у человека ведь не одна бабушка, а

две.

– Да, но...

– Послушай, я не хочу продолжать эту тему, ведь это только мои заботы и я не хотела бы нагружать ими тебя.

Она перевела разговор, но проще от этого мне не стало. Ложь, связанная с бабушкой, совершенно не укрепила мое положение, а скорее наоборот навлекла на меня еще большую пристальность взглядов. И рано или поздно при таком тщательном наблюдении мы с Андреем допустили оплошность. Окружающие узнали о том, что я живу с ним. Вначале это был всего один человек, но новость быстро разлетелась по всем моим знакомым и незнакомым, но интересующимся моей судьбой людям. Учитывая всю остроту ситуации, в большинстве своем люди отнеслись к ней крайне неодобрительно, и в первую очередь их злоба коснулась моих родителей, позволившим, по их мнению, состояться нашему с Андреем ужасному союзу.

«И как они только допустили подобное! Их несовершеннолетняя дочь переехала в дом к взрослому богатому мужчине».

Вскоре Андрей приобрел в их глазах статус мужчины средних лет, хотя наша с ним разница в годах не дотягивала до восьми лет. Да и считать двадцатитрехлетнего юношу мужчиной средних лет, по меньшей мере, странно. Но проблема была в том, что он тогда уже перешагнул границу восемнадцатилетия, а я еще нет. От своих детей многие зна-

комые моих родителей узнали нашу «ужасающую» историю и при встрече старались обязательно упомянуть обо мне, кто-то вскользь, а кто-то прямым текстом высказывал свое неодобрение моим родителям и этим очень сильно ранил их. Когда я узнала от своей мамы о сложившейся ситуации, меня переполняла ненависть и злоба. Мне хотелось вернуться в город, найти обидчиков и, если не плюнуть им в лицо, то точно высказать все, что я думаю об их сдержанности и воспитании. Но злоба быстро прошла, и ее место заняло раскаяние в том, что своими поступками я навлекла на бедных родителей такую жуткую несправедливость. Меня вновь терзали мысли о том, что я так сильно поторопилась с переездом и, может быть, все же стоило дождаться собственного совершеннолетия или, по крайней мере, окончания школы. Но, вспоминая ту мучительную страсть и боль наших расставаний, то расстояние, которое приходилось преодолевать Андрею каждый день, чтобы увидеть меня, я жалела его и осознавала всю безвыходность ситуации. Мы стали крайне настойчиво предлагать моим родителям переехать жить к нам, Андрей даже намекал мне, что готов помочь купить им новую квартиру в другом районе, что, конечно же, я не стала им передавать, так как это было абсолютно недопустимо. Но мои родители отказались от переезда, ответив, что они спокойно справятся с подобными нападками, а это было лишь первое удивление. Меня поразило и обнадежило это, ведь они не стали упрекать меня в моей же распущенности или

сетовать на то, что я создала для них эти проблемы. Родители в этот раз поддержали меня, и это было самое важное.

Время шло своим чередом, и мы просиживали ночи напролет в нашей гостиной на белом диване за разговорами. Это происходило практически каждый день за редким исключением: когда мы были в клубе или сильно устали от этого дня. Мы не собирались специально и не планировали такие ночи, они случались сами по себе. Начиная всегда с довольно безобидных тем, мы переходили на более глубокие и животрепещущие. Из них можно было выделить даже парочку особо любимых, к которым мы возвращались чаще всего. Иногда мы сильно распалялись и жутко эмоционально что-то доказывали друг другу, а порой, наоборот, во всем соглашались друг с другом, и разговоры проходили довольно мирно. Конечно же, наши слова ничего не решали, и какие бы серьезные темы не поднимались, после них ничего не менялось и ничего не происходило. Иногда мне казалось, что мы говорим друг другу фразы, которые звучали уже миллион раз из миллионов губ.

—...твоя проблема в том, что ты постоянно хочешь попасть в будущее. Тебе не нравится настоящее, и ты почему-то думаешь, что будущее будет прекрасно. Просто идеально. Никаких проблем, один чистый кайф.

— Ну, нет, это неправда. Я так не думаю...

– Конечно, думаешь. Я слишком хорошо знаю тебя, чтобы ты со мной спорила.

– Хорошо, я так думаю. Но не совсем так. Я не думаю, что будет все идеально, я просто не думаю о минусах той минуты, только о плюсах.

– В этом-то вся и проблема. Получается, будущее в неравной борьбе, оно априори лучше, ведь в нем нет минусов.

– Хорошо, я тебя понимаю, но как научиться думать о минусах? Ведь плюсы – это мои мечты, их я могу представить, но минусов-то я не хочу. И я не хочу их представлять. А тем более выдумывать.

– На этот случай есть только один минус, который возможно представить. Вот ты в своей идеальной будущей стране и тебе там не нравится.

– Получается, мы в счастливом браке, у нас замечательные дети и огромная собака и мне там не нравится? Но ведь это нереально!

– Да-да, это все есть, но ты меня разлюбила, я надоел тебе.

– Но я не могу себе этого представить!

– Когда злишься, то можешь...

– Это правда, но в такие моменты думать о счастливом будущем тоже не очень хочется.

– В этом и есть главная проблема людей. Тогда просто думай, что в будущем тебя ждет только смерть.

– Тем самым никакое будущее меня не ждет?

– Да-да, именно так, будущего нет, есть только настоя-

щее...

Чем отличались мы от тех влюблённых, что мечтали раствориться друг в друге и обрести вечность? Никто не хотел умирать, но все умерли, был ли смысл бороться за жизнь? Чувствуя себя ещё одной в этой жизни, лишённой какой бы то ни было уникальности, я заставляла свой мозг производить на свет все более сложные и непонятные фразы, пытая тем самым скрыть всю пустоту этих слов и придать им хотя бы минимальный смысл. Все было зря. Я ощущала себя большинством, я чувствовала, как моя жизнь катится по давно заезженным рельсам и какие бы безрассудные поступки не придумывала я у себя в голове, кто-то это уже делал, какие бы глубокие умные фразы я не говорила, все это уже кто-то опровергал. Мне оставалось лишь смириться с этим и прожить свою хорошо спланированную, банальную жизнь. Но я сопротивлялась. Андрей не понимал моих рвений, он всегда считал себя уникальным, и в его голове никогда не рождались подобные мысли. Я знаю, он был глубоким снобом, но это лишь придавало ему привлекательности. Впрочем, как и обычно. Мы были разными, но мы любили друг друга и старались хоть немного друг друга понять. Пожалуй, самое главное достижение – это то, что нам удалось подружиться. Обычно это так сложно. А может быть, это мне лишь казалось...

Той весной я совершила попытку вернуться к занятиям. Я поступила в школу в «Верхнем Ист-сайте», так мы ее назы-

вали. В школу, в которой не было детей не долларовых миллионеров. Первый вопрос, который задавали новичку, был: «Кто твои предки?». Я сказала, что мой отец военный летчик, и на лицах моих одноклассников отразилось глубокое недоумение. А когда на собрание в школу вместо родителей пришел Андрей, меня вежливо попросили не подсылать старшего брата. Андрей, кстати, очень долго смеялся, придя с собрания, и все грозился меня наказать за плохие отметки, которых, в общем-то, не было. Мне понадобилось приличное количество времени приучить учителей и одноклассников к мысли, что мои родители не богаты и что в этой школе я благодаря своему парню. И даже, когда они привыкли к этой мысли, считать своей они меня не стали. Так же, как и везде, наши отношения с Андреем осуждались, но только немного с другой стороны. Мне так же не нравилось ходить в школу, как и раньше в мою прежнюю. У меня не ладилась отношения ни с одноклассниками из-за моего сомнительного, на их взгляд, происхождения, учителя не любили меня за вольнодумие и за мои вечные споры с ними, учиться я, в принципе, не любила и каждый день похода в школу приравнивала ко дню каторги. Я продолжала туда ходить лишь оттого, что мне было стыдно оставаться необразованной всего с восьмью законченными классами, но каждый вечер я ныла Андрею, как в моей жизни все печально. Как бы мы не дружили с ним, меня тяготило отсутствие в моей жизни подруг. Тех девушек, которые приходили бы ко мне в гости и сидели

на этом белом диване, пили шампанское и закусывали пирожными. С кем я могла бы смеяться как с ним, но только над другими шутками и с кем я смогла бы делиться нашими с ним отношениями. Да, сейчас-то я понимаю, что делиться стоит всем, кроме этих историй, но тогда мне так не казалось. Вечером за бокалом с виски я изливала ему свою душу:

– Андрей, я так завидую тебе. У тебя столько друзей. А у меня почти никого. Как думаешь, почему? Я такой плохой человек?

– Конечно же, нет. Просто ты находишься не в том окружении!

– Это что еще значит?

– То, что люди, которые окружают тебя, не интересны тебе, а ты им. У вас разные взгляды на жизнь и разные ценности.

– Хочешь сказать, что в моем классе десять девушек с одними интересами, а я с другими? Это же ерунда какая-то...

– Да, такое бывает, но это не значит, что кто-то из вас плох.

– Но почему? Почему они все одинаковые, а я не такая, как они? Почему мне так не повезло-то?

– Ну, ты всегда все видишь в черном цвете! Почему сразу не повезло? Оглянись, разве твоя жизнь плоха? У тебя есть я и все, что только можешь пожелать. Мы можем уехать куда угодно, если хочешь. Сегодня же возьмем билеты и улетим.

– Ты не любишь летать!

– Ради тебя я готов!

– Проблема не в этом, а в том, что у меня нет друзей!

– Если у человека нет друзей, значит, друзья ему не нужны. Если бы тебе так сильно нужны были подруги, ты бы дружила с кем угодно. Окружила бы себя целой толпой девушек и общалась бы с ними на интересующие их темы. Но нет. Это не твой выбор. Ты не идешь к ним на контакт, потому что они тебе не нужны.

– А тебе нужны друзья?

– Тех, кого ты называешь моими друзьями, ими на самом деле не являются. Разве я с кем-то делюсь тем, что мне важно?

– Ну, не знаю, но вообще я не видела.

– В том-то и дело. Эти люди просто мои знакомые и общаются со мной потому, что им что-то нужно. Просто я что-то значу в этом мире, и они что-то хотят от меня.

– Ты хочешь сказать, что все ребята на самом деле просто что-то хотят от тебя?

– Ну, не совсем так. Просто мы можем общаться, и мы общаемся, но не более. Никаких личных тем.

– Ты никому не говоришь то, что тебе интересно?

– А что мне интересно, ты знаешь?

– Ну, думаю, что нет, честно говоря, мне сложно сказать, что для тебя самое важное.

– Самое важное для меня – только ты. И главная моя цель в этой жизни – это не потерять тебя.

– А ты, оказывается, романтик!

– Буквально недавно я бы так не сказал. Сейчас, видимо, да.

– А раньше, до встречи со мной, что для тебя было самое важное?

– Даже не знаю. Я никогда не задумывался об этом. Жил одним днем. Ничего не хранил, ни к чему не стремился. Были вещи или идеи, которые цепляли меня на какое-то время, но потом это проходило. Я просто кайфовал и все.

– Но теперь твоя жизнь изменилась. Ты все еще продолжаешь ей наслаждаться?

– Куда больше, чем раньше!

– Андрей, эта так здорово! Я так люблю тебя. Это правда. Я счастлива с тобой каждый день!

– С твоим пессимистичным настроением я бы так не сказал.

– Ну, ты же знаешь, что я исправлюсь?

– Да, слышал. Но не сильно в это верю.

– Это еще почему?

– Потому что ты пессимист. Пессимисту оптимистом не стать.

– Значит, ты тоже немного пессимист, раз не веришь в лучшее.

– Я реалист, и это самое плохое!

– Да что ты! И почему?

– Пессимисты и оптимисты живут в мире придуманных ими самими же иллюзий. Не важно, плохое это или хорошее,

далеко не ФАКТ, что это когда-нибудь сбудется, и лишь реалисты видят, как все есть на самом деле. И от этого бывает очень хреново.

В одно прекрасное субботнее утро он подарил мне платье. Я еще лежала в кровати, когда он вошёл в комнату такой весь улыбчивый и светящийся, словно только что выиграл самый заветный приз. В руках он держал большую блестящую коробку с перевязанной лентой. Сразу было понятно, что он принёс мне подарок. И это было понятно даже не по коробке, а скорее всего по его лицу. Он томился от ожидания, и его глаза очень хитро мне улыбались. Я подумала, что в этой коробке что-то очень необычное для него, то, что он уже давно задумывал мне подарить и только сейчас у него получилось. Это меня очень заинтриговало. Андрей не мог получить таких вещей, ведь просто быть не могло. Это было что-то особенное. Я поцеловала его, как ни в чем не бывало, совершенно не обращая внимания на подарок. Конечно же, он сразу не выдержал. Спросил, неужели мне совершенно не интересно узнать, что в этой красивой коробке, которую он принёс для меня. Я ответила, что, пожалуй, мне интересно, учитывая его хитрый взгляд. Он рассмеялся и положил ее на кровать.

– Развяжи эту ленту, – предложил он мне.

Я подошла к кровати, взяла в обе руки концы этой пре-

красной шелковой ленты, потянула их вниз. Узел быстро распался, я приподняла крышку этой коробки. Внутри лежало платье. Изумрудно-зеленое, все расшитое мелкими камнями. Это были бриллианты с серым отливом. Чистейшие бриллианты в россыпи кристаллов. Платье было короткое с длинными рукавами и довольно тяжёлое. Я подняла его вверх, и камни заиграли при электрическом свете. Лицо Андрея заиграло вместе с ними. Он был счастлив и ждал моего одобрения. Надеялся на мое удивление и восторг. Но на моем лице не было таких чувств. Скорее, там было недоумение и шок. Я улыбнулась ему, не желая расстраивать. Затем сняла домашние шорты и футболку, просунула ноги в горловину, затем потянула платье наверх. Андрей помог застегнуть сзади молнию. Оно село мне по размеру и красиво подчеркивало загорелые руки. Андрей любовался мной, ему все очень нравилось. Он подошёл ко мне ближе, провёл руками по волосам и поцеловал меня и прошептал* (нужно было добавить «сказал», но, думаю, другой вариант более подходящий): «Ты моя самая красивая девочка».

Спустя пару дней его друзья прислали нам на почту фотографию московской газеты, в которой была статья о том, что сын известного бизнесмена Листова Владимира Александровича подарил своей девушке платье, расшитое бриллиантами за миллион долларов. В конце статьи вставал во-

прос: было ли это предвестником нашей свадьбы или просто кто-то сорит деньгами? Андрея журналисты не знали, а меня-то уж и подавно, зато очень хорошо знали про деньги Владимира Александровича и куда они тратятся. Я, конечно, в то время была в замешательстве, особенно когда узнала действительную стоимость платья. А главный вопрос, который меня мучил, – смогу ли я его куда-нибудь надеть. Я мучила Андрея расспросами «зачем же он это сделал и кто это платье ему сшил», но он мне не отвечал. Отшучивался словами, типа: «мне для тебя ничего не жаль, и я хочу, чтобы ты была самой красивой». Но мне лично казалось, что он просто хотел меня поразить, хотел, чтобы я блистала в нем на всех вечеринках. У Андрея было достаточно денег, и он с лёгкостью умел их зарабатывать, поэтому никогда не задумывался о том, что не стоит их тратить. Ему казалось, что чем больше сейчас уходит, тем больше в итоге к нему придёт. Возможно, это и правильно. По крайней мере, на его практике так обычно все и случалось. Мне сложно сказать, что я была в восторге от платья. Скорее всего, оно меня даже немного отталкивало. Казалось, что мы с ним вызовем диссонанс в обществе, что я стану посмешищем на любой вечеринке. Девушка из Подмосковья в платье за миллион. В историю золушки я так никогда и не верила. Всегда казалось, что что-то за этим стоит. Не может так гладко и круто перевернуться чья-то жизнь, словно по мановению волшебной палочки. За любимыми переменами, думала я, всегда стоят литры слез, по-

ть и опустошения. Надевая это платье, я чувствовала себя словно в чужой сказке, и что я скоро вылечу из неё, как только автор узнает, что я прокралась туда случайно. Мое прошлое никак не хотело подружиться с моим настоящим. Оно камнем висело на моей шее, не давая забыться или сильно высоко улететь. Андрей видел, что я не в сильном восторге от платья, но расценивал это совершенно по-другому. Он думал, что мне не нравится его цвет или возможно он что-то напутал с его длиной. Несколько раз вкрадчиво он предлагал мне немного видоизменить платье по моему вкусу, чтобы оно нравилось мне больше, и чтобы я могла с большим энтузиазмом его носить. И я никак не могла решиться ему рассказать, что это не платье не подходит мне, а я не подхожу для него. Я повесила платье в шкаф в надежде, что энтузиазм Андрея утихнет, и он перестанет желать видеть меня в нем круглые сутки. Но это не помогло. В наш следующий поход на вечеринку мне было практически приказано идти в этом платье. С большой неохотой я подошла к гардеробу и вытащила его наружу. Мое отношение к нему не изменилось. Я и это платье были совершенно не созданы друг для друга. Но нас с обеих сторон держал вместе Андрей. Я повиновалась. Надела платье и собрала волосы в пучок на макушке. Надела бриллиантовые серьги, подаренные им ранее, а на ноги высокие сапоги на каблучке в тон платю. Вышло, в принципе, не так уж и плохо. Тёмные глаза и бордовая помада дополняли мой образ. Андрей был в восторге. Мы поехали на нашем

лимонном авто на вечеринку, и в машине я почувствовала себя кинозвездой. Не знаю, как это произошло, но я вдруг расслабилась и стала получать удовольствие от своего внешнего вида и от этой ситуации. Я почувствовала себя красивой, любимой, состоятельной. Не девушкой из далекой глубинки, а московской молодой принцессой. Это платье действительно очень шло мне. Не знаю как, но Андрей очень точно угадал, что мне действительно нужно, поэтому мне не хотелось ничего менять в этом платье. Когда мы уже подъезжали к клубу, я совершенно забыла и отпустила своё прошлое и считала себя девушкой, достойной всех благ этого мира. Мы вышли из машины, и зашли за руку внутрь. Там было много знакомых Андрея. И все они в один голос делали мне комплименты и восхищались моим внешним видом. Их знакомые девушки тоже говорили мне приятные слова, что они не ожидали на мне такое увидеть. Конечно же, все они читали статью и в принципе догадывались, что скоро увидят меня в этом платье. Но то, что у меня действительно получится слиться с ним и стать одним целым, никто из них не думал. У сельской девочки получилось стать городской. Неслыханно. В этот вечер все знакомые в клубе общались со мною на равных. Наконец-то они приняли меня к себе и перестали считать Андрея глупцом и влюблённым бараном. Сам того не подозревая, Андрей помог мне завоевать положенный статус в его обществе и уважение. Хотя изначально это было просто красивое дорогое платье. Вернувшись в тот

вечер, домой, я рассказала ему все, что я думала с самого начала: от шока и отвержения до полного слияния и влюблённости в это платье. Но Андрей мне все равно не поверил. Он твердил, что это все глупости в моей голове, и на самом деле очень красивое платье здесь совсем ни при чем, а что касается его друзей, то они никогда так не думали, я им всегда действительно нравилась и они с самого начала уважали и ценили меня. Я не стала переубеждать его, просто постаралась покрепче прижаться к нему. Он был самый лучший. Самовлюбленный, да. Эгоистичный, да. Заносчивый, да. Самый прекрасный, да.

После истории с платьем мое отношение к себе изменилось. Не сразу, но довольно заметно. Я стала дерзкой, научилась краситься и накупила много пар туфель на высоких каблуках. Я стала выглядеть по-другому, и школа превратилась в мой подиум, как и для моих одноклассниц. Как это ни странно, но они тоже изменили ко мне свое отношение. Я ловила на себе их заинтересованные взгляды, а кое-кто даже говорил со мной. Но что-то во мне сломалось, я стала гордой, и мне они были не нужны. Я слишком высоко задирала свой нос и вскоре бросила школу, так как посчитала, что это пустая трата времени для меня. В моей жизни появилось кое-что другое. Просто однажды на улице, когда я шла от такси к ресторану, за мной проследовал молодой человек. Он остановил меня у дверей и представился владельцем модельного агентства. Сказал, что очарован мною и очень хотел бы

работать со мной, если у меня, конечно, не подписан контракт с кем-то другим. Я пообещала ему подумать и оставила свой номер. Он позвонил вечером и спросил, готова ли я дать ему ответ, но я была не готова, потому что Андрей еще ни принял своего решения. Он долго думал, но в итоге согласился на это, так как посчитал это хорошей профессией для меня. Из ученицы по химии я превратилась в ученицу модельной школы. Это было мое. Там сбывались те мои давние мечты, о которых я горько плакала. У меня появились подруги и друзья. Я чувствовала себя человеком, который что-то значит в этом мире, и, несмотря на изнуряющие тренировки, утомительные многочасовые съемки, тяжелые часы на мейк-апе и прическах, я возвращалась домой счастливой и возбужденной. По субботам мы также ходили тусоваться и теперь все считали меня достойной девушкой для Андрея, ведь я стала моделью. Подруги его друзей теперь мило болтали со мной, ведь мы с ними варились в одном котле. Андрею было приятно мое увлечение, он не был пуританином, и то, что я была на фотографиях немного раздетой, его не смущало. Но в большинстве своем это были съемки для салонных журналов, в которых снимали различные укладки и стрижки или варианты макияжей для вечера. В то время я поменяла огромное количество разных причесок и навсегда испортила свои волосы аммиаком. Так как я была еще далеко не профессиональной моделью, крупные съемки мне не светили, но я вполне наслаждалась и тем, что у меня было.

– Хватит, прошу, замолчи. Мне просто невыносимо слушать твои нравоучения. Меня достало то, что ты считаешь себя умнее всех на этом свете. Ты так заблуждаешься. Ты не умнее меня и не глупее других. Ты такой же, как и все мы. Пойми.

Но он не хотел меня слушать. Он хотел верить в свою уникальность и исключительность. Он лучший на всем этом свете. Несомненно.

– Андрей, остановись. Посмотри на меня. Куда ты идешь? Я хочу быть с тобой, понимаешь? Хочу идти туда вместе с тобой, хоть я и не знаю точно, куда же ты все-таки идешь. Мои слова были обидны, я понимаю. Прости меня. Я просто хочу, чтобы все было нормально. Чтобы была любовь и доверие. Как раньше. Ты помнишь наши прогулки? Помнишь те разговоры в твоей комнате, когда мы не могли остановиться и обсуждали даже грязь на твоих ботинках. Это было очень забавно. Я думала, так будет всегда. Ты говорил, что я всегда буду твоей. А я считала, что это романтично. Но я не знала, что это трудно. А ты не предупредил. Ты и не спрашивал. Ты просто, как всегда, все решил за меня. Но я правда тебя очень. Очень люблю. Ты лучшее, что случилось со мной когда-либо. Я очень благодарна тебе за это. Без тебя моя жизнь была бы просто дорогой в темном тоннеле.

И он остановился. Он обернулся и посмотрел на меня. В его глазах стояли слезы. Он плакал, и я не могла поверить в

это. Мы стояли и смотрели друг на друга, а сильный ветер дул, и волосы закрывали мое лицо. А если бы нет, то он тоже увидел бы их. Мои слезы, (тонкой струйкой)* бегущие по подбородку. Они текли потому, что есть чувства, которые мы просто не можем объяснить словами, как бы мы ни пытались, их всегда мало и они всегда не те. Все намного-намного сильнее, и когда я обнимаю его, мне это тоже кажется малым. Мне хочется проникнуть в его душу, хочется быть частью его тела и слиться в одно большое целое.

Он подошел ко мне, убрал волосы и вытер слезы.

– Ты такая маленькая еще. Ты даже не догадалась, что я специально очень медленно шел, чтобы ты смогла идти вместе со мной и не отставать. Ты даже не понимаешь того, что я просто не могу на тебя сердиться. И не могу уйти от тебя. И все, что ты говорила мне сейчас, – это был страх. Но мне ведь тоже страшно. Я тоже боюсь, что однажды ты просто уйдешь от меня, и я не смогу тебя остановить. Понимаешь? И мне бы тоже, конечно, хотелось, чтобы мы никогда с тобой не ругались, но жизнь ведь не такая простая, как ты себе ее представляешь. И в некоторые моменты мы поступаем так, как не хотим поступать. Очень не хотим. Но поступаем. Прости, и пойдем домой. Я думаю, этот путь мы проделаем за руку.

Он взял меня за руку, и моя холодная ладонь утонула в его теплых пальцах. Мы шли немного молча, немного смеялись, но это было слишком хорошо. Это было самое настоящее

счастье. И в этот момент даже не важно, как выглядишь ты со стороны. Ведь людям все равно не понять твоих настоящих эмоций.

Тем выдающимся летом мы много путешествовали с Андреем, и у меня совершенно не оставалось времени на грустные мысли. В перерывах между моей и его работой мы улетали на пару дней туда, где белый песок и прозрачная, как слезы, вода.

Можно было посчитать, что наши отношения с Милой наладились, и спустя определённое количество времени она все же привыкла ко мне, и даже если нежных чувств между нами так и не возникло, мы научились тщательно скрывать свою неприязнь друг к другу во имя Андрея. В ее глазах продолжала сквозить неприкрытая злоба, но я ее больше не замечала. Я поняла, что мне стоит смириться с ее существованием так же, как ей придётся смириться с моим. Чем крепче становились наши отношения с Андреем, тем более равнодушной я становилась по отношению к Миле. Меня больше не трогали ее пьяные выходки, ее глупый флирт с собственным сыном, ее испепеляющие взгляды в мою сторону. Находясь наедине с Андреем, она вела себя более сдержанно и адекватно, но с меньшим восхищением им самим. Когда я смотрела на неё в эти моменты, мне казалось, что я читала в этом взгляде определённую ненависть и к нему. Возможно, это были просто глупые домыслы, и это всего лишь то, что

я подсознательно так хотела увидеть. Это было так низко с моей стороны, но я хотела одной любить его столь сильно, насколько он этого заслуживал. Мне казалось, что она недостойна, быть его матерью, недостойна, любить его и получать от него взаимные симпатии. Хотя этого от Андрея ей точно не стоило ждать.

Мила навещала нас с Андреем, но очень и очень редко. Она любила приезжать с утра, когда мы ещё спали, и встречать нас внизу в холле, когда мы, немного помятые и не до конца проснувшиеся, спускались вниз, чтобы выпить свою порцию свежесваренного кофе. Она приветствовала нас практически весело и приветливо, но обязательно подмечала все мои недостатки фигуры, благо я никогда не удосуживалась набросить халат поверх лёгкой комбинации. Андрей моментально приходил в ярость и кричал ей, чтобы она убиралась из нашего дома, тогда Мила сменяла свой высокомерный тон и извиняющимся голос заявляла, что совершенно не хотела меня обидеть, скорее наоборот подсказывала мне, как стать лучше. Андрея это совсем не успокаивало, поэтому в разговор вступала я и напускным весёлым голосом заявляла, что я ничуть не обиделась на высказывания Милы, а скорее даже наоборот говорила, что обязательно учту все ее советы, и дальше продолжала с ней мило беседовать о сущих пустяках, лишь бы он видел, что мы с ней не так уж и плохо ладим. Тогда Андрей успокаивался и даже приглашал ее выпить с нами кофе, но после этого все же

просил немедленно покинуть наш дом. Она соглашалась, и мы все втроём следовали в кухню. За завтраком обязательно вскрывалась ее истинная причина появления в нашем доме: ей было что-то крайне необходимо получить от Андрея, и тут его гнев просыпался с новой силой, но я была уже наготове и ласковыми словами старалась потушить этот разгоравшийся пожар и донести до него, что ее просьба не так уж невыполнима для него и что он вполне может помочь Миле, не считая, что его гордость и интересы были ущемлены. Я имела определённую власть над его чувствами и, хоть и нехотя, но он прислушивался ко мне и тогда обещал ей подумать, если она немедленно удалиться. Она тут же вставала и, кинув нам свой последний испепеляющий взгляд, уходила. Андрей приходил в себя и уже совершенно спокойным голосом продолжал разговаривать со мной и обсуждать текущие дела. К разговору о Миле мы больше не возвращались, только ближе к ночи я напоминала ему об их уговоре и очень просила его помочь своей матери. Он без особого на то желания соглашался. Зачем же мне это надо было, спросите вы? Да, в душе я ее недолюбливала, желала со всей страстью, чтобы он не любил ее тоже, но видеть такие отношения с матерью для меня было невыносимо и мне до боли сильно хотелось, чтобы они были хотя бы равнодушны друг к другу, а не испытывали жуткую ненависть. Я желала, чтобы ее визиты в наш дом прекратились и чтобы она, наконец, забыла о нашем существовании и не терзала душу ни мне, ни ему. Но Мила

твёрдо знала свои права на него и продолжала ими пользоваться, дергая Андрея за различные ниточки и напоминая ему о его долге перед ней. С другой же стороны, она со страстью ревновала его ко мне и мечтала о нашей разлуке. Она любила его и ненавидела одновременно, и все эти чувства отражались в ее глазах, когда она смотрела на него.

Мы с Милой оставались слишком разными, чтобы понравиться друг другу и найти общие интересы. Она желала своему сыну невесту крайне похожую на неё как внешне, так и с привычками и слабостями в отношении собственного лица, тела и внешних данных. Я же при всей своей любви к красивым баночкам и косметике не удовлетворяла ее запросы в отношении ухода за собственным телом. Ей абсолютно не нравился мой нос, и она практически настаивала на коррекции, которую мы с Андреем яростно отвергали. Мне абсолютно не хотелось получить кукольное лицо с точеным носом, большими губами и широко распахнутыми глазами. Нет, я не собираюсь обманывать вас и заявлять, что я была в полном восторге от своей внешности, но уподобляться живому манекену мне совершенно не прельщало. Андрей же в свою очередь заверял, что любит абсолютно все мои черты лица и ни о какой перемене даже не хочет слышать ни от меня, ни от тем более кого-то другого. Конечно же, мой нос был не единственной точкой преткновениям в нашем с ней общении. Было множество других вещей, которые ей не нравились во мне, и она с жаром хотела бы их изменить. Все

приводить здесь, я считаю, совсем не имеет смысла, так как это может занять очень и очень много места в книге, и в итоге вам станет невыносимо скучно продолжать читать ее. В общем и целом, наши отношения с Милой не стали лучше, и мы не старались поближе узнать друг друга, но она поняла, что пока я остаюсь жить в этом доме и пока Андрей так пылко и глубоко любит меня, ей придётся считаться с моим мнением, как бы оно ей противно не было. Возможно, она утешала себя тем, что о нашей свадьбе говорить ещё рано в силу моего возраста, а к тому времени есть надежда, что отношение его сына ко мне изменится, и она найдёт ему более подходящую невесту, чем я. Я же в свою очередь старалась относиться к ней как можно более любезно и доброжелательно, как я уже говорила, ради Андрея и ради спокойствия его души. Мы установили негласный союз и придерживались его до того времени, пока ситуация не изменилась.

– Я не хочу больше быть с тобой, отпусти меня! – я пыталась вырвать свою руку из его руки. У меня это не получилось. Он сжимал ее, словно в свинцовых тисках. Мне было больно, и маленькие капельки слез толпились у края глаз. – Пусти меня, прошу! – я умоляла его, и мой голос все более походил на плачущий. – Зачем, зачем я тебе? Ты же видишь, у нас ничего не выходит, мы слишком молоды, мы вполне сможем жить друг без друга. Ну, поверь, ты ведь знаешь это. К чему наши мучения, нам ведь никто не приказывает лю-

бить друг друга и быть вместе всегда. Прошу, от...

– Заткнись! Заткнись! – он с силой дернул мою руку, и я едва не потеряла равновесие. Он потащил меня по улице, как маленькую прогулочную собачку, которой очень хочется смотреть по сторонам, но хозяин слишком быстро идёт для этого. Я тихо плакала. Это было уже не первый раз. Я чувствовала себя в западне. Чувствовала себя словно в официальных заложниках, вроде как все знают об этом и нормально к этому относятся, поэтому ты никому не можешь пожаловаться. Рука больно ныла, и мне хотелось потерять то место, где он сжимал ее, но я знала, что он не отпустит, поэтому всеми силами старалась отвлечься от этой ноющей боли. Я пыталась смириться с моим положением. Пыталась найти в нем положительные стороны, но у меня ничего не получалось. Он опротивел мне, я не могла его больше видеть. Он был слишком жесток в эту минуту. Мне хотелось закричать, хотелось обратить на себя внимание прохожих людей, чтобы они вырвали меня из рук этого страшного человека, чтобы вернули меня к родителям. Но я прекрасно знала, что как только я начну кричать, он тут же заткнет мне рот рукой. Да и вряд ли кто-то из прохожих осмелится влезть в ссору двух любящих друг друга людей. Мы сели в машину и вернулись домой. Я быстро поднялась наверх и заперлась в комнате. Там легла лицом на подушку и просто лежала. Не было никаких слез, никаких причитаний, только тишина. Через ка-

кое-то время он постучал в дверь. Я открыла ее. Он схватил меня за талию и начал целовать все лицо. В моей душе проснулся прилив нежности к нему, все жуткие мысли были забыты, и мне казалось, что я на вершине горы, в самом райском месте, и эта секунда моей жизни самая прекрасная, потому что он любит меня. Потому что мы вместе.

Меня выбрали для участия в съемке рекламы для одного крупного бренда, специализирующегося на джинсах. В съемке должны были участвовать две девушки и два парня. У нас был месяц, чтобы подготовиться к ней. Я много нервничала и много худела. Меня не интересовал мой начинающийся гастрит, меня интересовало лишь то, как смотрятся мои ноги в тех джинсах. Я грезила тем, что эта съемка подарит мне большие перспективы для успешного будущего. Что меня заметят и пригласят сниматься для обложки журнала «Vogue». У меня не было бесконечно длинных ног, но была вера в себя и деньги. Да и к тому же, Андрей всегда так искренне считал, что я самая прекрасная девушка в этом мире, что у меня категорически не возникало на этот счет никаких сомнений. Мы созванивались каждый вечер с той девушкой, которая тоже должна была принимать участие в этой съемке, и отчитывались друг другу о результатах. Кто сколько раз качал пресс, сколько граммов скинул и сколько километров пробежал на дорожке. Я любила заниматься на велотренажере, пересматривая заодно все старые фильмы.

За неделю до съемки мне позвонил Ян, директор нашего модельного агентства и тот самый парень, который поймал меня перед дверями ресторана. Он предложил мне заехать к нему на следующий день в офис, чтобы обсудить изменения в финансовом вопросе предстоящей съемки. Я согласилась, не раздумывая, хотя меня и совершенно не волновал этот вопрос, просто мне нравилось обсуждать мою работу. Мы с Яном стали хорошими друзьями, мне было легко с ним, и он всегда мог меня рассмешить. Я считала его чуть ли не за своего старшего брата, поэтому на следующее утро я вошла в его офис без каких-либо предчувствий плохого. Ян встретил меня со смущенным видом, усадил на диван и предложил выпить шампанского. Я не отказалась, и мы выпили с ним по бокалу. Потом он стал рассказывать мне о своей тяжелой жизни, как сильно его утомили все эти модели со своими вечными жалобами и то, что у него нет настоящих друзей, что его никто не понимает, и никто не любит. Все это время он старался смотреть мне в глаза и подсаживаться на диване поближе. Я чувствовала себя крайне неудобно и пыталась перевести разговор на ту тему, которую он хотел со мной обсудить. Мои попытки были тщетны. В итоге он признался, что влюбился в меня с первого взгляда, что я самая искренняя и прекрасная девушка. Затем он пытался меня обнять, но я увернулась. Сказала ему, что это совсем не смешно и что он ставит меня в неловкое положение. Я повернулась к двери и уже собиралась уйти, но он схватил меня сзади, прижав мои

руки к телу, и сказал, что если я не стану его, то могу забыть о контракте и о съемке. Затем он отпустил меня и предложил хорошо обо всем подумать.

Я вернулась домой в слезах и рассказала обо всем Андрею. Он жутко разозлился и отправился к нему в офис, там вышиб дверь в кабинете и, кажется, ударил его по лицу. Вернувшись, домой, он заявил, что я больше не работаю в модельном агентстве, и никаких съемок не будет. Я прорыдала весь вечер. Я была зла на себя за то, что не смогла сама уладить своих проблем и объяснить Яну, что ему не стоит ничего ждать от меня, т.к. у меня уже есть молодой человек, которого я очень люблю. Я была зла на Андрея за то, что он так поступил с моей работой, совершенно не считаясь с моими чувствами и желаниями. Я была зла на Яна, на его нелепую любовь ко мне и зла на весь мир, из-за того что он такой неправильный и несправедливый. Мне было жутко обидно, что эта съемка все-таки случится, но меня там не будет, и какая-то другая девушка вместо меня будет блистать на страницах журнала «Vogue», а я так и останусь никем, просто любимой девушкой Андрея и все.

Я была в депрессии все последующие дни, но не знала, что с того момента не только это изменилось в моей жизни. У Андрея словно открылись глаза на меня. Неожиданно он осознал, что я могу нравиться другим, кому-то кроме него. Эта простая истина сделала его подозрительным и ревнивым. Он больше не хотел видеть меня на фото в журналах,

он должен был лишь один смотреть и любоваться мной. С того момента мне вдруг все запрещалось: выходить из дома одной, видеть подруг, ездить к маме и просто по магазинам. Все мои звонки заканчивались подробным отчетом о разговоре, который велся. Матильде было приказано следить за мной, пока Андрея не было дома, и вечером отчитываться ему обо всем, чем я занималась. Нет, он был все тем влюбленным, милым и прекрасным, но только, когда это не касалось моих отношений с окружающим миром.

Мы становились с ним чужими друг другу людьми. Это происходило постепенно, но вскоре стало все сильнее и сильнее проявляться. В разговоре мы перестали понимать друг друга с полуслова, да и вообще перестали понимать, о чем говорим. Я все время оглядывалась назад, пытаюсь узнать, где та точка, с которой наши отношения пошли на убыль. Где мы сделали неверный шаг и разошлись в разные стороны. Но это всегда, всегда ускользало от меня, и в этой гонке за прошлым я только все больше и больше теряла его в настоящем. Мне казалось, что прошло еще так мало времени, а мы уже устали друг от друга. Это чувствовалось, витало в воздухе между нами, и лишь болезненная привязанность не давала нам разойтись и больше никогда не встречаться. Мы перестали друг друга радовать, а даже казалось, что наоборот приносим только чувства ненависти и отторжения. Куда делась наша столь сильная и нежная любовь, спросите вы? Я

тоже все время задавала себе этот вопрос. Думаю, проблема была в том, что мы были слишком одинаковыми, слишком вспыльчивыми и властными, каждый из нас хотел быть лидером в этих отношениях и эта борьба за власть убивала любую романтику. Я чувствовала, что должна уступить ему это место, стать послушной, но это означало бы, что мне нужно убить свое я, свою свободу и независимость. Что же тогда должно было остаться от прежней меня? Смутная тень и внешние данные. К тому же, я прекрасно понимала, что, уступив в первенстве, я быстро стану неинтересной ему и так или иначе наши отношения не станут лучше. Ведь именно эта непокорность жертвы распалает охотника. Казалось, из нашей ситуации не было благоприятного выхода. Наверное, это больные отношения, приносящие только горечь и страдания. Я так часто спрашивала себя: «Зачем мне все это?», что даже устала от этого вопроса. Ответа все равно никогда не было. Мы медленно и мучительно продолжали убивать друг друга в чувствах любви.

Мы стали часто ссориться, думая, что в этой ссоре мы обретем, наконец, истину. Он кричал на меня, а я орала на него. Я стала думать, что мне стоит уехать обратно к родителям и начать просто встречаться с ним, как и раньше. Возможно, это что-то бы изменило. Но я знала, что он меня не отпустит. Какими бы плохими ни стали наши отношения, мы никогда не смогли бы расстаться. Ведь даже в самой дикой ссоре он говорил, что никогда в жизни меня не отпустит и что я долж-

на это понимать, понимать то, что всю оставшуюся жизнь мне придётся жить с ним, хочу я этого или нет. Думаю, для кого-то это прозвучит довольно романтично, но от романтики здесь очень далеко. Ведь помимо всего прочего и нашей безудержной борьбы за власть в отношениях, Андрей был совершенно несдержанным и эксцентричным человеком. Он бросался на улице на людей, которые, по его мнению, проявили неуважение к нему или ко мне, он кидал в них камнями и подвернувшимся мусором, он мог не разговаривать ни с кем целую неделю, мог запереться у себя в комнате на сутки, порой он заносился и вёл себя совершенно непристойно.

Выход всегда есть, скажете вы. Вы не знали его, отвечу вам я. Да, он был готов убить нас двоих, но мы обязаны были быть вместе и это не шутка. Ни я, ни кто-то другой никогда не видели, чтобы он когда-либо общался с другими девушками. Это было довольно странно, учитывая, что в их огромной тусовке все давно друг друга знали. Он даже не здоровался с ними, хотя, естественно, многих привлекал своим благосостоянием и красивой внешностью. Были случаи, что он мог очень грубо оттолкнуть девушку, подошедшую с ним поздороваться. Из-за этого они все его немного побаивались. Поэтому просто приветливо махали рукой на расстоянии, а он им не отвечал. Но так было только с женщинами. Для своих друзей и вообще для мужчин он всегда оставался веселым, задорным, готовым на авантюры товарищем. Им было с ним легко и комфортно, он был очень умён и остроумен, и

любая беседа с ним превращалась в увлекательное путешествие слов. Его все любили, он всегда был готов помочь и отдать последнее, что было у него. Готов был сорваться и лететь к попавшему в передраги другу даже из другой страны. Он много умел и точно все мог, и что самое страшное, – его ничего не страшило. Я думаю, он считал себя королем этого мира, человеком, наделённым суперсилой и супержизнью. Он был совершенно неадекватным, неоднозначным и самым лучшим мужчиной, с которым я была знакома. Он был ужасен и прекрасен одновременно. И, наши с ним отношения были наполнены любовью и нежностью с такой же силой, как ненавистью и безысходностью. Да, мне всегда хотелось быть с ним рядом, согреть его своим теплом, а потом я понимала, что больше не хочу его видеть. Никогда. Но все же он был самым прекрасным человеком, и так по кругу: каждый долбаный день. Если вы не были в аду, я расскажу вам как-ков он.

Я была маленькой птичкой в его золотой клетке. У меня не было хороших друзей, с кем бы я смогла разделить своё состояние. Мне не кому было высказать свою боль, и я переживала от этого ещё сильнее. Мне было страшно одиноко и очень хотелось поговорить с ним об этом моём состоянии, но я знала, что он меня не поймёт. Скажет, что мне просто нечего делать, и от этой скуки я выдумываю наши проблемы. Для Андрея их просто не существовало. Несмотря ни на что, он считал, что у нас с ним ничего не изменилось, только ес-

ли чуть-чуть поутихли страсти. Но это так банально и прогнозируемо, ведь мы уже давно вместе, и это просто должно было случиться. Ведь случается так со всеми людьми.

После периода взрыва эмоций наши отношения перешли в отдаленный штиль. Мы перестали по вечерам встречаться в гостиной на нашем любимом диване под классную музыку и пару бокалов виски. Он все больше и больше времени проводил в своей комнате за ноутбуком, считая доходность компании и прогнозируя этапы развития. Я же в погоне за красотой и ухоженностью практически переехала в эту огромную ванную с пушистыми полотенцами и кучей стеклянных красивых банок с кремами. Я считала, что только так, только своей красотой я смогу наладить наши отношения и вернуть былую нежность. Мы встречались только поздно ночью в постели, практически не разговаривая друг с другом, засыпали, смотря в разные стороны. В это время я очень часто в мыслях возвращалась к нашей первой поездке на море. Тогда, среди людей с большим стажем отношений, я считала себя умнее и прагматичнее, думала, что с нашими отношениями точно не произойдет подобных неразберих и обыденности. Я вспоминала, как мы с ним лежали в номере на кровати и получали огромное удовольствие от того, что можем вот так просто лежать и читать книги, не прикасаясь друг к другу. Теперь же это стало обычным делом для нас. Так легко было ни разу не поцеловаться за весь день. Андрей рано утром уезжал на работу, когда я ещё спала. Проснувшись около по-

лудня, я спускалась на кухню и очень медленно завтракала за просмотром любимых сериалов. Мне нравилось готовить себе на завтрак необычные блюда, вроде банановых блинчиков с шоколадным кремом или фруктового салата, заправленного йогуртом без примесей. Я готовила себе капучино в нашей огромной кофемашине. Мне нравилось делать это самой без помощи Моти, так я могла почувствовать себя самостоятельной. После завтрака я принимала ванну с большой шапкой душистой пены, наносила на лицо различные маски и скрабы, очищая его до скрипа. После ванны мне нравилось долго стоять и выбирать крем для тела, которым я буду пахнуть весь день. У меня был очень, очень большой выбор. Затем я долго-долго втирала его в свою кожу, не пропуская ни малейшего квадратика тела. Крем, тоник, сыворотка и крем под глаза были обычным условием каждого утра. Затем я мыла голову. Мне нравилось это делать самой. Но укладывала волосы всегда моя парикмахер. Ее салон был недалеко от нашего дома, и каждое утро она приходила ко мне по звонку. Ещё из этого салона ко мне домой приходила девушка, чтобы сделать маникюр. После процедур красоты я садилась за широкий дубовый, красивого бордового цвета стол в кабинете, утопала в огромном кресле и делала покупки через интернет. Я заказывала себе сумки и платья. Все, которые мне только нравились. У меня была огромная-огромная гардеробная с целым шкафом обуви на разную погоду. Но мне всегда этого было мало. После пары часов утомитель-

ных покупок я спускалась вниз и обедала тем, что готовила мне Матильда. Я очень любила ее обеды, потому что она с лёгкостью придумывала каждый раз новые и очень вкусные блюда, до которых я сама никогда бы в жизни не догадалась. Мы с ней болтали и смеялись, она рассказывала мне новости текущего дня и как там погода в Москве. После обеда я любила гулять в нашем маленьком вишневом садике. Там было уютно и тихо. Шуршали листики над головой, и было так приятно сидеть с книгой под большим пушистым деревом. Единственное, что омрачало мою беззаботную жизнь, – это самодовольная ревность Андрея. Мне совершенно не разрешалось без него покидать территорию нашего дома и сада. Я не имела возможности съездить в центр и погулять по Тверской или выпить кофе в уютной кофейне, не могла съездить к маме или встретиться с кем-то из близких. Ворота были закрыты, и рядом сидела охрана. Возможности сбежать у меня тоже не было. Андрей приезжал довольно поздно, когда я уже изнемогала от одиночества и тоски и мой бессвязный поток слов его утомлял. Он смотрел на меня с лёгкой тенью улыбки и едва кивал на мои вопросы о его прошедших делах. Он был голодный и недовольный, а после ужина обязательно отправлялся в свою комнату, чтобы продолжить там работу над прибылью. Я же шла в ванную залечивать свои раны вином и пеной.

Изо дня в день в моей жизни ничего не менялось, и порой мне хотелось не просыпаться с утра. Заранее зная, что мой

день ничем не закончится, не было никакого стимула его начинать. В одно такое утро я подумала, что мне пора вернуться на учебу, тогда я смогу получить долгожданную свободу и перестану тратить свою жизнь попусту. Эта мысль так захватила меня, что я скупила все учебники и тетради, которые могли мне понадобиться. В тот вечер с нарастающим нетерпением я ждала возвращения Андрея домой, чтобы рассказать свою прекрасную идею ему и чтобы он ее одобрил и отпустил меня снова учиться. Ждать пришлось довольно долго, в тот день он как назло сильно задерживался на работе, и я потеряла всякое терпение. Когда он, наконец, вернулся домой практически в десять вечера, лицо его выражало крайне недовольство этим днем. Моя уверенность слетела с меня, и я даже подумала, что нам стоит отложить наш разговор на следующий день, но Андрей сразу все понял по моему лицу.

– Ты что-то хочешь мне сказать, да? – спросил он у меня с порога, даже не поздоровавшись.

– Да нет... ну, если честно, то да. Но, может быть, ты сначала поужинаешь? Вид у тебя не очень веселый.

– Настя, говори!

– М-м-м... Да, собственно, и говорить-то особо нечего... просто я подумала, может быть, мне стоит вернуться в школу? Я и так уже очень многое пропустила. Ты ведь не хочешь, чтобы твоя девушка была безграмотной с девятью классами образования. Скоро мне нужно будет поступать в институт.

– Зачем?

– Ну, как зачем? Я хочу выучиться, пойти работать.

– Зачем тебе идти работать? Работают те, у кого денег нет.

А у тебя есть.

– Да, но не только для этого... мне осточертело сидеть дома и ничего не делать. Мне скучно! Ты совершенно не проводишь со мной времени! Мы отдалились друг от друга, практически не разговариваем. Ты не разрешаешь мне никуда выходить отсюда, я не могу так больше! Пойми меня! – все больше распалялась я.

– Нет, я не понимаю тебя! Зачем тебе куда-то идти, если все, кто тебе нужен, могут прийти сюда. И все, что ты захочешь, тебе принесут. И эти глупости по поводу работы... Кем ты собралась идти работать? Секретаршей? Это полный бред! – Андрей очень быстро разозлился, так же как и я.

– По-твоему, я способна быть только секретаршей? Конечно, с моим уровнем образования мое место либо там, либо в рекламном агентстве. Но я не хочу этого! Я хочу стать кем-то в этой жизни, чего-то добиться самой, а не с помощью тебя, понимаешь?

– Хочешь свободной жизни, да? Планируешь найти себе любовника, пока меня нет? Такие твои планы? Скажи, скажи, не стесняйся! Этого хочешь? Отвечай!

– Боже! Конечно же, нет, что за бред!? Ты совершенно не понимаешь меня!

– Да, я не понимаю тебя!

– Зря я завела этот разговор...

Мы стояли и смотрели друг на друга испепеляющими взглядами. Я тяжело дышала, как после марафона по бегу. После пары минут молчания Андрей вновь заговорил уже совершенно спокойным голосом:

– Единственное, что я могу тебе предложить, раз ты так хочешь продолжить учиться, это преподавателей, которые будут приходить сюда. Но о возвращении на учебу даже не мечтай.

Я поняла, что никакие средства мне не помогут уговорить его выпустить одну меня из дома. Я смирилась со своей участью.

– Хорошо, этот вариант меня устраивает. Пусть приходят каждый день, мне нужно многое подтянуть.

Меня радовало только то, что наша ссора прошла не просто так, хотя бы чего-то я добилась в ней. И теперь мои дни не будут проходить зря.

– Прекрасно, я договорюсь. А теперь извини, я хочу есть, и мне нужно закончить дела.

Он ушел на кухню, а я не последовала за ним. Все же определенная обида затаилась в моей душе.

Со следующего дня ко мне стали приходить преподаватели по всем предметам, которые сейчас проходили в моем классе. Я купила портативную доску, и они писали на ней, объясняя разные теоремы и доказательства. Я была прилежной ученицей, потому что в душе надеялась выучиться и стать выдающимся человеком. Не зависеть от Андрея и

иметь свои собственные знания и суждения.

Внезапно я осознала прекрасную и страшную новость, что я смогу без него. Что я хочу без него жить. Это было так просто. Так легко. И вдруг мне стало совершенно наплевать, что не нравится ему во мне. И наплевать на то, что он мною недоволен.

«Плевать. Я смогу без него. Пускай катится ко всем чертям. И с чего он вообще вдруг решил, что я без него не проживу, что я не уйду от него? Такие глупости, такая наивность! И почему же я раньше так сильно боялась этого? Почему раньше шла мириться к нему первой, даже если он был виноват? Почему спокойно терпела всего его унижения и оскорбления в мой адрес, считая, что лучше пусть так, но только чтобы он был со мной? Чудовищно. Нет, я больше не хочу с ним мириться. Пускай он меня бросит. Пускай он уходит от меня. Я не буду растерянной маленькой дурочкой, если он уйдет от меня. Я не буду лить слезы в подушку, когда его не будет рядом со мной. Да, я буду дико скучать, но моя жизнь от этого станет только лучше. Я стану свободной. Больше никто не посмеет кричать на меня или запрещать что-то мне. Мне не нужно будет договариваться и просить разрешения. Я просто буду делать то, что я сама считаю нужным. Я буду гулять, буду общаться с мужчинами на вечеринках, буду флиртовать и уезжать в другой город, никого не предупредив. О, это прекрасно!»

От одних этих мыслей мое настроение взлетало до небес.

Он что-то спросил у меня, а я ему не ответила. Он спросил второй раз, а я послала его куда подальше. Он обиженно за-сопел. А мне было плевать. Пускай уходит. Он поднялся на-верх, а я была в прекрасном расположении духа. Впервые меня это совершенно не трогало. Какое это прекрасное чув-ство... Мне захотелось записать свои мысли, чтобы увековечить это мгновение свободного счастья.

Прошла неделя и мне стоило бы закончить нашу ссору, но она продолжалась. Чего пыталась добиться я нашим затянувшимся разногласием? Считала себя удивительно сильной и смелой. И зачем мне какой-то Андрей, если я и так пре-красно без него проживу? Андрей молчал все эти дни, лишь со стороны наблюдая с неприязнью, а я старалась на него не смотреть. Не знаю, переживал ли он за наш разрыв или же со всей своей мудростью взирал на него свысока. Он молчал, а я не хотела с ним разговаривать. За ту неделю мы виделись всего пару раз, когда я случайно спускалась вниз во время его возвращения домой. И каждый раз я, высоко задрав го-лову, проходила мимо, ни разу так и не взглянув на него. Я не переживала и меня это радовало, я словно отстранилась от него и представляла его чужим мне человеком. Это было легко. Как мне сейчас кажется, оттого, что я была уверена в его чувствах ко мне. Я не собиралась никуда уходить, про-сто мне было скучно. Так легко представлять себя незави-симой, зная, что за спиной есть та стена, за которую всегда можно спрятаться. Я продолжала играть в свои игры, пока

мне это порядком не надоело. Я соскучилась по нему, мне захотелось поговорить, хотелось его объятий и ласки, и я передумала о скоропалительном возвращении в отчий дом, но моя проклятая гордость мешала мне совершить первый шаг навстречу к нему. Андрей не делал его тоже. Мы зашли в тупик в несогласии. Я хотела помириться, но не хотела быть человеком, который сдался. Тогда я осознала, что есть только один выход. Я собрала вещи. Вернувшись вечером домой, Андрей не нашёл меня там. По словам Матильды, сначала он ничего не заметил, наверное, думал, что я в кабинете или в ванной продолжаю делать вид, что нас больше нет. Он спокойно поужинал и поговорил с ней о домашних делах, но потом, заметив странный блеск в её глазах, он забеспокоился и спросил про меня. Матильда сказала, что меня больше нет в этом доме. Андрей спросил: «где же она теперь есть?» Она сказала, что не знает. Он разозлился и скинул тарелку со стола. Она со звоном разбилась о кафельный пол. Андрей вышел из дома и с шумом уехал с территории. Он поехал искать меня, считая, что я вернулась домой. Но меня там не было. Родители ничего не знали обо мне, я им не позвонила. Андрей отправился к моим немногочисленным знакомым по модельному агентству, но они тоже не видели меня. Он продолжал ездить по городу, по его щекам катились слезы, но он не плакал. Я видела, как он с силой вытирал руками своё лицо, и с какой скоростью мимо пролетали дома. Я была в той машине, я была ее призраком. Маленькая неприметная ка-

мера смотрела прямо в его лицо, но он ее так и не увидел. Он так никогда и не узнал про неё. Я наблюдала за ним, сидя на автобусной остановке и держа ногами свой чемодан. Зачем мне это было нужно? Не знаю. Наверное, как доказательство его любви. Я не могла помириться с ним, не узнав, насколько сильны его чувства ко мне. Я успела за это время отвыкнуть от его всепоглощающей любви, и мне нужны были неопровержимые доказательства. Я очень тщательно подготовилась к своей операции. Я заказала в интернете все, что мне было необходимо для этого трюка, и установила камеру, пока он спал. Матильда об этом не знала. Тогда я поняла, что никакие меры не смогут удержать меня рядом, если только я сама этого не захочу. Я посчитала это его великой слабостью, и мне стало легче. Будто бы это давало мне какие-то преимущества, словно я имела над ним власть. За все то время, что я проводила дома, мне удалось познакомиться и подружиться с охраной, и в нужный момент они, словно бы отвернувшись, выпустили меня с территории. Я знала, что их за это уволят, но мне нужно было уйти. Я хотела уйти и стать свободной, но поняла, что жизнь без него мне не нужна.

Я сидела на остановке и обливалась слезами, как будто мой организм состоял только из одних слез. Я любила его в тот момент так сильно, что готова была умереть в ту же секунду, как только перестану видеть его лицо.

Он спросил меня: «Настя, ну где же ты?». И я ответила, но он все равно ничего бы не услышал. На улице занимался

рассвет, а он продолжал ездить по городу в поисках меня. Через полчаса он не выдержал и остановил машину около клуба, в который мы часто ходили с ним вместе. Он вышел из машины, но уже очень скоро вернулся назад. Он закрыл руками лицо и спросил меня: «За что?». Я готова была умереть на том самом месте. «За что?? Правда, за что, Настя? Что такого он сделал тебе, что ты позволила себе так издеваться над ним?» Он уснул, больше не в силах сопротивляться моему исчезновению. Я бросила свой чемодан прямо там, на остановке, и поймала машину. Размазывая тени, тушь и румяна в одно грязное пятно, я подгоняла таксиста ехать как можно скорее в центр. Он меня слушался. Мы были на месте уже через двадцать минут. Я села в машину к Андрею, но он даже не проснулся. Я встречала рассвет, глядя в его лицо. Он был самым лучшим на свете, несомненно. Я простила ему все грехи, которые, конечно же, у него были. Но разве это уже было важно? Он проснулся внезапно, словно что-то его разбудило, но это была не я. Я старалась не шевелиться последние пару часов, и моя спина ужасно затекла, но разбудить его было выше моих сил. Я сказала ему «прости», а он улыбнулся, словно я никуда и не уходила. Мы вернулись домой.

«Книга рождалась мучительно, практически в агонии, то нагоняя шквал мыслей, перерождающихся в слова, то в отмель, и я не могла выдавить из себя ни одного нужного сло-

ва. Зная, что хочу написать, слова не приходили ко мне в голову, а лишь смутная тень истории маячила над головой. Не знаю, всегда ли творчество так тяжело и губительно, но каждый день я мучилась той мыслью, что не смогу написать все то, что хотела в том же объёме и в том же стиле. Возможно, это говорит о том, что я плохой писатель или не писатель вовсе, а может быть, все так мучаются...»

За окном шел дождь. Все деревья стояли в зелени, и даже немного казалось, что капли дождя отдавали зеленым. Был неожиданный очень жаркий май, и дождь несколько не мешал радоваться теплой погоде, а даже наоборот приносил ожидаемую прохладу и меланхоличное настроение. Май прекрасен во всех своих проявлениях, ведь это начало жизни и лета. А разве лето – это не есть сама жизнь? В стране, где более полугода холодно и лежит снег, лето -единственное время года, которое приносит радость.

Я готовила ужин на кухне, так как пораньше отпустила Матильду. Андрей вернулся домой несвойственно ему рано. Он открыл входную дверь ключом, и сразу, не разуваясь, прошел в кухню, ко мне.

– Здравствуй, моя любимая! Как ты? – он обнял меня за талию и притянул к себе.

– Привет! Я хорошо, а ты сегодня рано. Я не успела еще приготовить нам ужин. Придется тебе потерпеть.

– Не за ужином я пришел в этот дом, – Андрей улыбнулся.

– А зачем же ты сюда пришел? – я ответила ему тем же.

– Настя, скажи честно, ты меня любишь?

– Нет, а что, надо?

– Да вроде нет. А замуж пойдешь за меня?

– Пойду, а когда свадьба?

– Ну, хочешь, давай завтра!

– Дурак ты и шутки у тебя дурацкие! – я рассмеялась и отмахнулась от него.

– Я не обиделся, потому что я сейчас не шучу. Я понимаю, все должно быть красиво: ресторан, свечи, кольцо в бокале шампанского и ты такая «Ну, я не знаю», но просто мы с тобой не такие. Я знаю, все пойдет не по плану, я сильно буду волноваться и в итоге вообще ничего не скажу, а ты либо проглотишь кольцо и подавишься, либо вообще не будешь пить из этого бокала, ну или, ты знаешь, в ресторане что-то будет не так. Не для нас это все, Настя, понимаешь? Я тебя просто сейчас спрашиваю, выйдешь ты за меня замуж или нет? Ты же знаешь, что ты моя принцесса и моя радость и без тебя я никто и ничто. Без тебя я – дерьмо, понимаешь? Мне нужна только ты. Всегда. Каждую минуту. И я...

– Андрей, помолчи, умоляю. Я так сильно тебя люблю, но мне всего семнадцать, нас никто не поженит. К чему сейчас это? Осталось всего полгода, и тогда я с радостью скажу тебе да.

– Значит, ты согласна?

– А ты думал, нет?

– Я не знаю. Месяц назад ты чуть не ушла от меня, это

было страшно.

– Поэтому ты хочешь жениться на мне?

– Нет, не поэтому. Я всегда хотел жениться на тебе, ты же знаешь. Просто сейчас я нашел выход. Мы не пойдем с тобой в ЗАГС, мы обвенчаемся в церкви.

– Обвенчаемся в церкви?

– Да, я знаю это возможно. И не обязательно должно быть восемнадцать лет. Так ты согласна выйти за меня?

– Да, конечно же, я согласна выйти за тебя!

Он схватил меня на руки и закружил по кухне. Он целовал мое лицо, и его глаза сияли неизвестным мне светом, а в моей груди трепетали вновь возродившиеся эмоции. Андрей поставил меня на пол и достал из кармана своих джинсов кольцо. Оно было тонкое и лаконичное из желтого золота и с огромным бриллиантом. Он притянул к себе мою правую руку и надел на мой безымянный палец это кольцо. При электрическом свете оно переливалось и сияло. Я залюбовалась им, оно было прекрасно.

– Андрей, ты мог бы осчастливить любую девушку, но выбрал меня. Видимо, я хорошая девочка.

– Ты чудесная, чудесная и моя...

Мы не собирались готовиться к свадьбе. А к чему тогда было ждать? Мы решили, что она будет через месяц. Его мы прожили своей обычной жизнью в любви и согласии. Хотя, в начале, я все же с отчаянным рвением просматривали сайты и магазины со свадебными платьями в надежде отыскать

то единственное и неповторимое платье своей мечты. Конкретных представлений о нем у меня не было, просто я думала, что когда увижу его, то тут же узнаю, но этого не произошло. Чем больше платьев я видела, тем больше они казались мне слишком вычурными и торжественными, совершенно неподходящими к нашей свадьбе и к нашему мировоззрению. Даже самые элегантные и скромные образы указывали на то, что я готовилась, тщательно готовилась. Этого я не хотела. Я видела себя в легком, воздушном светлом платье с венком в волосах, летящей навстречу к своей мечте и падающей в объятия единственного мужчины в моей жизни. Ни одно платье от Веры Вонг или Александра Маккуина не смогло бы передать мои чувства. Дни шли, а я все пребывала в поиске. Андрей же вообще не задумывался по поводу своего свадебного наряда и отшучивался словами, что он хорош и так.

Мы сидели на нашей веранде, а на улице шел сильный летний дождь. В воздухе парило, и капли принесли долгожданную прохладу. Небо было затянуто темными тучами, и, несмотря на совсем еще ранний час, на улице уже было темно. С крыши лились струи воды, и подъездная дорожка была вся мокрой. Мы наблюдали за дождем. Наша собака лежала рядом с нами и тоже следила за каплями. Выбегать на улицу она не любила, ведь там было слишком мокро для ее превосходной шубки. Мы с Андреем почти не разговаривали, только смотрели. Было так приятно ощущать себя сухим и

не продрогшим под уютным пледом. Молодым, предвкушающим самый счастливый день в своей жизни. Думать, что вся самая интересная жизнь еще впереди и надеяться, что она будет счастливой.

– Ты боишься этого дня? – неожиданно спросил у меня Андрей.

– Нет, что ты, совсем не боюсь. А почему я должна вдруг бояться?

– Ну, просто мне говорили, что все девушки очень сильно нервничают перед свадебным днем, и у них бывают истерики, а ты такая спокойная все это время.

– Может быть, потому что я не думаю, что теперь вершиться моя судьба, я уже давно поняла и решила, что мы с тобой проживем всю эту жизнь вместе. Так чего же мне стоит бояться?

– Да, я тоже уже давно это решил.

– Думаешь, этот день не принесет нам обещанной радости оттого, что все уже давно решено?

– Конечно же, принесет. Фантазии, воплощенные в реальность. Что может быть лучше?

– Да, действительно это так. А потом мы будем также сидеть здесь, и ждать появления на свет нашего первого ребенка. Ты бы хотел завести сразу детей?

– Я буду дико счастлив, когда ты забеременеешь, но мне кажется, ты еще сама к этому не готова.

– Да, ты прав, мне хочется увидеть мир, почувствовать се-

бя свободной и взрослой, хочется прыжков с парашютом и немного экстрима, хочется, чтобы сердце замирало от страха и восторга, и чтобы жизнь была полна приятных неожиданностей. Чтобы проснуться с утра и понять, что сегодня до боли хочется увидеть Париж и уже вечером спускаться по трапу в Парижском аэропорту.

– Да, моя маленькая девочка, я тебя отлично понимаю. Все будет ровно так, как ты будешь хотеть. Я исполню все твои желания, ведь это самый большой кайф – видеть, как ты сияешь от счастья.

– Ну а потом, через пару лет, мы заведем детей и будем их воспитывать так, как сами того пожелаем. Мне не хочется никого слушать в этом деле, ведь это будут наши дети, и мы дадим им то, что сами имеем.

– Научим их беззастенчиво пить?

– Ну, точно не сразу. Но мне не хотелось бы, чтобы мои дети что-то скрывали от меня. Если им захочется выпить, покурить или заняться сексом, то пусть это будет в их собственном доме, а не где-то там, на чердаках или в подвалах. Я с удовольствием оставлю им ключи и уйду из дома настолько, сколько им будет нужно.

– Хорошо, договорились, а я, пожалуй, останусь и прослежу за всем этим беспорядком.

– Ну, нет! Так не пойдет! Ты ломаешь всю мою теорию воспитания детей.

– Малыш, ну я не хочу, чтобы мои дети в двенадцать лет

пили, курили и занимались сексом.

– Я не говорила про двенадцать лет, но, согласись, это их жизнь и они вправе распоряжаться ей так, как они считают нужным.

– Да, но наша задача – показать им, как они считают нужным. И как правильно.

– Ты типичный строгий отец.

– А ты нетипичная безнравственная мать.

Я рассмеялась и он тоже. Было забавно рассуждать о воспитании наших детей. Как будто мы были уже готовы стать родителями. Но мы были к этому совершенно не готовы, мы были еще слишком эгоистичны и распущены. Дети не должны воспитывать детей, это неправильно. Нам предстояло еще самим повзрослеть.

Летние дни бежали с быстротой молнии, я не успевала отрывать настенный календарь, и мои даты всегда отставали от действительности на три-четыре дня. Летом ведь всегда так: стараешься продлить эти теплые прекрасные дни, а они как назло все ускоряют свой шаг. Наша дата свадьбы приближалась, а волнение ко мне так и не приходило. Я чувствовала, что поступаю правильно, и в моей душе не было ни грамма сомнений на этот счет. Он – мой мужчина и всегда им будет. Мне не верилось, что недавно я думала по-другому. Во мне жил бес, которого я изгнала. И я очень надеялась, что этот бес больше никогда не вернется ко мне.

Мила совсем перестала к нам заезжать и, по сведениям

Андрея, они с отцом улетели в Америку. Это были хорошие новости. Ее присутствие никогда меня не радовало.

Матильда встретила мужчину. Как она говорила, «мужчину своей мечты», поэтому мы стали часто отпускать ее намного раньше, и я сама готовила ужин. Нам было приятно видеть ее счастливой, наши отношения с ней давно перешли грань рабочих, несмотря на существенную разницу в возрасте. Я очень полюбила Матильду, она стала мне лучшей подругой, и все мои тайны я доверяла лишь ей. Я думаю, она тоже любила меня. Все самые вкусные пирожные города оказывались на моем столе, когда я спускалась к завтраку. Она приносила самые красивые цветы каждое утро и всегда рассказывала мне подробности своих отношений с мужчинами.

С друзьями Андрея, по истечению времени, я нашла общий язык, и теперь они нередко бывали у нас в гостях по вечерам за бутылкой вина. Они стали относиться ко мне, как к хозяйке этого дома и сердца мужчины, что со мной. Они не стеснялись звонить мне и спрашивать, где Андрей, а затем мило болтать со мной по телефону еще минут пять. Их подружки тоже относились ко мне довольно дружелюбно, и мы часто обсуждали новинки, прочитанные книги или текущие тусовки в Москве. Они всегда помогали мне расставлять закуски во время наших дружеских посиделок и в это время рассказывать все последние сплетни о наших общих знакомых. Обычно я молчала и слушала, иногда поддакивала и хохотала, мне было весело с ними, и моя жизнь не казалось

мне отчужденной и закрытой, как раньше.

Мои родители в начале лета, как и всегда, перебрались жить на дачу, и мы каждый вечер созванивались с мамой, обсуждая, как растут огурцы и сколько еще предстоит сварить килограммов варенья.

Наконец-то моя жизнь полностью наладилась. Она стало размеренной и тихой, неомраченной непониманием и чужой завистью, все стало так, как и должно было быть.

Я стояла напротив батюшки, и у меня дрожали колени. На мне было белое платье и белые кеды. Голова покрыта прозрачной фатой, прикрепленной к собранным в низкий хвост волосам. Летнее платье, совсем не свадебное. В руках букет неизвестных цветов, которые мы нарвали на клумбе у здания МГУ. На нем зеленые шорты, красные кеды и белоснежная футболка. Нас никто не научил, как нужно правильно одеваться на венчание, а если бы даже научил, то мы наверняка бы их не послушали. К большому сожалению, мы никогда не чтили принятые в обществе традиции и всегда шли наперекор им. Только в душе была священная вера и любовь к Богу, а остальное было не важно. В детстве нас крестили, не спрашивая согласия, но мы приняли эту веру, приняли не просто потому, что она была, и нам было все равно, а по-настоящему, в душе были согласны с ней и веровали. И каждую ночь, засыпая, просили у Бога прощения за все, совершенные по глупости, грехи. Я верила, что грехи никогда не

были преднамеренными, даже являясь таковыми, они были лишь оттого, что не было в нас той просвещенности и знаний. Все грехи совершаются только по глупости, ведь мы все непроходимо глупы перед Богом и верим в пустые идеалы, стремясь к таким же пустым вершинам. Но понимание этого еще не дает право и основания считать себя безгрешным и праведным. Только поступки и мысли определяют нашу верную сущность. Такими мы были, слишком молодыми и амбициозными, любившими беспечную жизнь и приключения, заикленными на земных благах и собственном внешнем виде. Единственное, что оставалось нам, – это молить каждый день о прощении наших истерзанных душ. Я знала, что по ночам он тоже молился. Это было удивительно и немного странно, но сказывалось влияние его верующей няни. В конце концов, мы пришли в эту церковь не потому, что не смогли бы пожениться на гражданских правах, ведь мне скоро должно было исполниться восемнадцать, а потому что нам казалось, что именно так будет правильно.

Старый храм с маленькой часовней недалеко от Москвы... Он нравился нам, поэтому сложностей в выборе не возникло. Мы прошли все необходимые процедуры перед венчанием, и батюшка сказал, что с удовольствием соединит нас узами брака, потому что чувствует между нами сильную связь. Мы приехали в назначенный день и назначенный час в гордом одиночестве, попросив заранее, чтобы кроме нас троих в церкви больше никого не было. Нам не хотелось

стандартной процедуры, только уединенности и благословения на наш союз. Венчание длилось недолго. Андрей сжимал мою руку немного сильнее, чем обычно. Мне казалось, он испытывал страх перед будущим, хотя и очень старательно это скрывал. А возможно, он просто таким образом высказывал свое нетерпение. Когда я подняла глаза, то столкнулась с ним взглядом. Все это время, пока батюшка говорил нам, что мы должны быть терпимы друг другу, уважать друг друга и поддерживать, он смотрел на меня.

Затем батюшка спросил у Андрея:

– Листов Андрей Владимирович, вы согласны...

– Да!!

– Но я не договорил!!

– Все равно да!

– Ну, хорошо! Теперь она ваша...

Из церкви Андрей вынес меня на руках. Он был так счастлив, что улыбка не сходила с его лица. Он целовал меня, не переставая, и все время твердил, что это его самый счастливый день. Мне нравилась его счастливая возбужденность, ведь я сама испытывала такие же чувства. Мы были так опьяняюще счастливы, что вполне могли обойтись и без бутылки шампанского. Позже я поняла, почему жениться нужно сразу, а не спустя пять-десять лет. Только тогда ты действительно счастлив, еще влюбленный и море по колению. Глаза горят пламенем и никому не нужно кричать «Горько», ведь вы даже не переставали целоваться все это время. Свадьба

через пять лет напоминает скорее выход супружеской пары в свет. Вряд ли это что-то примечательное и уж точно не самый лучший день в их жизни, ведь самый лучший уже, пожалуй, был. Тогда, когда они были еще влюблены. Она его все время одергивает и зациклена больше на своем внешнем виде, нежели на вообще происходящем событии. Ей хочется, чтобы все было идеально и на салфетках в ресторане ни единого пятнышка. Когда же ты влюблен, салфетки вообще не имеют значения, и ты довольно легко соглашаешься пускать в небо голубей и слушать поздравительные речи окружающих. Точнее, ты их не слушаешь. Ты счастлив. Волна любви захлестывает с головою, и это поистине самый счастливый день в жизни. Ты смотришь вперед только с оптимизмом. И дело не в возрасте жениха и невесты, дело в возрасте их отношений.

Матвей, водитель Андрея, встретил нас у церкви. Мы упали на заднее сидение автомобиля, не прекращая целоваться ни на минуту, но Матвей и так прекрасно знал, куда нас нужно отвезти, поэтому не задавал лишних вопросов. Мы были в аэропорту спустя сорок минут. Быстрая регистрация и посадка на рейс до Ниццы. Мы как всегда улетели без вещей. Садясь в самолет в моем якобы свадебном платье, я была в недоумении и восторге, ведь до самого последнего момента не знала, что мы куда-то летим. Андрей придумал все сам, как и обычно. Ему хотелось отметить венчание на Лазурном берегу. В самолете мы летели одни, поэтому никто не ме-

шал нам праздновать свадьбу прямо в полете. Спустившись по трапу, спустя четыре часа мы ощутили приятное дуновение теплого воздуха и безудержный восторг от того, что были женаты. У аэропорта уже стоял автомобиль, поджидающий нас. Мы отправились в отель, забронированный Андреем заранее. Конечно же, наши окна оказались с видом на море. Теплый и влажный аромат соленой воды наполнял все комнаты нашего номера. Мы заказали бутылку шампанского внизу, чтобы отметить наш праздник.

– Я так счастлива! Я даже не верю! – я закрыла лицо руками, будто пытаясь очнуться от прекрасного сна.

– Конечно, счастлива, ты ведь первый раз в Ницце! – Андрей усмехнулся и сел на край огромной кровати.

– Но я ведь не об этом, ты понимаешь! Хотя... да, здесь волшебно! Почему ты выбрал именно это место?

– Ну, ты знаешь, острова – это так банально. Я люблю Европу, – Андрей лег на кровать, расставив в стороны руки.

– Ой, ну ты знаешь, я тоже люблю Европу. Есть в ней что-то особенное, – с видом знатока заметила я.

– Да? А я-то думал ты здесь впервые! – Андрей притянул меня к себе.

– Ну да, впервые! Ну и что? Я фильмы смотрела про Европу.

– Весомый аргумент.

Мы снова принялись целоваться. В дверь постучали. Это портье принес нашу бутылку шампанского в ведерке со

льдом и двумя бокалами. Когда он ушел, Андрей разлил шампанское по бокалам и протянул один из них мне.

– Давай за то, что теперь ты точно всегда будешь моей! – произнес он.

– Можно подумать, что до этого было не точно! – рассмеялась я.

– До этого был шанс умереть раньше, и тогда ты бы вышла замуж за другого. А теперь не страшно, все равно в итоге ты вернешься ко мне! – он заулыбался.

– Серьезно? Этот тост больше похож на мой, чем на твой. В нашей семье я отвечаю за грустные мысли!

– Это не грустные мысли, это реализм. Хотя я, конечно, еще долго не собираюсь умирать!

– Боже! У нас свадьба, а ты все продолжаешь эту тему про смерть. Что с тобой такое?

– Насть, ничего. Я такой же, как и всегда. Просто, бывает, я тоже об этом думаю.

– Да? Даже не верится! Открываются твои новые грани. Это интересно!

– Ты такая смешная! Давай уже выпьем за мою прекрасную молодую жену, еще совсем маленькую и глупую, уверенную, что люди думают либо только о хорошем, либо только о плохом, но которую я все равно очень люблю! За тебя!

Послышался звон бокалов, и мы выпили. Шампанское быстро развеселило меня, и мне захотелось пойти к морю. К тому времени на улице уже стемнело, и все ушли с пляжа,

поэтому никого не смущало, что я плавала без купальника.

Мы провели на Лазурном берегу семь дней. Семь прекрасных, наполненных новой любовью, дней. Это был поистине медовый месяц, все дни которого были чудесны по-своему. Мне нравилось путешествовать с Андреем, потому что он везде хорошо ориентировался и знал все самые лучшие места в городе. Мы не теряли зря ни минуты нашего отпуска, узнавая новые детали этой праздной жизни Средиземного моря. Я купила нам домой антикварную вазу, как подарок самим себе на свадьбу. В то время у меня проснулась любовь к старым вещам. Андрея это веселило. Не то, чтобы он тоже этим увлекся, скорее, он считал это милой забавой, и ему нравилось ходить со мной на блошинные рынки. Он рассматривал там старинные книги и очень любил примерять странные вещи в духе ковбойских шляп или жилеток.

Ницца. Маленький уютный город с широкой набережной, где по вечерам гуляют счастливые люди с маленькими собачками. Это была моя первая в жизни поездка в Европу. В первый день нашего путешествия, когда мы только сошли с трапа на землю, до самого вечера мне было жутко не по себе от языка, который я совершенно не понимала, от нового для меня запаха города, от внешности местных жителей, хоть они и были похожи на нас, но все равно другими. Мне было не по себе от нашего шикарного, но совершенно не русского номера, от этих домов, что окружали гостиницу, от погоды, которая была совершенно не свойственна на-

шей стране. Все было такое непривычное и другое, и от этого мне ужасно хотелось вернуться назад. Но на следующий день наваждение прошло. Мы гуляли с Андреем по узким улочкам города, обедали прямо на улице, сидя за маленьким круглым столиком, заходили в магазины, где нам приветливо улыбались хозяева, и я влюбилась в этот город. В эту жизнь, в уклад их быта. Меня было легко переманить на свою сторону, ведь я еще толком нигде не была, но видя, как горят глаза Андрея, я не сомневалась в правильности своего поступка. И тогда, неожиданно, мне впервые захотелось увидеть весь мир и, наконец, понять для себя, где я все-таки хочу быть. Это желание, зародившееся столь стремительно, должно было оставить меня вскоре после возвращения в Москву, но так не случилось. Вся моя последующая жизнь до настоящего времени и скорее всего в будущем, направлена на воплощение моего желания. Поездки – практически единственное, на что мне никогда не жаль тратить свои деньги, отдавая суммы куда большие, чем стоимость платья, над которым я могу думать часами, прежде чем все-таки купить его. Да, я всегда любила красивые вещи, но они не доставляли мне столь продолжительного удовольствия, в отличие от путешествий, которые сохранились в моей памяти на всю жизнь. Я возвращаюсь к ним, переживая все новые и новые эмоции. В путешествиях я люблю делать фотографии бытовых мелочей, еды, интерьеров квартир местных жителей, детали их обычной жизни, их книги и подъезды, это все по-

могает мне проникнуться их повседневностью и хоть что-то взять для себя. Во время нашего путешествия с Андреем я была еще слишком неподготовленной в этом плане и не успела сделать те фотографии, которые могли бы привлечь меня в настоящее время. Но я до сих пор очень отчетливо помню, в какой восторг привела меня Ницца и ее обитатели. Я изучала прически и маникюр, следила за походкой и всегда отчетливо запоминала форму и размер сумки той или иной француженки. Их стиль поразил меня в самое сердце, ведь он так сильно отличался от того, что я видела на улицах Москвы. Расслабленность, элегантность и полная непринужденность. Они виртуозно сочетали слегка старомодные платья с незыблемой классикой и новинками сезона. Это, на первый взгляд, безумное сочетание не выглядело экстравагантным или безвкусным, скорее наоборот, оно добавляло им столько индивидуальности и шика, что мне хотелось следовать за ними по пятам.

Наверное, самой важной деталью, о которой я еще не упомянула, было то, что мы никому не рассказали о нашей свадьбе. Ни мои, ни его родители не были в курсе этого знаменательного события, и мы не собирались их посвящать, просто потому, что знали, что за этим может последовать. А этого очень не хотелось. Для сохранения полной конфиденциальности друзья тоже ничего не знали, поэтому единственный, кто мог за нас порадоваться, были мы сами. И этого вполне хватало для счастья.

Но, к сожалению, в моей душе не бывает полного безграничного счастья, и грустные, депрессивные мысли точат мое подсознание, не позволяя расслабиться и забыть обо всем. Так произошло и в те чудесные дни. Внезапно я почувствовала себя недостойной Андрея. Словно я заставила его жениться на мне против воли. Мне казалось, он не осознавал своего поступка: венчание со мной, обязанность быть преданным мне до конца своих дней. Я была не той, кто ему нужен. Я была не из его круга, я была хуже всех тех девушек, которые были досягаемы и доступны ему. Как он только мог выбрать меня? И, несмотря на то, что наши отношения уже были проверены временем и депрессиями, я все равно глубже и глубже погружалась в эти ужасные мысли. Конечно же, это не могло не отразиться на моем настроении, и Андрей не мог понять, почему, стоя на берегу Средиземного моря, я вытираю слезы со своих щек. Но длилось это недолго, и моя зарождающаяся депрессия так ни чем не закончилась, спустя несколько дней она растворилась в океане счастливых эмоций, которые дарил нам отдых. Сейчас мне кажется, что тогда я испугалась ответственности и пыталась переложить ее на плечи Андрея, не понимая, что это я сама, на самом деле, боюсь этого «навсегда».

Мы вернулись в Москву спустя семь дней. Загорелые и счастливые, мы смущали своим видом своих уже общих друзей.

– Почему вы решили так внезапно уехать? – спросил нас

один из них, видимо, высказав общее недоумение, одним из вечеров в гостях на нашей огромной кухне.

– Меня больше интересует, почему это так важно для тебя, – ответил со своей неизменной ухмылкой Андрей.

– Просто вы какие-то слишком счастливые. Так не бывает!

– Настя, доставай из кармана кольцо. Нас раскусили! – скомандовал мне Андрей.

– Ты серьезно? Вы что, поженились? – друг был явно смущен и в некотором недоумении.

– Да. А что тут такого? По-моему, это было очевидно, – спокойно заметил Андрей.

– Лариса, иди сюда! Они поженились! – крикнул своей девушке наш друг.

Лариса буквально залетела на кухню с расprostертыми объятиями.

– Ребята! Я так за вас рада! Какие вы молодцы!

– Ну вот, началось... – смеясь, ответила я. – Спасибо большое, дорогая!

– А почему вы нам не сказали? Мы бы хотели прийти!

– Ну, вот поэтому и не сказали! Хотели быть только вдвоем. Ну, и священник...

– Вы что? Вы венчались? – она не верила своим ушам.

– Да, но мы не были в ЗАГСе, по-моему, это совершенные глупости! Кому нужен этот штамп в паспорте? – беспечно ответила я.

– Ну как? Стать официальной женой! – Лариса немного

растерянно посмотрела сначала на меня, а потом на Андрея.

– Да, но зачем мне это? Я и так знаю, что я его жена, и Андрей вроде не собирается никуда уходить от меня, правда ведь? – я, смеясь, обратилась к нему с вопросом.

– Ну, почему же? Я нашел себе уже квартиру... ты останешься здесь.

– Перестань...

– Расскажите, как все прошло? Какое на тебе было платье? Ральф и Руссо? – закидывала меня вопросами Лариса.

– Нет, ... это была Зара, мы купили его по дороге на венчание, – улыбнулась я.

– Брось... ты серьезно? А туфли? А фата? А букет? – не унималась моя подруга.

– Я была в моих кедах. Фату да, мы купили заранее в бутике Веры Вонг.

– А платье, почему там не купили? У нее потрясающая коллекция свадебных платьев! – Лариса закатила глаза, выражая крайнее восхищение Верой.

– Потому что это было бы слишком празднично! Мы такого не хотели. Тихое скромное венчание.

– А цветы? Какие были цветы? – она хотела знать буквально все про наше венчание.

– Цветы были разные, все с клумб МГУ, – я взглянула на нее, ожидая новую порцию удивления.

– Вы что, украли цветы с клумбы? И ты с ними вышла замуж? Я от вас в шоке, ребята! Вы какие-то ненормальные! –

Лариса была крайне предсказуема для меня.

– Ну... Да, может быть, ты и права! – согласилась с ней я, в душе, конечно же, так не считая.

– Да я точно права! Цветы с клумбы... Я даже поверить в это не могу! А как отреагировала Мила на ваш брак? – в конце Лариса задала тот главный вопрос, который нужно было задать в самом начале.

– Она не в курсе. И не зачем ей об этом знать!

– Не в курсе?? Да вы точно сумасшедшие! Она же нас всех с бриллиантами съест!

– Так вы ей не рассказывайте, и все будет в порядке. Я думаю, она и так нормально живет без этих известий.

– Ну, это же нереально! Кто-то все равно проболтается! А кто еще об этом знает?

– Никто. Только вы и мы.

– Ну, вы даете! У меня даже голова кружится!

– Выпей воды, легче станет! Не нужно шокироваться, я понимаю, что все не привыкли к такому, но в этом ничего такого особенного нет. Как Андрей правильно заметил, это было вполне предсказуемо. И как ты знаешь, Мила отреагировала бы не очень. Поэтому мы и решили никому не рассказывать, а просто тихо обвенчаться и улететь отдохнуть! Все прошло супер, и мы ни о чем не жалеем. И давайте, пожалуйста, больше не будем на эту тему, у нас ужин стынет, – подвела итог нашему разговору я, и мы все вместе отправились в холл, где, конечно же, продолжили обсуждение наше-

го венчания.

Лето в том году выдалось жаркое и засушливое. Ни единой капли дождя не пролилось практически за весь месяц. Температура достигала тридцати градусов Цельсия, и мы изнемогали от духоты. После венчания наша с Андреем жизнь не сильно изменилась. Мы все по-прежнему любили друг друга, ругались до хрипоты и бурно мирились спустя пару минут после ссоры. У Андрея появилась навязчивая идея: он хотел, во что бы то ни стало переписать на меня этот дом, в котором мы жили. Но я так настойчиво от этого отказывалась, что порой это действительно перетекало в серьезную ссору. Я не понимала, зачем это все нужно и к чему мне его дом, ведь в нашей жизни и так все чудесно и замечательно. Он говорил, что я слишком инфантильна и расслаблена и что жизнь дарит нам разные подарки, к которым мы бываем совершенно не готовы. А я слушала его, пропуская все мимо ушей, считая это все несерьезным и недоумевая, что только может с нами случиться в двадцать-то лет.

И этот день настал. Он начался для нас в шесть утра. Когда только прозвенел будильник, я, не открывая глаз, выключила его и продолжила спать. Но через несколько минут Андрей самым нудным голосом сообщил мне, что пора вставать и будильник звенел не просто так. Меня это разозлило. Терпеть не могу, когда меня будят. Я постаралась отмахнуться от него и натянула одеяло до самых ушей. Но Андрей был

крайне приставучим, поэтому сдернул с меня одеяло и велел отправляться в душ. Нехотя я спустила ноги с кровати, продолжая спать в сидячем положении, и тогда Андрей спихнул меня на пол. Ударившись, я ужасно рассердилась и наговорила ему кучу неприятных и гадких слов. Андрей промолчал. Я отправилась в ванную. Там, стоя под струей горячей воды, я постаралась немного прийти в себя и успокоиться. Ненадолго мне даже стало стыдно за свое поведение, но, видит Бог, меня это правда бесит. Особенно из-за того, что мы поздно легли и совершенно не выспались. А ведь на этот день у нас было запланировано много дел. Приближался день рождения Андрея, его двадцатипятилетие, и мы собирались отметить его в Петрозаводске. Но не просто отметить, а устроить настоящую вечеринку для всех друзей и знакомых. Дело было не в том, что это юбилей или круглая дата, а в том, что Андрей хотел сделать приятное своим близким людям, с которыми так редко виделся. А как еще объяснить эту безграничную трату денег, как не празднованием дня рождения. Объяснить это именно им, потому что друзья никогда не принимали подарков от Андрея и всегда старались справляться со своими проблемами сами. Они были прекрасными людьми, судя по его рассказам. И мы хотели устроить для них настоящий праздник. Но для этого требовалось встать в шесть утра и все успеть подготовить. У нас было запланировано несколько встреч, затем быстрый обед, покупка билетов для всех московских друзей и себя, а еще

небольшая прогулка по набережной и вид на закат. Не то, чтобы это имело какое-то отношение к празднику, просто это было романтично, и мы хотели провести время вместе, вспомнить нашу поездку на море и просто немного развеяться. Идея была скорее моя, но Андрей ее поддержал. Жизнь в одном доме всегда убивает романтическую волну в чувствах людей, но мы старались ее поддерживать разными способами. Особенно после того, что с нами произошло. Нам вдруг стало отчетливо ясно, как же мы все-таки боимся друг друга потерять. Упустить. Превратить отношения в фальшь и обиду. Мы стали как-то по-особенному держаться друг за друга и относиться друг к другу ласково и бережно, не считая, конечно, раннего подъема по утрам. Тут я была бессердечна. Очень надеясь, что Андрей на меня не обиделся, я вышла из ванны и нашла его на кухне в прекрасном расположении духа. Он был бодр, и улыбка сияла на его лице. Он варил нам кофе. С молоком. Нет, со сливками. Нет, я не помню.

– Настя, ты просто невозможна! Неподражаема! Мы же вчера договаривались рано встать. Откуда такие обиды с утра?

– Ну что ты, никаких обид вовсе нет, просто я всегда такая противная, когда не высыпаюсь. Но ты здесь не при чем, это правда. Я тебя очень люблю.

– Это мне намного больше нравится с утра. Я тоже тебя очень люблю. Сегодня такой прекрасный день, я чувствую, что он будет отличным.

– Ты всегда такой, когда предвкушаешь много дел.

– Да, жизнь без работы заставляет любить дела. Начинаешь чувствовать себя нужным и важным.

– Ты ведь работаешь.

– Да, но я сейчас о тебе.

– О, ну спасибо, у меня таких комплексов нет. Я всегда чувствую себя нужной и важной.

– Ой, ну мне ты хоть не ври.

– Ты невыносим.

– Ты тоже, дорогая моя. Пей кофе и нам уже пора выезжать. Не наденешь мое любимое платье?

– Даже не знаю, сегодня я не очень была настроена на него.

Но только если ради тебя.

– Я это учту сегодня вечером.

– А что будет сегодня вечером?

– Не спрашивай. Сама все увидишь.

Мы еще немного поговорили в той же шуточной форме. Настроение у обоих было отличное, несмотря на столь ранний час. Мы допили кофе, дожевали эклеры с вкуснейшим заварным кремом и поднялись наверх, чтобы собраться и выйти. Я надела то самое платье, о котором он меня попросил. Почему-то до жути хотелось сделать ему приятное в тот день. Ощущалось предвкушение чего-то прекрасного. Андрей выглядел отлично, надел рубашку, которая ему очень шла, любимые конверсы и немного потертые джинсы. Его легкие волны у лба очень красиво подчеркивали глаза. И во-

общее он был настолько прекрасным, что я в который раз заново влюблялась в него.

Мы вышли из дома, держась за руки. На улице светило палящее солнце, и машина была очень горячей, но внутри быстро стало прохладно. Он, как и всегда, открыл мне дверь, а когда я садилась, потрепал по волосам. Мы поехали по нашим «очень важным» делам.

Как мы и планировали, встречи прошли отлично. Нам удалось уладить все вопросы и договориться так, что всех устроил результат переговоров. Настроение было прекрасное, день близился к обеду, и мы отправились в наш любимый ресторан, куда часто заезжали со своими друзьями. Припарковавшись у ресторана, мы заметили машину знакомых и решили присоединиться к ним за обедом. Ребята были очень рады нас видеть, поэтому поток разговоров не затихал все обеденное время. Мы шутили и смеялись, Андрей гладил меня по колену, и я улыбалась своей самой широкой улыбкой. Мы все находились в чудесном расположении духа, и мужчины решили заказать бутылку шампанского, чтобы выпить за нашу встречу, которая так долго планировалась, но все никак не совершалась. Мне эта идея совсем не понравилась, но я ничего не сказала, посчитав, что сами они, будучи за рулем, пить не будут, а нам с Марго пара бокалов холодного шампанского в этот жаркий день совершенно не помешает. Официант принес нам бутылку «Кристалл» и четыре бокала на очень высоких и тонких ножках.

– Нет, нет, нам нужны только два. Мужчины не пьют, – остановила его я.

– Настя, ну не занудничай. Мы все выпьем по бокалу. Ничего страшного не произойдет, – Андрей положил руку на мое колено и улыбнулся моему растерянному лицу.

– Но ты ведь за рулем, и у нас еще куча дел. Ты же сам прекрасно знаешь, что от шампанского кружится голова и расслабляется сознание! – я пыталась говорить спокойно, но у меня это плохо получалось.

– Насть, ну что ты? Ты же знаешь, что со мной все будет в порядке! Перестань! Такой прекрасный день!

Я замолчала, потому что не хотела портить никому настроение. Но мое было слегка испорчено, ведь я терпеть не могла, когда он выпивал за рулем. Его манера вождения и так довольно часто заставляла мое сердце биться быстрее и быстрее, а с алкоголем в крови он становился еще более опрометчивым и резким.

Мы все выпили по бокалу и заказали десерт. Его принесли через пятнадцать минут.

Мой шоколадный пирог с банановым муссом был выше всяких похвал, и я немного расслабилась. В конце концов, бокал шампанского вряд ли мог его опьянить, ведь мы выпивали и больше и крепче и ничего плохого не происходило. А насчет штрафов волноваться, точно не стоило. Мы закончили обедать, когда часы вплотную приближались к четырнадцати. Расплатившись с официантом, мы вышли на улицу, и

все, кроме меня, закурили. Курить мне никогда не хотелось, невзирая на то, что практически все в моем окружении злоупотребляли этим нещадно. Андрей на удивление был очень разговорчив, и мне даже показалось, что парой фраз он обращался к девушке своего друга, а это было крайне удивительно. Я снова расстроилась, все-таки алкоголь давал о себе знать. Я стала задавать кучу вопросов его другу, чтобы этот разговор продлился как можно дольше, и Андрей успел бы прийти в себя. Отвечая на один мой вопрос, его друг пустился в витиеватые и обстоятельные рассуждения, но Андрей прервал его, извинился и сказал, что нам уже пора ехать, ибо мы и так задержались, а впереди еще куча невыполненных дел, да и билеты еще не куплены. Друг спросил его, как он планирует отмечать свое двадцатипятилетие, и Андрей ответил, что мы едем все вместе в Петрозаводск и планируем затеять там масштабную вечеринку с участием половины города. И, конечно же, если он хочет, мы можем купить билеты и для них. Друг ответил, что у него, к сожалению, на эти даты назначены выездные собрания, и он не сможет поехать, но они обязательно приедут к нам после возвращения. Мы согласились и попрощались с ними объятиями. Друзья направились к своей машине, а я постаралась вытащить Андрея на небольшую прогулку, перед тем как сесть в машину и отправиться по делам. Я говорила ему, что после обеда очень полезно гулять, и ведь сегодня такой прекрасный день, и мне так хочется побыть под лучами этого жаркого июль-

ского солнца, но Андрей был непреклонен. Он сказал, что прогулки ждут нас вечером, а сейчас совершенно нет на это времени. Мы вернулись к автомобилю. Я поймала себя на мысли, что желтый цвет нашей машины к разлуке. Это была довольно глупая мысль, скорее всего, рожденная от выпитого шампанского. Мы выехали на третье транспортное кольцо, и попали в огромную пробку. Андрей включил музыку, и мы сидели в тишине минут пятнадцать. Каждый думал о своем. Я думала о том, что неужели я скоро увижу Петрозаводск и его друзей, о которых так много слышала от него. Думала, как они примут меня, придется ли мне, так же как и перед его московскими друзьями, доказывать свою крутость и холеность, чтобы они приняли меня за равную себе и не стали бы думать, какой дурак Андрей, что связался с этой провинциальной девушкой.

– Андрей, ты считаешь, я понравлюсь твоим петрозаводским друзьям? – я убавила немного громкости, перед тем как задать свой вопрос.

– О чем ты, конечно же, да! Что у тебя опять за пессимистичные мысли? – Андрей улыбнулся с ответом на мой вопрос. Мои страхи всегда его дико веселили.

– Ну, просто, ты же помнишь, как было с твоими московскими друзьями. Вначале они были совершенно не в восторге от меня...

– Ты опять за старое, да? Ты сама все это себе придумала в своей маленькой прекрасной головке. Ничего подобного

не было! Все сразу относились к тебе очень хорошо. Ты им понравилась, и никаких различий никто не чувствовал. Если я влюбился в тебя, почему они не должны влюбиться в тебя?

– Ну, наверное, потому, что вы разные люди, и у них своя голова на плечах, – улыбнулась я. Мне всегда нравились суждения Андрея о том, что его предпочтения обязаны нравиться всем его окружающим.

– Малыш, не надо думать подобные глупости. Все будет непременно здорово! Я уже очень хочу их всех увидеть. Они просто отличные парни, ты точно будешь от них в восторге! И я так рад, что ты едешь туда со мной! Наверное, это самое большое мое счастье.

– Я тоже очень рада поехать с тобой на твою Родину. Честно говоря, я даже немного нервничаю перед встречей с твоим любимым городом. Вдруг я ему не понравлюсь.

Андрей рассмеялся и я вместе с ним. Мы вновь идеально подходили друг другу, шутили одинаковые шутки и продолжали друг за друга любые фразы, мы любили друг друга, как и прежде. Словно после долгой зимы наши чувства оживали все больше, и вот уже совершенно забылось то время, когда мы могли за весь день ни разу не заключить друг друга в объятия. Теперь все было не так, будто бы только познакомились, мы целовались каждую минуту и старались дотронуться друг до друга при любом удобном случае, а эти прикосновения вновь приводили в восторг и заставляли трепетать сердце от радости. Это было такое прекрасное время.

Я снова чувствовала себя счастливой и любимой им. И казалось, что теперь все самое страшное было позади, а впереди нас ждет только радость и беззаботная жизнь.

– Я так люблю тебя, милый. Мне хочется говорить тебе это постоянно, но я стараюсь держать себя в руках! – я погладила его по ноге и положила свою голову ему на плечо. Мы все еще стояли в этой ужасно длинной пробке.

– Ты моя маленькая глупая девочка! Зачем держать это в себе? Говори! И я буду говорить тебе это всегда!

Наконец мы съехали с третьего транспортного кольца на нужное нам шоссе и свободно поехали по нему. Мы уже очень сильно опаздывали, и Андрей начинал нервничать. Он совершенно не терпел, когда все происходило не по его плану. Я старалась не отвлекать его разговорами, не мешать, поэтому опустила стекло и наслаждалась приятно-прохладным воздухом, который путал мои волосы и охлаждал лицо. Мимо проносился наш милый, красивый и такой знакомый город. Мне казалось, я знала здесь каждый дом и каждую черточку на его стене.

Мы ехали быстро, но недолго. Впереди снова маячила длинная очередь из машин. В пробке запахло бензином, и я закрыла окно.

– Так мы точно никуда не успеем! – Андрей уже сильно нервничал, и в его голосе звучали рассерженные нотки. Он ударил руками по рулю.

– Да, очень странно, что именно сегодня такие трудности

на дорогах. Вчера ведь было все довольно свободно, – согласилась с ним я, стараясь сгладить его гнев.

Мы совершенно не двигались, и было ощущение, что трассу просто перекрыли для проезда. С таким расположением дел можно было простоять часа два или три. Встречная полоса была абсолютно пуста от машин, и вдруг я осознала, какие мысли вертятся в его голове.

– Андрей, я прошу тебя, не надо! Я боюсь! Я всегда боюсь!

– Ну, мы ведь не успеем!

– Да, но это не важно. Пускай не успеем, мы можем сделать это и завтра. Зачем так рисковать!

– Ничего страшного! Ты ведь знаешь, что всегда все было нормально. Я умелый водитель, тем более там никого нет!

– Прошу, пожалуйста...

Но он меня уже словно не слышал. Мы выехали на встречную полосу. Машин не было. Андрей жал на педаль газа. Не знаю, сколько там было... Наверное, уже сто. Я зажмурила глаза, но так было страшнее. Я открыла глаза. Навстречу нам неслись автомобили. Видимо, кто-то снова открыл проезд. Андрей пытался лавировать между них и вернуться обратно в свой ряд, но там все еще был сильный затор, и никто не захотел впустить нас. Мы увернулись от грузовика, съехав на другую полосу, но там на нас неслась «Тойота». Молодой водитель, видимо, тоже почувствовавший долгожданное освобождение, решил прибавить скорости и насладиться дорогой. Все произошло, наверное, за доли секунды.

Я хотела рассказать вам про это в мельчайших подробностях, но поняла, что не смогу. Я просто не могу об этом говорить. Некоторые моменты в жизни я не могу вспоминать, это слишком тяжело. Я бы хотела рассказать вам про аварию, про момент столкновения, про то, как в последний момент Андрей накрыл руками мою голову, как я почувствовала его кровь на моей коже. Рассказать, как приехала машина МЧС, и они разрезали дверь лимонного авто, чтобы я смогла высвободиться из железного плена. Рассказать, как я чувствовала дикую боль в коленях и как раскалывалась моя голова. Но я этого не помню. В тот момент я уже была без сознания. Помню только кровь на пальцах и Андрея, закрывающего руками мою голову в последний момент. Позже мне казалось, что больше толком ничего и не произошло, но это не так. Была и великая пробка, были люди, стоящие вокруг машины со слезами на глазах. Были три скорые и полиция. Был молодой мальчик за рулём второй машины такой же бездвижный, как и я. Был Андрей, или то, что от него осталось, ... что осталось от ... нет, не могу, простите, я просто не могу это сейчас писать. Мне нужна передышка. Мне просто нужен глоток свежей воды. И нужно подумать о чем-то хорошем, потому что в данный момент я реву.

Я проснулась наутро спустя четыре дня. Рядом со мной никого не было. Больница. Я поняла это сразу, ещё не открыв глаза. Я унюхала ее. Больницу ведь ни с чем не спута-

ешь. Этот запах чистоты. Ощувив странную и неизвестную мне ранее боль в районе коленей, я сдернула с ног покрывало и вскрикнула. Нет, ноги были на месте, но какие... Вместо коленей сине-красная опухшая плоть. За ними смертельно-бледные икры и ступни. Я потрогала их рукой и ничего не почувствовала. Не в руке. В ногах. Больно ущипнула себя за пальцы. Нет, ничего, никакой реакции. Я не смогла ими пошевелить, а все мои попытки подняться провалились на старте.

Не успев до конца осознать свое положение, я услышала шум открывающейся двери, и в палате появился доктор.

– Здравствуйте, Настя. Меня зовут Анатолий Иванович. Я очень рад, что вы, наконец, пришли в себя! Как самочувствие?

– Что со мной?

– Видите ли, Настя, я должен быть откровенен с вами... Вы попали в страшную аварию и получили сильные увечья. Вы вряд ли сможете ходить. Я говорю это не с целью расстроить вас или лишить надежды, но я хочу, чтобы вы знали. Шанс есть всегда, но не обнадёживайте себя. Слишком сильно повреждены колени, и нижняя часть ног атрофировалась, думаю, вы сейчас вряд ли их ощущаете. Да, несомненно, чувствительность частично восстановится, но не для ходьбы. Простите.

Я слушала его и, не прерываясь, смотрела на серый квадрат плитки на стене. В этот момент меня больше интересо-

вал вопрос «где он?». Почему не сидит сейчас рядом с моей постелью, не держит мою руку, не твердит, что все будет хорошо?

– Где мой Андрей? – спросила я у врача.

– М-м-м... Андрей... простите, вас не интересует ваше положение дел?

– Меня интересует, где мой Андрей!

– Вы спрашиваете о молодом человеке, который находился рядом с вами в момент аварии?

– Доктор, я вас прошу, не вынуждайте меня материться!

– Хорошо. Простите. Так сложились обстоятельства... в общем, я вынужден Вам сообщить... пожалуйста, не переживайте.... я думаю, мы что-то придумаем... – и он вышел из палаты.

Я молчала пару минут, обдумывая его поведение, а потом начала кричать. Ко мне прибежали две медсестры, пытаюсь узнать, в чем дело и что у меня болит. Они хотели, чтобы я замолчала, но я не могла остановиться. Прибежал мой трусливый врач. Я замолчала и спокойным голосом ещё раз спросила у него, где же все-таки мой Андрей. Доктор ответил, что выяснит, и очень попросил не пугать других пациентов. Я ответила ему, что если через десять минут не будет никакой информации, я снова начну кричать. Он согласился, все вышли. Я лежала в своей постели, и сердце неустанно стучало быстрее. Я понимала, что правду от меня скрывают. Андрей не мог ни прийти ко мне. Я боялась, что у него пробле-

мы с позвоночником, или он вообще лежит в реанимации. Я не выдержала и вновь закричала. И снова ко мне прибежала та медсестра. На этот раз она не стала спрашивать, где у меня болит и чем она могла бы мне помочь, просто грубо заткнула мне рот своей ладонью. Я яростно замотала головой, пытаясь сбросить со рта ее руку. Она давила и делала мне больно. Я ударила ее по руке, а она в ответ придавила коленом мои руки. Я попыталась ее укусить, но мой рот был слишком плотно прижат. Тогда мне ничего не оставалось, как плюнуть ей на ладонь. От неожиданности она убрала руку от моего рта и принялась вытирать ее об одеяло. Я вновь закричала. Она пообещала вколоть мне снотворное. Я рыдалась. Никак не могла понять, почему я здесь одна среди таких злых и безжалостных людей, которые скрывают от меня правду. Где мои родные и близкие люди? Медсестра, увидев мои слезы, сжалилась и погладила меня по голове. Она утешала меня тем, что скоро сюда приедут мои родители, что они уже в пути. А я только твердила: «Пожалуйста, скажите, где мой Андрей», «Пожалуйста, скажите, где мой Андрей», «Пожалуйста, скажите, где мой Андрей». Но она оставалась нема к моим просьбам.

Спустя двадцать минут в палату вошли мои родители. Они держались спокойно и сдержанно, но я знала, что за минуту до этого была буря. Мама выглядела заплаканной и еще немного тряслась. Папа был крайне подавлен. Они обнимали меня и шептали, что все обязательно будет хорошо. Мне ста-

ло намного легче. Я мечтала услышать эти слова. Я не плакала, только прижималась покрепче к своей маме. Мы пару минут помолчали, и я спросила у них, где мой Андрей. Папа долго смотрел мне в глаза, а потом произнес: «Настя, он умер».

Я хватала ртом беспощадный воздух, стараясь не задохнуться от собственного горя. Моя любовь умерла, соприкоснувшись с куском пластика и металла. Как следовало жить дальше, зная, что такой сильный и жесткий Андрей оказался настолько хрупким? Но ведь я была так же хрупка, как и он.

«Словно увидев что-то в моей душе, ты тянулся ко мне, привставая на пальцах и протягивая руки, но меня не было рядом, прости, тогда тебя не было рядом. А это все просто рождалось в моей голове, просто рождалось, без выхода. Тебя больше нет, но я в это не верю. Я не видела тебя после сна. Мне просто сказали, что тебя больше нет, но кто же поверит в это? Такого просто не может быть. Как тогда этот мир существует, если в нем нет тебя? Как могу дышать я? Как я могу смотреть в окно или просто лежать на кровати, если в этом мире больше. Тебя. Нет ».

Я закрыла глаза и впала в кому на четыре дня.

Очнувшись, я очень хотела спать, а еще понять, где все-таки нахожусь. Про больницу я уже успела забыть. Открыв глаза, я увидела перед собой белый-пребелый потолок ком-

наты, но я не сразу поняла, что это больница. Мой разум был затуманен. В палате никого не было. Я лежала около десяти минут, пока не пришла в себя. Эти десять минут я была счастлива. Ну, по крайней мере, не убита горем. Осознания того, что Андрея больше нет, в те минуты не было. Но потом оно пришло. И еще я вспомнила про свои ноги. Увидела их еще раз. Они были хуже, чем в прошлый раз. Я тихо заплакала, но, точно не зная, из-за чего. Все вокруг казалось таким нереальным, что я никак не могла соотнести это со своей жизнью. Мне казалось, будто я плачу из-за просмотренного фильма. Все тело ужасно ломило, и по спине бежала судорога. Это было так неприятно и жутко хотелось снова уснуть. От вида моих ног меня немного подташнивало. В тот момент они были похожи на два раздутых красных столба. Я попыталась встать в туалет, а потом вспомнила, что ходить я уже не умею. Это было довольно непривычно, и я постоянно про это забывала. Пришлось позвать медсестру. На удивление я ее вспомнила. Это была та же самая девушка, что и четыре дня назад. Она вошла в палату со стаканом яблочного сока, ласково улыбнулась мне и протянула стакан.

– Выпейте, это вкусно.

– Спасибо. А можно мне в туалет?

– Да, конечно. Сейчас принесу.

Я немного растерялась, не зная, что она хотела мне принести. Из-за двери показалась больничная утка.

– Пожалуйста, – протянула она ее мне и осталась рядом.

Я не знала, что мне нужно делать. Сидела, держала в руке эту утку и ждала, когда девушка выйдет из моей комнаты. Но она не уходила. Пришлось попросить ее об этом.

– Да, извините, но я не уверена, что вы сами справитесь с этим. Мне нужно проследить, что у вас все получится.

Сгорая от стыда, я попыталась просунуть горшок под себя. В начале у меня это не выходило. Девушка дернулась мне на помощь, но мой злобный взгляд охладил ее пыл. В конце концов, у меня получилось. Тогда она вышла из палаты и оставила меня писать в долгожданном одиночестве.

Лёжа целыми днями в своей постели, я совершенно не думала о собственном будущем. Мне лишь хотелось, чтобы хоть кто-то из его окружения пришёл ко мне и рассказал, что случилось и что сейчас происходит в их жизни. Было странно, ведь к тому времени, как я пришла в себя, Андрея уже похоронили. Я не могла смириться с тем, что это произошло без меня. Все время думала, что вот сейчас откроется дверь и войдёт Мила, а за ней деловой Владимир Александрович. Думала, как я с ними заговорю и что расскажу им про этот последний наш день. Думала, как они будут меня утешать и горевать вместе со мной. Думала, предложат ли они мне остаться жить в нашем доме или переселят меня в какое-то другое место. Дни шли, но дверь эта так и оставалась закрыта. Нет, конечно же, в неё входили медсестры и врач, мои родители и близкие люди, но его знакомых среди них не было. И с каждым таким пустым днём мое настроение становилось

все хуже и хуже. Я стала думать, что в произошедшем они обвинили меня. Эта мысль ужасала, потому что я сама винила во всем себя. Но также я думала, что и он во всем виноват. Теряясь в догадках и ломая голову, как же все-таки это произошло, я проводила свои дни. Я не пыталась помочь себе снова ходить, думая, что все наладится само собой. Я просто вылечусь и пойду. В конце концов, к моим ногам вернётся прошлая сила. Родители приносили мне книги и журналы, а папа даже покупал копченую курицу. Мне было грустно быть все время одной, поэтому меня переселили в общую палату. Там стало немного веселее. Но, когда наступал вечер пятницы, и всех отпускали на выходные домой, я грустила. Мне было страшно ночью в палате одной, казалось, кто-то ходит по коридору и сейчас заглянет ко мне. Меня терзали страшные сны. Каждый раз, прокручивая один и тот же момент, словно на репите: крик, столкновение, боль, по спине бежали мурашки, все тело содрогалось, как при ударе. В мыслях я снова и снова пыталась этого избежать, предотвратить нашу с ним катастрофу, поехать по другой дороге или остановиться пить чай на ближайшей заправке, словно в этой аварии был виноват кто-то другой, а не мы. Боль не затихала и днём, но ночью она разгоралась адским пламенем внутри меня.

Спустя месяц мои ноги приняли естественный окрас, но шевелиться так и не стали. Наступила новая чередa горя: мне стало невыносимо лежать целыми днями на одной и той же постели, смотря в один и тот же потолок. Книги и му-

зыка давно перестали меня развлекать, а соседские девушки из той самой палаты раздражали своей способностью ходить и перемещаться в другие пространства. Со мной стали случаться неконтролируемые приступы ярости. Я долбила руками по тумбочке, кричала на окружающих и бросалась в них едой. Мне были ненавистны все эти люди и их глупые никчемные переживания из-за плохой погоды. Мне хотелось, чтобы другим стало так же больно, как мне. Но этого не случилось. Меня воспринимали за местную сумасшедшую, кто-то, наверное, меня жалел. Во время моих приступов они дружно вставали и выходили в коридор, чтобы не оттирать остатки каши со своих футболок. Потом приступ отпускал меня, и я мирно лежала и смотрела все в тот же потолок. Мне даже стало казаться, что на нем есть какие-то тайные послания, и иногда я пыталась их расшифровывать. Дни шли, словно по строгому графику, ярость и неподвижность сменяли друг друга каждые полчаса. Меня стал чаще навещать больничный психолог. Она постоянно твердила, что скоро все будет хорошо и приносила забавные рисунки. А ещё она давала мне домашние задания, чтобы мне было чем заняться, пока ее рядом нет. Не думаю, что они помогали мне, я не стала сумасшедше-больной, и моя голова не была затуманена, просто я никак не могла смириться с тем, что это произошло именно со мной.

Дни тянулись медленно, и я ничего от них не ждала. По-

теряв всякий интерес к происходящему, единственное, чего ждала я столь трепетно и мучительно, – когда меня отпустит боль разлуки с Андреем. Не знала я, смогу ли жить без него. Врач приходил на осмотр каждую неделю по понедельникам. Не видя никаких изменений в моем положении, он зло цокал языком и тихо говорил, что так нельзя. Надо бороться. Я смотрела на серые мрачные стены и молчала. Зачем? Какой смысл? В чем смысл жизни, если не в нем? По этому поводу у меня не было никаких мыслей и не было никакого смысла. Целый месяц я лежала на чужой больничной кровати и думала, в чем смысл этой долбанной жизни? И почему все вокруг твердят, что это пройдет. Что пройдет? Моя жизнь? Эти вопросы так и оставались невысказанными в моей голове. Не думаю, что врач замечал это. Он говорил, что у меня сейчас апатия, и это нормально, вкус жизни вернётся, если начать заниматься. Но начать было самое трудное.

Каждую ночь я засыпала с надеждой, что завтрашний день будет лучше. Именно завтра не пройдет в веренице дней пустым окном. Завтра я, наконец, соберу волю в кулак и изменю свою, катящуюся в бездну, жизнь. Но завтра наставало, и было только хуже или также. Ничего не менялось изо дня в день. Наступало шесть вечера, потом девять, потом мы медленно близились к десяти и около двенадцати ложились спать, не забывая перевернуть календарь на следующее число. Дни бежали, потом неслись и никогда не замедлялись. Я представляла, как в это самое время миллионы сверстни-

ков и младших меня людей совершают что-то интересное, их жизнь наполнена чудесными эмоциями и они проживают их с радостью в глазах, а я только считаю под вечер, сколько теперь ребер у меня болит. В какой-то момент я привыкла к постоянной лени, и меня все стало устраивать. Реже и реже случались моменты желания взять себя в руки и совершить усилие над собой. Я знала, что проснусь на следующий день около двенадцати, не спеша позавтракаю и выпью чашку кофе, а затем буду наблюдать по телевизору за жизнью более успешных людей. Буду смотреть, как они смело шагают по планете, совершая новые открытия и поднимаясь выше по социальным ступеням. Как они открывают для себя новые страны, а я буду, словно молчаливая тень, проживать вместе с ними их жизнь. Думать их мысли и переживать с ними взлеты и падения, просто из-за того, что моей настоящей жизни на самом деле просто нет. Да, я знаю, вы будете думать: «Ну, это же так просто: начать все с нуля и вот именно сегодня проявить свой характер, начать заниматься», но это не так. Наш организм считает положение лежа лучшей позицией для времяпрепровождения, а находиться дома в безопасности – лучшее, что можно придумать. Он начинает подавлять разум с его постоянным желанием развиваться, и, в конце концов, мозг сдается под натиском и становится все не так уж и плохо. И лишь стоит заняться непривычным делом, скорая усталость заставляет вернуться в постель. В это время мозг и организм действуют заодно, и это конец. Из это-

го состояния уже не выбраться. По крайней мере, без чужой помощи. У меня такого друга, к сожалению, не было. И я продолжала лежать.

В то время я совершенно заиклилась на себе и своём эгоизме. Если бы я хоть на секундочку вылезла из своих мыслей о бессмысленности всего происходящего, то точно заметила бы, что кроме него в моей жизни есть ещё любящие меня люди, которые так же горестно, как я переживала разлуку с Андреем, переживали разлуку со мной. Да, я была жива и дышала, но это не означало, что я была с ними. Отвечая короткими, словно ударами, «Да» или «Нет» на все предложения и вопросы, я все больше погружала в уныние своих родителей. Они, так же как доктор, с затаенным нетерпением ждали положительных изменений в моем состоянии. Но их все не было и не было. Спустя несколько месяцев, не выдержав, мама спросила меня, почему я бездействую. К тому моменту я больше не плакала. Мои истерики практически сошли на «нет». Я тихо и мирно лежала в своей белой постели, считая часы. С ответом на её вопрос я помедлила, ведь он меня немного смутил. В тот момент я, наконец, увидела кого-то, кроме себя. Я долго-долго смотрела на мамино красивое лицо, и слезы потекли по моим нижним векам.

– Не могу, – прошептала ей я и отвернулась, стирая слезы с лица. Я решительно ненавидела плакать при маме. Ведь в такие моменты мои слезы текли не только по моему лицу, но

и по её сердцу.

– Почему? Объясни мне, прошу! – она умоляла меня, и её голос переходил на крик.

– Я не знаю, зачем это все. Что делать мне дальше с этой одинокой жизнью?

– Но ты не одинока. А как же я? Как же папа? Как же вся твоя прежняя жизнь? Ведь до Андрея ты также жила и радовалась, строила планы. Я понимаю, тебе сейчас очень больно, но ты сможешь жить без него, поверь мне. Ты должна жить! Должна и ради него, или ты считаешь, что он зря тебя спас?

На моем языке ещё долго вертелось это слово «Да», но высказать вслух я его так и не решилась.

– Начни жить хотя бы ради нас с папой, ради всей твоей большой семьи, которым очень тяжело без тебя!

Я, как и всегда, молча смотрела вдаль, но в моей душе бушевала досада и злость на себя. Каким отвратительным чудовищем казалась я себе тогда со стороны. Я пообещала ей постараться. Когда мама ушла домой, я пролежала ещё пару часов в тишине, а потом приподнялась на руках на постели и попробовала свесить свои ноги вниз. Слушались они меня плохо, но я их чувствовала, они были живые. Как и я. Не зная, что конкретно делать мне дальше, я вызвала звонком медсестру. Она явилась, неся в руках утку. Я заверила ее, что это не совсем то, что нужно. Попросила ее подсказать мне пару упражнений. Не проявив особого интереса, она ответи-

ла, что упражнений никаких не знает, но позовёт для меня доктора по лечебной физкультуре. Доктор явился довольно быстро. С широкой улыбкой на лице он похвалил меня за энтузиазм. Я кисло улыбнулась ему и прошептала, что это все ради мамы. Он похвалил меня ещё раз, теперь и за маму. Я промолчала, так как все ещё считала это дело пустым и глупым занятием. Доктор осторожно взял мою ногу в свои руки и стал медленно сгибать и разгибать колено. Все мое тело пронзила волна жуткой боли. Я вскрикнула, и он немного испугался. Принялся извиняться и хотел уже её опустить, но я приказала ему продолжать. Он повторил свои действия. Боль не уменьшилась, но я перестала вскрикивать, боясь его ухода. После пяти упражнений я была выжата, как лимон, и мое терпение кончилось. Я вскрикивала от любых его прикосновений, и он принял мой сигнал к остановке. Ещё раз похвалил меня за смелость и удалился. Мои колени горели огнём. Я снова расплакалась от боли. От той душевной боли, которая все время терзала меня. Мне казалось, я никогда не смогу этого сделать. Я не смогу каждый день терпеть эту грубую практику, этого улыбочивого доктора, который будет приходить, улыбаться и делать мне больно вновь и вновь. Единственное, чего я хотела тогда, это лежать, как и раньше, и лучше бы еще ни о чем не думать. А еще лучше, наверное, не дышать.

Ночь прошла без сна, ныли колени, и все мое тело противилось тем давно забытым для него движениям. В голове я

считала овец, но доходила всегда лишь до двенадцати, мои ноги пронзала острая боль, и я сбивалась со счета, начиная всхлипывать. Заснув лишь под утро, когда все уже встали, я проспала всего пару часов, а может быть, даже и меньше. Вряд ли это можно было назвать сном. Я не знаю, скорее всего, мой мозг просто не выдержал и впал в легкую форму комы. Меня разбудил доктор, который всегда приходил ко мне по понедельникам. Но, кажется, в тот день была среда.

– Сергей Дмитриевич сообщил мне о ваших вчерашних занятиях. Это очень похвально. Я вижу, Вы хотите пойти на поправку.

– Нет, доктор, я не хочу. Но этого очень хочет моя мама. В конце концов, мне придется сделать это ради нее.

– Ну, что же, пусть так. Для начала хватит и этого. Главное не бросайте, прошу Вас.

– Я постараюсь. Но я не смогу Вам этого обещать.

Мы стали заниматься с Сергеем Дмитриевичем каждый день. Он принес в мою палату тренажеры и заставлял меня заниматься и на них тоже. В конце концов, во мне проснулся азарт. Захотелось доказать самой себе, что смогу. Что встану, выйду на улицу, и все будет так же, как раньше. Вначале мы занимались всего по пятнадцать минут, а в итоге дошли до пятнадцати часов в день с перерывами на короткий сон, завтрак, обед и ужин. Каждый день одно и то же, эти монотонные движения коленей, лишь бы заставить их двигаться

самим по себе. Медсестра делала мне уколы, чтобы укрепить их. Это было чертовски болезненно, но уже совершенно не важно. Я, словно заведённая, повторяла одно и то же, одно и то же. Я тренировалась до тех пор, пока икры не сводило судорогой, пока ноги не горели огнём. По ночам я рыдала от боли, а днем продолжала мучить себя. Это странное чувство мазохизма, когда от боли начинаешь получать удовольствие. И я встала, честное слово! Я стояла на своих ногах без посторонней помощи. Это было невероятно. Невероятно, потому что я действительно до конца в это не верила. В первый раз я смогла простоять не более пяти минут, затем мои ноги подкосились, и я упала на пол перед своей кроватью, неудачно зацепившись и разбив губу о прикроватную тумбочку. Во рту почувствовался солёный привкус крови и сладкий вкус победы над обстоятельствами. Наконец-то это была победа. Это был осязаемый результат. Дальше было проще. Теперь я точно знала, к чему стремлюсь. Я занималась еще усерднее и еще больше, чем раньше. Спустя неделю я уже могла простоять десять минут и медленно передвигаться по комнате, опираясь на ближайшие предметы. Спустя еще некоторое время я добиралась до туалета сама. Цель была достигнута, я больше не сомневалась в успехе.

В очередной понедельник на плановом осмотре Анатолий Иванович после оценки моих успехов сообщил, что я больше в больничном надзоре не нуждаюсь и могу вернуться домой. Теперь мне предстояла продолжительная реабилита-

ция, но не больничное лечение. Для меня это была не слишком радостная весть. Конечно, я не могу сказать, что полюбила больницу и ее персонал, но куда мне нужно вернуться, не знала. Мне предстояло решить, что теперь делать с моей сохранившейся жизнью.

После выписки я вернулась в тот дом, где мы прожили с ним последние месяцы вместе. Я приехала туда на такси. Тихо открыла дверь своим ключом и вошла в темный коридор. Включать свет мне совсем не хотелось. Я стояла у входа в звенящей тишине и никак не могла рискнуть сделать еще хотя бы один шаг. Этот дом стал чужим для меня. Таким знакомым, родным и чужим. Он был домом из моей прошлой жизни. Мне казалось, что прошли годы с того момента, когда Андрей надевал мне кольцо на безымянный палец. Как кружил меня в этом самом холле. Как мы пили по вечерам вино на этой огромной кухне. словно чужая жизнь проносилась перед моими глазами.

Я поднялась на второй этаж и открыла дверь в ту самую комнату. Мое сознание подвело меня, я оперлась на ручку двери, дабы не разрыдаться и не упасть. По дороге сюда, в такси, я убеждала себя, что он тут. Я никак не могла поверить, что его нет. Ведь это могло произойти со всеми, но только не с нами. Ведь Бог любит меня, он оберегает меня ото всех страданий и бед. Состояние дикого ожидания, безумной нервозности, скорее всего, передалось даже води-

телю, иначе, почему он так сильно давил на газ? И вот я тут. Понимаю, что его нет. В этом доме его больше нет и в этой жизни его больше нет. Душа опустилась как можно ниже, и я осознала. Осознала, что это произошло именно со мной.

Я легла на нашу кровать, включила его ноутбук и стала смотреть старый советский фильм. Возможно, это неожиданно и слишком по-детски, но мне необходимо было отвлечься, а это единственный способ забыть про реальность. Так я провела несколько дней. Фильмы сменились сериалами. Серию за серией я просматривала их подряд, не позволяя себе вернуться в реальную жизнь. Ни с кем не общалась, ничего не делала. Матильда приносила мне еду, но я не могла ничего есть. У меня проснулась страсть к горьким грейпфрутам. Весь мой рацион на день состоял из минеральной воды и грейпфрутов. Возможно, я даже немного похудела. Возможно, даже от слез. Ведь стоило мне хоть на минуту отвлечься от экрана, как они текли рекой из моих глаз. В субботу вечером дверь ключом открыла его мать. Она прошла, не разуваясь, ко мне в комнату и сообщила, что я должна срочно покинуть этот дом и больше никогда не возвращаться. Никакие вещи забирать не разрешается. Я должна немедленно забыть про Андрея и не думать, что мы когда-то были с ним знакомы. Она говорила много и долго. Такая красивая, стройная, с блестящими коричневыми волосами... Я любовалась ею и думала, что она права. Что я действительно не имею права больше жить в этом роскошном доме. Моя сказка закончи-

лась, и я обязана вернуться в свою берлогу, дабы освободить этот дом для таких же красивых девушек, как она. Но мне было все еще тяжело ходить, мои ноги не слушались меня до конца, а мои родители жили на пятом этаже и к тому же не могли себе позволить ухаживать за мной целыми днями. Здесь же была Мотя, и она приносила мне грейпфруты, помогала добраться до туалета и отвечала на все звонки. Мне была необходима реабилитация и свежий воздух.

– Пожалуйста, Мила, я бы хотела остаться в этом доме на пару месяцев до того момента, когда смогу самостоятельно налить себе чашку кофе и спуститься на улицу, не тратя на это больше сорока минут. Я очень любила Андрея, это правда, ты знаешь. Мне сейчас очень нужна твоя помощь. Мы должны постараться вместе смириться с этим горем. А потом я исчезну из твоей жизни навсегда.

– Ты должна исчезнуть немедленно, я же объяснила.

Она не сказала мне, где он похоронен. Сказала, что мне ни к чему это знать. Ведь мы никогда не были с ним знакомы. Наверное, мне стоило закричать в тот момент. Или расплакаться. Или начать умолять ее. Или молча встать и уйти из ее жизни. Но вместо всего этого я сидела и молчала. Не знала, как мне поступить правильно. Хотела позвать кого-то на помощь, но дома никого не было. Она схватила меня за плечо, я дернулась и упала на пол. Она помогла мне подняться и за руку отвела вниз. Открыла входную дверь, кинула мне на плечи мое старое пальто, которое мама привезла в боль-

ницу на выписку, и сказала «Иди». И я пошла. Медленно, очень медленно. Я вышла за ворота. Там стоял ее автомобиль. Серебристый «Бентли». Я прошла мимо него. Вокруг был лес. Часа через два я добралась до дороги и поймала машину. Пообещала водителю заплатить по приезду. Мы ехали по ночной Москве, повсюду светили огни, и я думала об этих огнях. Думала, сколько счастливых людей проживают эту минуту. Думала о влюбленных, что сидели тогда на траве в парке Горького, что целовались у подъезда и прощались до завтрашнего утра. Думала о том, что, когда я прощалась с Андреем у моего подъезда, в тот момент кто-то ехал в такси и плакал. Как я. Жизнь идет по кругу и передает эстафету от одного к другому. Сегодня он теряет любовь, а завтра ты. Глупо думать «Почему я? Почему это произошло со мной?». Это произойдет со всеми, просто сейчас твой черед в этой длинной очереди.

Когда я вернулась домой, мне больше не хотелось смотреть фильмы и сериалы. Мне хотелось лишь одного: моей смерти. С каждым днем становилось все хуже и хуже. Казалось, что даже ноги снова не хотят меня слушаться. Я тихо превращалась в комнатное растение в гостиной моих родителей. Мне было совершенно не интересно, что происходило вне моего тела, и что происходило в моем теле, меня тоже мало интересовало. Мне нравилось придумывать способы покинуть этот мир, подбирая как платье, какой способ больше подходит. Единственная мысль, о том, что наша

встреча близка, меня утешала. Я предвкушала ее, думала о ней. И это все, что меня радовало. Людей вообще мало что радует в этой жизни. Ведь, кажется, что нужны миллионы и бриллианты, а на самом деле хватит и горячего ужина после тяжелой работы, а ложаешься ночью в кровать, каждый из нас чувствует себя счастливым. Это так. Даже если вы начнете сейчас это отрицать.

У меня было чувство, будто мы встретимся с ним где-нибудь в красивом парке, поцелуем друг друга и, словно неделю не виделись, начнем обсуждать события, которые произошли с нами за это время. Поговорим об аварии, и я попеняю на него за быструю езду. Посетим на тормоза в таком дорогом авто и погрустим о парне, который попал в больницу по нашей вине. Потом я скажу ему, что очень скучала и попрошу его больше так надолго меня не оставлять. А затем мы поднимемся с лавочки и пройдемся по аллее, заглянем в беличье дупло, посмеемся над прохожими. Он расскажет мне, как испугался за меня и не хотел, чтобы мне было больно. Я думала, он просит меня уйти без боли. Легко и просто. Но я никак не могла найти такой способ, поэтому медлила со встречей. Каждое утро я нервничала, будто заставляю его ждать, будто опаздываю на нашу встречу, словно свидание уже назначено. Мои глаза горели странным огнем, и он пугал моих близких. Моя мама все время плакала, а папа просто молчал, но я знала, ему еще хуже. И на это было не выносимо смотреть. Я мучила своих любимых людей, я видела их

страдания из-за меня, но не могла повернуть жизнь. Я знала, что сделаю им только хуже своим уходом, и вряд ли это принесет им облегчение, но ведь я никак не могла отменить наше свидание. Мысль о том, что я больше никогда не увижу его, не смогу прижаться к его груди и почувствовать легкое пожатие руки, было невыносимо для меня.

«Никогда. Больше никогда. Это сильно. С этим нельзя смириться. Разрывая в клочья подушку, я думала только об этом. Больше никогда. Пропать. Пустота. Никогда. Что за этим стоит? Я не верю, что все наладится. Я не могу представить свою жизнь без тебя. Не могу. Это конец. В ней больше никогда ничего не будет. Ни улыбок, ни смеха, ни любви. Заточение в вымышленной башне. Обречение себя на одинокую жизнь. Хриплый голос. Мускулистые, теплые руки. Смех. Слегка волнистые волосы и темные брови. Кожаные кеды. Голубые джинсы. До дрожи. Представить себя с кем-то другим. Невозможно. Невыносимо. Мысли по кругу. Тишина. Истерика. Крик. Снова все на куски. Мне нужно крушить и ломать, но я не смирюсь. Жалость к себе? Никогда. Жалость к тебе? Да, но тоже вряд ли. Жалость к нашей любви? Да-да».

Это жуткое чувство желания обнять дорогого человека и невозможность сделать это превратило меня в ничтожество. Мои глаза опухли и стали узкими, словно щелки, мои ногти были изгрызаны до кожи и мои волосы стекали на плечи жалкими жирными струями. Я была похожа на зомби, я бы-

ла зомби. По ночам я смотрела в окно своей комнаты, потому что не могла спать. Мои сны были слишком ужасны, чтобы их видеть. Да и к тому же мне было тяжело уснуть, ведь тысяча и одна мысль одолевали меня, стоило только дотронуться до подушки.

Днем же я просто сидела и молчала, и в моей голове не было мыслей. Мое лицо абсолютно ничего не значило. И казалось бы, что мне все равно. Но мои родители знали, в этот момент мне просто нестерпимо больно, но я борюсь. И их поддержка, выразившаяся в том, что они с этим ничего не делали, не гладили меня по спине, не говорили мне, что скоро все наладится и пройдет, не ходили взад и вперед с задумчивым видом, размышляя, как же мне все-таки помочь, а просто всего-навсего меня не трогали, значила для меня больше всего на свете. По-другому, наверное, я бы не выдержала. Иногда просто нужно оставить человека в покое. Закрывать свое сострадание, заткнуть свою гордость, потушить свое желание помощи и просто отвалить. Это лучшее. Потому что скоро все изменится. Так не будет всегда. Есть этот момент, а есть новый. И в этом моменте вы не нужны, как бы вас это ни задевало. А в следующую секунду вы услышите свое имя и будете непременно нужны и тогда идите, гладьте, поддерживайте, помогайте.

Так продолжалось, наверное, долго, я не знаю, я не следила за временем, но мне говорили, что шли недели, и за окном я тоже наблюдала изменения погоды. С каждым днем

становилось все пасмурнее и холоднее. Люди надевали все более теплые и темные куртки, и город погружался во тьму. Дни становились короче, а ночи длиннее. И за эту длинную ночь мне удавалось поспать всего пару часов, а точнее полежать в забытии. Выписываясь из больницы, я чувствовала себя более оптимистичной, чем теперь. Теперь было все намного-намного хуже, наш срок разлуки увеличивался, и мне все нестерпимее хотелось его обнять. Все острее чувствовалась нехватка его тепла и его хриплого голоса. Мое состояние ухудшалось с каждым днем все больше, и я очень надеялась просто умереть от тоски.

Так наступила зима. Я поняла это, увидев однажды снег за моим окном. И мне захотелось укутаться в теплое зимнее одеяло. Я вышла из своей комнаты и зашла в спальню моих родителей поискать одеяло в их шкафу. И там, в зеркале, я увидела, что сделала с собой за последние месяцы. Это было отвратительно. Предвкушая нашу встречу с ним, я совершенно не заботилась о своем внешнем виде, и это было очень зря. Мне стало невыносимо, представив, что вот он увидит меня такой... такой страшной. Меня ужаснула мысль, что он может отказаться от нашей встречи по моей же глупости. Я метнулась в ванную и включила на полную кран. Вода полилась на мою голову, смывая жир и пот. И в этот момент я улыбалась. Мне было приятно ощущать ее прикосновение к моей коже. Ощущать тепло воды и приятный запах шампуня. Я намылила голову три раза, и каждый раз доставлял

мне не меньшее удовольствие, чем предыдущий. Затем я вымылась полностью. Я вышла из ванной, похудев килограмма на два и сбросив грустных мыслей килограммов на пять. Я решила, что теперь так будет всегда. Я буду хорошо выглядеть ради него и ради себя. В тот день я впервые не думала о смерти, а наслаждалась ароматом цветов в вазе, я прозрела к своим близким, смотрела в их лица и не могла насмотреться, как будто не видела их тысячу лет. И все в этом мире было для меня словно впервые. Я пила куриный бульон, и он казался мне очень вкусным. А хлеб таким ароматным и свежим. Я согласилась сменить мое постельное белье и, ложась вечером спать, я впервые за долгое время почувствовала себя счастливой и проспала всю ночь без снов.

Со временем я стала гулять. Понемногу, вначале лишь до следующего подъезда, а затем уже по парку. Мои ноги продолжали плохо меня слушаться, поэтому даже стометровая прогулка превращалась в целое путешествие. Но я была счастлива. Всегда. Каждую минуту. Словно кто-то включил во мне эту функцию. Мне было страшно от этого моего безудержного счастья. Я упрекала себя за него. Я считала это неправильным, и мне было очень стыдно. Я думала, что должна продолжать горевать и грустить в своей затхлой комнате, а вместо этого дышу чистым воздухом, а под моим пальто красивое платье. Но глубоко в душе я знала, он меня не осудит. Ведь Андрей всегда хотел, чтобы я была счастлива, и я стала счастливой. Без него.

В марте я вернулась к занятиям. Мне было необходимо закончить выпускной год и получить аттестат. В первый день я вошла в класс очень медленно, с легкой улыбкой на губах. Они явно не ожидали меня увидеть. И явно были не рады мне. Я слишком высоко поднялась, слишком больно упала и не разбилась. Я была горда собой. Была горда тем, что продолжаю жить, несмотря ни на что, несмотря на ужасную потерю и сильную боль, несмотря на то, что окружающие, я думаю, были рады сложившимся обстоятельствам. Чувство человеческой зависти слишком сильно захватывает душу, и уже сложно почувствовать ту грань между «плохо» и «нельзя». Радоваться чужому горю очень плохо. Желать чужой смерти просто нельзя. Но они это где-то упустили, а я не умерла. Это был провал. Чужие мечты не сбылись, и я была виновата. Вряд ли они меня когда-нибудь простят. Забудут, да. Встретившись лет через двадцать на улице, мы, со счастливыми улыбками, будем обниматься, и спрашивать, как у кого устроилась жизнь. Где я работаю? Как мой муж? О, и, конечно же, они так безумно рады этой встрече, ведь, кажется, мы дружили в школе. Жаль только потом потерялись. Да, я тоже буду улыбаться в ответ и, возможно, действительно буду рада этой встрече. Плохое всегда забывается, ну или нужно насильно его забывать. Пронести зло через всю свою жизнь? Нет, простите, это не для меня. Да, и пусть меня сейчас ненавидят, а мне от этого плохо. Я не буду это хранить, в

моей душе достаточно тяжелых моментов, чтобы замедлить мой шаг. Ведь грустные воспоминания – это лишние килограммы на ваших плечах, и чем их больше, тем сложнее идти вперед. Моя бабушка всегда говорила: «если тебя терзает злоба, возьми воздушный шарик, подумай свои самые злые мысли, а потом отпусти, пускай летят и разобьются».

Размышляя об этом, я села за парту в кабинете одна. На меня все смотрели, а я рисовала в тетрадке змей. Мне нечего было сказать, и им, наверное, тоже. Зайдя в класс, преподаватель не взглянул на меня, и мне стало легче. Скорее всего, он ничего не заметил, да и какое ему дело, была я там или нет. Наука не отвлекается на прочие глупости. А мне, как раз, и хотелось, чтобы меня никто не замечал, не смотрел в мою сторону, не обращал внимания на мои истерзанные колени, на мою неуклюжую походку из класса в класс. Но мне как всегда не везло.

После звонка на перемену я вышла из кабинета и хотела спуститься на первый этаж, в другой кабинет на урок иностранного языка. Двое парней, которых я знала, смеясь и толкаясь, шли вслед за мной прямо до лестницы. Я двигалась очень медленно и в душе боялась, что они не выдержат и тоже начнут меня толкать. Но было все намного хуже. Пытаясь сделать шаг вниз, я поняла, что уже лечу с этой лестницы. Один из них подставил мне подножку, а я не заметила. Ударившись лбом об пол, я на минуту отключилась, а потом снова пришла в себя от громкого хохота сверху. Смеялись

многие, кроме меня. От брови текла тонкая струйка воды. Но это была не вода. Вода текла из моих глаз, и это было произвольно. Я точно не собиралась рыдать перед ними, но сработал мой защитный механизм. Возможно, удар задел нужные струны в моей голове. Мне было больно. Но мне было очень страшно. Почему-то тогда я подумала, что это еще не конец, думала, они начнут меня бить. Конечно же, этого не произошло. Вскоре все разошлись, а я продолжала лежать в пролете между вторым и третьим этажом. И все не потому, что я выдохлась и устала. Просто не могла найти в себе силы встать. Мимо проходивший преподаватель английского очень помог мне, поднял, отряхнул, улыбнулся. Я вытерла слезы и кровь в туалете, а потом пошла в класс. Бывало ведь и больнее, а английский еще никто не отменял.

А ночью, дома, катаясь по ковру, я рыдала оттого, что мир так жесток и ужасен. Что это все так несправедливо. Конечно, я не ждала от них поддержки, но хотя бы равнодушие они могли мне подарить. Но не захотели. Я стала для них мишенью. Игрушкой для злобной игры. Теперь, когда больше никому было меня защитить, они могли издеваться, как только хотели. Я была, и сейчас, не из тех, кто бежит жаловаться, а это было им на руку. Я знала, есть выход, надо просто бросить учебу. Но неизменно в семь утра я вставала и шла учиться, как ни в чем не бывало. Все повторялось, словно по кругу. Странные взгляды, смешки, глупые прозвища, мои ночные рыдания на ковре и дикое желание бросить учиться.

Уйти туда, где никто не будет знать про меня, мою историю, мои отношения, где буду просто настоящая я, немного побитая и больная, но неизвестно почему. Я расскажу им свою историю вкратце и, думаю, кто-то меня пожалеет. А нужно ли? Искала ли я в глазах людей жалость? Конечно же, нет. Я просто хотела, чтобы все было как раньше. На самом деле мы все немного не любим свое настоящее, потому что прошлое было прекраснее. Были живы любимые люди, не было сегодняшних проблем и, конечно же, в прошлом все такое знакомое, любимое и родное, а сегодня то, о чем мы еще не узнали, и это пугает и настораживает. Да, это нормально, но не нужно с этим мириться. Никакого прошлого уже нет. Его просто нет. И мы туда не вернемся, как бы того ни хотели.

В это время я стала ненавидеть Андрея. Не думаю, что он желал мне такого будущего, но он его создал. А я ведь просила быть аккуратней. И мама просила. Но ему было плевать. Тогда я была уверена, что только он во всем виноват. Я ненавидела его за то, что он меня не послушал. За то, что спас меня. За то, что испортил мою жизнь. Я уже никогда не стану прежней. Никогда не вылечусь. Мои ноги не будут вновь идеальными и быстрыми. Да, конечно же, будет лучше, но не до конца. Я знала, мне придется всю оставшуюся жизнь оправдываться перед людьми за мое увечье. Ведь так поступают все пострадавшие, люди, непохожие на общую массу. Нам приходится извиняться за то, что мы не такие, как все. Так или иначе, мы это делаем, возможно, произ-

вольно, возможно, специально. Так проще. Только в таком случае люди становятся более снисходительными и добрыми к нам. Словно мы за что-то провинились перед ними, словно угнетаем их ауру своим видом. А если кто-то не желает ни перед кем извиняться и хочет жить, как и все, обычной жизнью, то его насильно заставят извиняться путем грубостей, физического насилия или насмешек. Порой я испытывала чувство садизма по отношению к Андрею. В моменты, когда меня особенно сильно унижали, мне так хотелось, чтобы он это видел, не с целью защитить меня, а чтобы он страдал, оттого что сделал со мной, оттого что спас, хотя я его и не просила, и оттого, что бросил меня одну. Хотела, чтобы он увидел, как мне теперь нелегко жить. В душе, конечно же, представляя весь ужас подобных мыслей и отрекаясь от них раз и навсегда.

«Ты был элитой, «золотой молодежи». Вы думаете, что все разрешено и можно. Вам плевать на других людей, они ведь лишь пешки в вашей игре. И это совершенно не страшно, если из-за вас будет кому-то плохо. Вы играете, представляя себя гроссмейстерами, но на деле вы сами и есть жалкие пешки в великой игре жизни. Ее главное развлечение – дать почувствовать пешке себя королем, а в нужный момент спихнуть ее с доски, с высокой ступени, ведь падать больнее. Но вы не видите этого. Вы слепы. Это и есть великий план ее игры»

Рано или поздно все заканчивается. Я окончила школу,

и издевательства надо мной тоже закончились. Три месяца садизма подошли к концу. Я не пошла на выпускной, потому что не могла их больше видеть. В последний день занятий я ходила по коридорам и думала, что больше никогда в жизни сюда не вернусь. За прошедшие десять лет я ни разу не переступила порог школы с того дня. Нет, конечно же, я не могла ее ненавидеть, так как сама по себе школа ничего дурного мне не принесла, но вспоминать те дни отвратительно. Папа забрал мой аттестат в кабинете директора. Я за ним не пошла. Получать аттестат не так уж и здорово. Скорее, это никак. Незадолго до окончания школы моя ненависть к Андрею иссякла. Я не могла злиться на него вечно, поэтому снова стала скучать. Мне не хватало его, его шуток, его смеха, его голоса и того, что он всегда был рядом со мной. Идя домой в теплый майский день, мне казалось, что сейчас из-за угла покажется его машина и он сам, он остановится рядом со мной и спросит: «Крошка, тебя подвезти?». Я отвечу ему: «Конечно, подвези, крошка, вон до такого угла» и он рассмеётся, и... это глупо все, но бывало такое, что я стояла часами на том повороте и ждала, когда же покажется его автомобиль. Вся настоящая жизнь не существовала для меня, она просто плыла мимо, заполняя фон моих мыслей. Поочередно я жила в своем прошлом и вымышленном будущем, в котором все прекрасно и в котором есть он. Я, словно настроенная машина, ела, училась, разговаривала, сдавала экзамены, а потом поступала в институт. Я не волновалась и

не переживала, потому что мне было плевать. Если бы меня вели куда-то за руку, я бы шла, не задавая вопросов. Иногда я задумывалась, и мне было странно, я не думала, что апатия может вернуться. Мне казалось, этот этап ушел навсегда, но это была не так. Просто состояния спокойствия и агонии стали более продолжительными и невзрачными, но они бесперебойно продолжали сменять друг друга в моей душе. Наступило лето, а я не радовалась теплу, просто надела футболку и шорты и, в общем-то, в моей жизни больше ничего не изменилось. Но я стала ждать. Тем июлем у меня был много значительных дат: наше знакомство, наша свадьба, наше рождение и наша смерть. Как ни странно, в этот короткий месяц уместилась практически вся наша жизнь. Если бы я вздумала отмечать эти даты, то, наверняка бы, не вышла из состояния похмелья весь этот месяц. И заключительным числом этого ряда событий была та его единственная дата, которая повторялась для него каждый год, но больше такого не будет.

«09.08. Сегодня мне грустно весь день. Ведь сегодня твой день рождения. Мне жутко обидно, что ты прожил так мало лет, мой любимый и дорогой человек, которого я всегда так боялась потерять. А теперь мне лишь остаётся смириться. Это так тяжело. Я знаю, в моем горе звучат эгоистичные нотки, ведь я грущу оттого, что это я больше никогда не увижу тебя, а не потому, что ты никогда не увидишь меня. Любовь так эгоистична, но все же, я думаю, ты бы тоже этого

хотел. Сегодня твой день, а тебя в нем нет. И эта боль передаётся всем, кто тебя любил. Мы этого не произносим и не обсуждаем, потому что не хотим доставлять друг другу боль столь мучительными воспоминаниями, но каждый из нас знает, что сегодня твой день. Ты мог бы стать сегодня на год старше, но годы твои остановились, и теперь это будут вечные двадцать пять лет. Прости меня за то, что я сегодня грущу. Я знаю, ты бы не хотел видеть слезы в моих глазах, и сейчас бы тебе это не понравилось, но я не могу их сдержать. Этот день навсегда останется грустным днём для меня. Теперь я понимаю, почему в старости люди так часто грустят: просто в их жизни становится слишком много таких дней».

– Настя, привет! Я так давно не видел тебя! Я так соскучился! – он обнял меня крепко за плечи, и это было чертовски приятно. Впервые за все время я почувствовала родственную душу. Я встретила человека, связанного с ним, знавшего его и любившего, так же как я. Человека, для которого его смерть была такой же трагедией, как и для меня.

– Я тоже! Я тоже так соскучилась по тебе! О, как я рада, что мы наконец-то встретились! Почему же ты не позвонил мне? Я так тебя ждала! – я была вне себя от радости.

– Честно говоря, у меня не было твоего номера. Я пытался спросить у Милы, но она сказала, что не знает, о ком я говорю. Ты не виделась с ней?

– После аварии? Да я видела ее, она меня выгнала и огра-

била, – и снова моя кривая улыбочка.

– Ограбила? Что ты имеешь в виду? – он выглядел потрясенным.

– Я говорю про все те дорогие мне вещи, которые подарил Андрей. Она забрала все, что у меня было. А я ведь хотела только одного: ту фотографию, где мы сидим с ним на заборе, обнимая друг друга за плечи, как пара малолетних мальчишек во время каникул у бабушек. А наши улыбки были так заразительны и так широки. Мы смотрели в глаза всему свету и были неизмеримо счастливы в тот момент. Я хотела ее сохранить, хотела оставить частичку его у себя, понимаешь? Но она посчитала это слишком весомой уликой. А что если я смогу доказать, что мы были знакомы, и даже, о Боже, все же любили друг друга. Я словно в тюрьме перед камерой сдавала ей все свои бриллианты и все его подарки от глупых медведей до платьев. И я ушла оттуда практически голой, без единой зацепки о том, как провела последние два года.

– Это так похоже на нее. Но я не могу поверить в то, что она так поступила именно с тобой. С девушкой, которую боготворил ее сын, которую любил больше всех в этом мире.

– Считаешь, для нее это имеет значение?

– Нет! Она думала, что больше всех он любит ее.

– Ха, так это была ревность?

– Ну, даже не знаю. Думаю, это был тонкий расчет. Мафиози, то есть Владимир Александрович, тоже, естественно, слышал о тебе впервые. И, конечно же, никогда не видел те-

бя рядом с сыном.

– Да... и даже никогда не подшучивал надо мной... Почему они так со мной, ты не знаешь? Я каждый день, думаю об этом и никак не могу понять. Я ведь не хотела оставаться жить с ними или требовать компенсацию. Они меня ненавидят, но я так и не знаю за что.

– Да, я знаю. Андрей говорил мне. Он подписал завещание, и после его смерти вся его доля была бы твоей. Все его деньги, машины, квартиры, его доля бизнеса и даже его последние штаны. Все это должно быть твое. И они не собирались все это тебе отдавать. Знали ведь, что ты не пойдешь жаловаться. У тебя нет никаких связей и сил, чтобы тягаться с таким, как Владимир Александрович, поэтому они вольны поступать, как им заблагорассудится. Вот и поступили.

– Ты сейчас шутишь со мной? Зачем ему было писать завещание в двадцать пять лет?

– Потому что ты не хотела выходить замуж, не хотела официально узаконить ваши отношения и не хотела слышать про его собственность, а он в какой-то момент просто испугался, что если его не станет, его родители поступят с тобой плохо и тебе придется вернуться домой.

– Не помогло...

– Да, не помогло. Все бумаги уже сожжены. Ты ничего им не докажешь.

– Думаешь, я бы пошла?

– Думаю, стоило бы. Но уже не сейчас. Никаких доказа-

тельств. Все фото разорваны. Все друзья куплены.

– Даже ты?

– Меня они тоже не знают... теперь.

– Поздравляю!

– Спасибо. Как ты живешь?

– То, что я просто жива, уже о многом говорит.

– Понимаю.

– Скажи, как все прошло? Где он теперь?

– Он на родине. Рядом с родными.

– Это здорово. Я боялась, что они похоронят его в Москве.

Ты ведь знаешь, он ее недолюбливал.

– Да, я знаю. Думаю, это тоже было в завещании.

– А как все прошло? Многие были?

– Да, знаешь, было много людей. Очень много охранников, одноклассники. Все очень стильные.

– Она совершенно не знает, кого он любил...

– Владимир Александрович молча грустил в стороне. Мила рыдала, что Андрей слишком красив для смерти. Было много цветов. И Андрей был...

– Прошу, прости, я знаю, я сама спросила. Но больше не надо. Я не могу.

– Да, извини, не надо подробностей.

– Наверное, мне даже легче.

– Из-за чего?

– Для меня есть шанс, что он все еще жив.

– Но это невозможно!

– Я знаю, но я не хочу в это верить. Я ничего не видела. Когда я закрыла глаза, он все еще был рядом, был жив. Я думаю, он куда-то уехал... и все.

– Понятно. Бывает. Я, пожалуй, пойду.

– Да, хорошо. Темнеет уже. До встречи, друг.

– До встречи.

Идя домой, я поняла, что больна. Он решил, что я больна. Я верю в то, что Андрей еще жив. Это было абсурдно. Он был там и все видел. Видел его, а я нет.

Я шла домой и жалела, что так многое еще не успела спросить, не попросила его номер. Я оглянулась, чтобы догнать его, но он уже ушел. Я ругала себя за такую непростительную глупость. Ведь это был единственный шанс поддерживать мои отношения с прошлой жизнью. И я его упустила. Вряд ли мне когда-нибудь еще так повезет его встретить. Адреса я, конечно, не помню. От горя я чуть не расплакалась. Можно ведь быть такой дурой? Но вскоре мои слезы высохли от самой простой мысли: он ведь тоже не спросил моего номера и не предложил мне своей помощи, просто попрощался и ушел, оставив меня одну, как и все остальные из его окружения. Я была им не нужна. Только Андрей. Без него меня не существовало, и поддерживать со мной связь совершенно ни к чему.

«Все время представляю, как ты включаешь свой телефон, набираешь номер знакомого и договариваешься о встрече. Как ты садишься в свою лимонно-желтую машину

и едешь. Как включаешь музыку погромче и подпеваешь во все горло треку без слов. Да, ты это умел, решать и додумывать за других. А еще ты умел привязать человека к себе настолько, чтобы он терпел все-все твои выходки и сумасбродства и был с тобой рядом. Как я. Почему я? Не могу этого понять. Почему жертвой ты выбрал меня? Мы были даже не знакомы. А я была слишком мала, мои представления о мире вразрез не шли с твоими познаниями. Хотя ты тоже был глуп, считал, что все меняется очень просто, стоит лишь захотеть, и все уже по-другому. Вот если сейчас твоя машина едет слишком быстро, то это не страшно, ведь через секунду она сможет уже остановиться и ничего не произойдет. Но это не так. Она не остановилась, как ты хотел. Этот мир не подчиняется тебе. Не подчиняется мне. Никому».

Три месяца спустя, в пятницу вечером, я разбирала свой шкаф. Мне нравилось копаться в вещах, перебирать их и составлять комплекты. Смотреть на вещь оценивающим взглядом и понимать, надоела она мне уже или нет. Тогда мне, конечно, хотелось начать новую жизнь. Выбросить всю старую одежду. Одежду, которая видела моменты моего уныния и депрессии. Одежду, которая слишком много видела. Я смотрела на свои старые платья и думала, что больше никогда не смогу их носить. Они не были мне дороги, как память, наоборот, они были противны мне. Я выбросила практиче-

ски все. Единственная пара вещей, не раздражавшая меня, – заношенные черные джинсы и серая футболка со скромной надписью о том, что не все потеряно. Была ли я готова к покупке новых вещей? Даже не знаю. Вряд ли в ближайшее время. Желание хорошо выглядеть и быть безупречной снова покинуло меня. Носить одну футболку и джинсы? Меня это не пугало. Футболку я постираю, а джинсы... Да кто их вообще стирает? Спустя пару часов я выдохлась, и решили выпить чаю. Чай без сахара и молока уже был налит в моей кружке и даже наполовину выпит, когда я нашла его. Тот самый свитер. Серый, короткий, с горлом и с косами. Андрей подарил мне его, когда я очень замерзла, гуляя по Москве поздней осенью. Это был только его выбор, а свитер я недолюбливала. Он казался мне странным, и я не знала с чем его нужно носить. Я не брала его в наш дом, потому что в день покупки похоронила у себя в шкафу. Мила никогда-никогда не видела его на мне, она не знала о нем, и его не было в том доме, поэтому он уцелел. И это было то единственное, что осталось у меня на память о нашей любви. Увидев его на своей полке, я удивилась, потом зарыдала, потом засмеялась, потом прижала его к губам, потом я надела его, и снова буря эмоций, и даже мурашки прошлись по моей спине. Мне было смешно, ведь я перехитрила ее. Я выиграла, у меня было единственное, вполне не связанное с ним для чужих глаз, но мое прекрасное воспоминание. И весь этот год я мечтала лишь об этом моменте: когда где-нибудь найдется вещица,

воспоминаниями связанная с ним. И даже если бы это был камень, я повесила бы его себе на шею и носила бы каждый день под футболкой. Но свитер был лучше, он будет греть меня и греть мою душу. В тот момент он казался мне самым лучшим, самым красивым и самым чудесным. Не знаю, можете ли вы ощутить всю мою радость, но, наверное, это было самое лучшее, что случилось со мной за последний год. Даже не верится, что такая мелочь может изменить состояние и настроение. Я всегда была подвержена влиянию вещей на мой разум, но эта вещь поменяла все в моей голове. Да, наверное, я слишком романтично настроена, раз решила, что купленный им в магазине свитер имел какую-то с ним связь. С учащенным сердцебиением я набирала номер своей лучшей подруги.

– Ал-ло!

– Я нашла его!

– Нашла? Кого?

– Я нашла его свитер, понимаешь? Нашла у себя в шкафу!

Я совершенно про него забыла, он лежал на дальней полке под платьями! Я нашла его, Наташ!

– Боже, ты можешь рассказать все нормально? Ты нашла свитер Андрея? Почему он лежал у тебя?

– Нет, нет, это не его свитер, это мой! Но он был куплен им мне в подарок!

– И ты смогла принести его домой?

– Да, но я никогда не надевала его ранее. Понимаешь, он

мне не нравился. Я закинула его в дальний угол шкафа и забыла. А сейчас я выбрасывала свои старые вещи, а там он! Это чудесно, понимаешь?

– Да, конечно же, я тебя понимаю! Я только не понимаю, что сейчас тебе это дает? Смирись, Андрея уже не вернуть, и никакой свитер тебе в этом не поможет!

– Я знаю, знаю, мы обсуждали уже это тысячу раз, но я ведь перехитрила ее, понимаешь? Она думала, у меня ничего нет, а теперь у меня есть он!

– Но это ведь не доказательство! На нем нет его росписи, и записки к нему не прикреплены, никто не узнает, что этот свитер куплен именно им.

– Но для меня это совершенно не важно! Главное, что я это знаю, и всегда буду знать, что он был настоящий! Что он был в моей жизни, что это было прекрасно, что это был не сон. Иногда мне начинает казаться, что его и правда не было в моей жизни, что все это просто приснилось мне.

– И авария? И больница?

– Ну, это с ним совершенно не связано, я могла бы попасть в аварию и не с ним.

– Прости, но хватит цепляться за прошлое! Я очень рада, что у тебя наконец-то есть что-то на память, но не возводи это в культ. Не нужно любоваться этой вещью и вспоминать постоянно о нем. Ты достаточно пострадала уже, этого на пять жизней хватит, смирись и живи дальше уже собственной жизнью. Без него. Да, я строга к тебе, но по-дру-

тому ведь никак не получится. Ты цепляешься за ваше прошлое и не хочешь смотреть вперед.

– Я хочу. И не хочу. Что там может быть дальше хорошего? Никакие будущие моменты не сравнятся с тем, что происходили раньше с нами.

– Сравнятся! Конечно, сравнятся! Они будут лучше, я тебя уверяю, позволь им только случиться!

– Ты говорила мне об этом уже миллион раз! Я еще не готова, я еще не хочу! Не суди меня, не заставляй! Позволь мне пожить еще теми моментами, которых, кажется, было слишком мало в нашей жизни! Я хочу еще любить его! Хочу! И люблю! И это не проходит просто так! Я не могу по указке!

– Я понимаю, но, сколько это еще будет продолжаться? Еще год или два? Твоя молодость тоже не стоит на месте, и я бы не стала ее терять.

– Почему ты считаешь, что я теряю ее? Разве только в поиске новых мужчин заключается смысл жизни? Или нужно обязательно куда-то ехать, чтобы почувствовать себя счастливой? Я счастлива в моих каждодневных воспоминаниях. По-настоящему счастлива, и вряд ли что-то еще сейчас меня сделает более счастливой!

– Хорошо! Я не буду с тобой спорить, но просто помни, что твоя жизнь тогда не закончилась...

Что я еще могла ей возразить? Мы попрощались до следующего дня, и я повесила трубку. Нет, я не злилась на нее. Я чувствовала, что она тоже страдает вместе со мной. Стра-

дает из-за меня. Наверное, ей было больно видеть, как я цепляюсь за любую мелочь, которая могла бы приблизить меня к нему. Но по-другому никак еще не получилось. Год совсем ничего не значил в этом деле, это было слишком мало времени, чтобы смириться. Чтобы осознать. Да, конечно, во мне еще теплилась та абсурдная надежда, что когда-нибудь все вернется, и мы снова с ним будем вместе. Я осознала свою проблему в отрицании самого факта его смерти. Я придумывала сто и тысячи причин, почему его не было рядом, но до правды так никогда и не доходила. Ведь это так просто. И это правда. А я считала, будто он улетел на Луну или снова помогает очередным друзьям выбраться из передрыги. Придумывала себе в голове целые истории и училась жить с ними. Но это все мне никак не помогало. Мне все время хотелось, чтобы он поскорее вернулся ко мне, и все стало как прежде. Меня тяготила эта разлука, ведь я никак не могла принять того, что она теперь будет вечной. Эти простые мысли не хотели жить в моей голове. Не видя его похорон и его места на кладбище, было так легко представить, будто он все еще жив. Единственно верным и отрезвляющим решением было решение поехать в Петрозаводск и отыскать его. Найти тот ряд и тот гранитный крест. Посидеть рядом и разреветься. И реветь три дня напролет. А потом, наконец, осознать и, может быть, смириться. Я знала, что мне никто, никто не поможет в этом. И даже его лучший друг, который вроде бы очень добр ко мне, он мне не скажет где сейчас Андрей, по-

тому что для этого мне придется сначала найти этого друга. А это даже сложнее.

И я решила поехать. Пускай я еще не до конца окрепла и поправилась, этого может уже никогда не случится. Мне непременно нужно было поехать, не откладывая на потом. Не снимая моего нового любимого свитера, я вышла из дома и отправилась покупать билет на поезд, направляющийся в Петрозаводск. В голове лихорадочно бродили разные мысли, но они были не о том, стоило ли мне действительно туда ехать именно сейчас или нет. Я так сильно загорелась этой идеей, что, казалось, немного сошла с ума. Я шла туда, куда меня вели мои ноги, не разбирая пути и направления. Я знала, что приду туда, куда мне действительно нужно, в кассу железнодорожного вокзала. Я шла, не озираясь на прохожих и практически не замечая машин. Шла, держа в руке паспорт и боясь, что на ближайшие даты все билеты будут раскуплены. Но мне повезло. Билет в кассе все-таки был. Я лихорадочно сжимала его в руке, трепеща от радости, практически такой же, как в тот момент, когда я обнаружила этот свитер в моем шкафу. Дело было сделано, оставалось дождаться нужной даты, сесть в поезд и найти его. Точно найти. Билет был на послезавтра и самое сложное заключалось в том, чтобы прожить ближайшие два дня. Нетерпение достигло предела, и я почувствовала, как начинает дергаться правая рука. Пытаясь успокоиться и отпустить ситуацию, я зашла в ближайшую кофейню и заказала чайник зеленого

чая в надежде, что чай меня успокоит. В кафе было многолюдно, и свободный столик нашелся с трудом. После десяти минут ожидания официантка, наконец, принесла мой чай, и в момент, когда я наливала его в свою чашку, кто-то легонько дотронулся до моего плеча. От неожиданности я немного вздрогнула и оглянулась. Это была моя старая знакомая Светлана, с которой мы довольно давно уже не виделись. Я улыбнулась ей.

– Привет, Настя! А я тебя все-таки узнала, хотя ты и здорово изменилась, – она тоже улыбалась мне.

– Правда? А я думала, что ничуть. Как ты, Свет?

– Я хорошо. Расскажи ты про себя. Что случилось?

– Случилось. Да ничего не случилось. Купила билет.

– Уезжаешь?

– Да, ненадолго, можно сказать, что по делам.

– В больницу?

– Нет, почему же сразу в больницу? По личным делам.

– Ну, я просто слышала про аварию... и сейчас видела, как тебе тяжело ходить... вот и подумала... Прости, если не так.

– Нет, больниц с меня хватит. И не так уж мне и тяжело ходить. А впрочем, знаешь... у меня все отлично! Не стоит меня жалеть!

– Да нет, я и не думала,... не обижайся, правда! Я не хотела ничего такого говорить.

– Чего такого говорить? Что я стала похожа на калеку? Что теперь моя жизнь состоит только из посещения боль-

ниц? Что у меня не может быть никакой личной жизни теперь? Ты это имела в виду*(Пишется раздельно)?

– Нет, ну что ты... не злись, пожалуйста! Я не это имела в виду! Я не знаю...

– Я тоже не знаю! Вы не даете мне ни малейшего шанса на реабилитацию! Не даете почувствовать себя вновь такой же, как и все. В любых глазах я вижу жалость к себе и мысль о том, что лучше было бы умереть, чем остаться такой, как я сейчас! Но это не так! Слышишь меня, это не так! Я по-прежнему люблю эту жизнь, и я хочу жить, несмотря ни на что! Что бы вы там обо мне не думали! – я кричала ей это в лицо, вскочив на ноги и чуть не опрокинув хрупкий столик с чашками. Я говорила ей это, хотя в моей голове и не было таких мыслей. Первый раз за долгое время я сказала то, что хочу продолжать жить, хотя и думала все время совершенно по-другому. Оно было где-то очень глубоко во мне, это желание, и вот оно выплеснулось наружу без моего ведома.

Светлана залилась краской и огляделась по сторонам. Некоторые посетители, услышав мою эмоциональную речь, смотрели на нас с интересом.

– Насть, я, пожалуй, пойду. Извини меня. Я не хотела тебя обидеть, правда! – прошептала Света и отошла от моего столика.

Я в растерянности села обратно на стул. Мое сердце бешено колотилось в груди. Я пыталась унять растрепавшиеся волосы и успокоиться. Посетители еще немного посмот-

рели на меня и отвернулись, продолжив свои прежние дела. Я больше не могла сидеть в этом кафе и, оставив деньги за чай, вышла на улицу. Морозный воздух успокоил меня, и я раскаялась, что так грубо обошлась со Светланой и накричала на нее совершенно без повода. Не знаю, что так сильно задело меня. Скорее всего, это было упоминание о больнице, это слово выводило меня из себя. Мне было очень стыдно и хотелось догнать Свету и извиниться перед ней, сказать, что я не хотела, что мои слова относились совершенно не к ней, а просто в небо. Сказать, что это был самый тяжелый год для меня, и мои нервы окончательно ослабели. Но я не знала, где она. И знала, что мои извинения совершенно ей не помогут. Дело было сделано, и слова были сказаны, запоздалые извинения не греют душу и не лечат раны. Остается только смириться и жить дальше. Но с красным стикером в голове – так делать нельзя!

Я пошла домой. Билет лежал в моей правом кармане. После вспышки гнева я стала абсолютно спокойной. Больше не было того волнения, и я подумала, что смогу прожить эти два дня. Было жаль, что я выказала свою злость именно Свете в таком людном месте. Теперь об этом узнают все наши знакомые. Думаю, их это совершенно не удивит. Просто больная Настя окончательно сошла с ума. Что же здесь удивительного? Она всегда была с какими-то странностями. И что он только в ней нашел, тот богатенький парень? Видимо, такой же был, как и она. Вот и умер так рано. С такими ненормаль-

ными людьми всегда что-то случается.

Я ехала в поезде, в плацкартном вагоне, одна. Лежала ночью на правой нижней полке и пыталась поспать. Голоса людей и шепот в темноте раздавались из разных концов вагона. Мне это мешало. Я знала, что с утра мне предстоит сойти с поезда и провести самый тяжелый и ужасный день в моей жизни. Поэтому очень хотелось выспаться. Ближе к утру я все-таки уснула, но это было совсем ненадолго. Проводница толкнула меня за плечо и объявила, что мы подъезжаем. Я пошла в туалетную комнату, умылась под маленьким краном и вытерла лицо вафельным полотенцем, как всегда называла его моя бабушка. Вид у меня был явно не очень. Лицо немного опухло из-за выпитого перед сном виски, глаза казались очень маленькими и красными. К тому же, кажется, меня одолевала простуда. Я вернулась к своей постели и стала собирать вещи. Через полчаса поезд вошел в перрон. Пассажиры вышли. На улице было солнечно, но очень прохладно. Я достала из своего маленького чемодана зеленый шарф и обмотала его вокруг шеи. Стало намного теплее. Точно не зная, в какую сторону мне нужно двигаться, я направилась к остановке такси. Зная, что мой отель находится в самом центре города, я попросила отвезти меня на центральную площадь. Водитель с радостью согласился. Тут же озвучил цену, на которую я согласилась. Оказалось, что ехать не так уж и далеко. Можно было и пешком дойти. Но у меня не было

карты.

Было еще очень рано, и хостес отказывалась заселять меня в номер. Пришлось уговорить ее позволить мне оставить свой чемодан в кладовке до заселения. На это она согласилась. Я оставила свой багаж и снова вышла на улицу. Так и не придумав, чем же мне, в конце концов, заняться ближайšie два часа, я отправилась в продуктовый магазин и купила там воды и печенья, затем дошла до центральной площади и остановилась там на лавочке. Открыла пачку печенья и стала осматривать местность. Город мне нравился. По большей части из-за того, что он нравился ему. Я старалась найти в нем ту прелесть, которую он видел, и у меня получалось. Город был так сильно не похож на нашу Москву. Но все-таки в моей голове никак не укладывалась та мысль, что Андрей, посетивший такое огромное количество стран, живший в Нью-Йорке, и Барселоне, и проживший большое количество времени в Москве, был влюблен в этот маленький, немного советский город со старыми улицами, трехэтажными домами и маленькими магазинами. Здесь не было того лоска, который присутствовал во всех больших городах, но здесь была теплота и размеренность. Люди никуда не спешили, они останавливались на улице, чтобы поговорить друг с другом. Они медленно шли за хлебом, как будто это дело всего дня. Они были очень дружелюбны и улыбчивы, и главное: здесь не было ощущения огромного муравейника, где всем на тебя абсолютно наплевать. К моему самому постыдному сожа-

лению, только оказавшись на этой лавочке возле фонтана, я смогла до конца понять, каким он был человеком. Эта мелочь всегда ускользала от меня при его жизни. Моя картина до конца так и не сложилась, мне казалось, что в Андрее есть какая-то загадка, которая мне не подвластна. Этой загадкой был его город. Да, Андрей рассказывал мне про него тысячи, тысячи раз, но почувствовать этого я не могла. Для меня слова оставались просто словами. А сейчас нет. Я была ребенком, воспитанным, пусть и не в Москве, но всего в десяти километрах от нее, и все те же правила царствовали и в нашем районе. В других же городах России я никогда не была, и представить, как там живут люди, у меня тоже совершенно не получалось. Мне захотелось пройти по всем улицам этого города, запомнить его расположение и почувствовать себя здесь как дома, хоть я была одна и никого не знала. Но я ощущала его присутствие всеми фибрами своей души. «Он близко. И я найду его». Я поднялась, отряхнула крошки с колен, потуже застегнула куртку и пошла по центральной улице, затем свернула в переулок, достала наушники и включила свой плеер. Заиграла музыка, которую он уже не слышал, но в моей голове она неотделимо была связана с ним. В редкие минуты жизни после я почувствовала себя немного счастливой и очень самостоятельной. Ведь я никому не сказала, куда еду, просто купила билет. Боялась, что кто-то начнет меня отговаривать, и я вдруг поддамся их уговорам. Пойму, что мне это все же не надо, что лучше про-

сто оставить все как есть. Но я чувствовала, что поступаю правильно. Город принял меня и не оттолкнул. Он не овеял меня холодным приемом, скорее, наоборот, мне казалось, он ждал моего приезда, и теперь все было, как и должно быть.

Я дошла до местного торгового центра, и мне захотелось купить Андрею цветы. Я больше не хотела ждать. После того как мой чемодан окажется в нужном гостиничном номере, я тут же отправлюсь на поиски. И мне нужны были цветы. Я знала все эти приметы, но мне нужны были живые белые розы. Много. Сколько я смогу унести. И даже если я его не найду, я просто оставлю их у любой могильной плиты, но он будет знать, что это ему. Я купила пятьдесят роз, больше не помещалось в моих ладонях, иначе было бы больше. К моему сожалению, продавец отказалась принимать мою кредитную карту, и мне пришлось отправиться на поиски банкомата. Он оказался рядом, я сняла нужную сумму и уже через минуту забрала цветы. После этого, стоя на первом этаже с огромным букетом роз, я подумала, что мне просто необходим новый наряд. Я поднялась на третий этаж, туда, где был женский отдел с одеждой, и стала бродить между рядами в поисках чего-то особенного. Я хотела купить первое понравившееся платье. Это должно было быть как знак свыше. Я увидела девушку, развешивающую бирюзовые комбинезоны, и выбор был сделан. Я нашла нужный мне размер и пошла в примерочную комнату. Комбинезон сел на мне идеально. Он украшал меня, я сразу это заметила. Недолго

думая, мы с ним уже были у кассы. Открывая кошелек, чтобы расплатиться, я поняла, что в нем нет моей карты, как нет и всех моих денег. В панике я не знала, что же мне делать. Я вспомнила про банкомат. Попросила девушку отложить мой комбинезон и, перелетая через ступеньки, побежала вниз. У банкомата никого не было, как не было и моей карты в нем. Из глаз брызнули жирные слезы. Одна, в чужом городе, с неоплаченным отелом, только билет назад через два дня и без денег. Девушка из цветочного магазина выбежала мне на встречу.

– Вы карточку потеряли? – спросила она.

– Да, я потеряла. Но ее здесь нет.

– Я знаю, она у меня. Пару минут назад мужчина принес ее мне, сказал, вдруг кто-то будет ее искать, я ведь увижу. Я знала, что это будете вы.

– Спасибо огромное, огромное вам спасибо! Вы просто меня спасли! Я не верю...

– Ну что вы, каждый поступил бы также.

Она ушла обратно в магазин. А я стояла и не верила, что спасена. Никак не могла поверить в существование таких заботливых людей и что эти люди произошли именно со мной. Я побежала наверх за покупкой. Увидев меня, запыхавшуюся и счастливую, девушка-продавец улыбнулась мне и провела по кассе комбинезон. Я расплатилась своей картой. Мой наряд завернули в коричневую бумагу и положили в большой черный пакет. Я вышла из универмага одухотворенная.

Я еще раз поверила в этот город. Еще раз убедилась, что не зря сердце Андрея принадлежало только ему.

В отель меня заселили очень быстро. Всего лишь попросили мой паспорт на пару минут и готово. Я вошла в чистый маленький номер. Он не был таким красивым, как те номера, которые мы с Андреем раньше снимали, но все же довольно уютным. Большая кровать с белоснежным бельем и маленький балкончик с видом на площадь. Я приняла душ, после которого мне очень захотелось спать. Я поставила розы в воду и легла в постель. Она была прохладной с запахом свежести. Я довольно быстро уснула и проспала целый час. Когда я проснулась, солнце было уже высоко, а часы показывали двенадцать дня. Мне показалось, будто утренние приключения были вчера. Будто эта пара часов заменила собой целый день. Я проснулась с чувством дикого голода, словно и правда последний раз ела только вчера. Быстро одевшись, я спустилась в холл и спросила про местный ресторан. Мне сказали, что нужно идти направо. Там действительно оказалась дверь, ведущая в ресторан. Я села за столик возле окна и попросила меню. Оно было короткое и простое, но все блюда звучали заманчиво. Сейчас уже и не вспомню, что я заказала в то утро, но было вкусно. Посетителей в ресторане практически не было. Одна пара с маленькой девочкой и мужчина с газетой, так же как и я, сидел у окна. Я почувствовала себя с ними, как дома. По улице шли люди, казавшиеся мне знакомыми уже давно, хотелось махать рукой из окна ресторана

и приветственно качать головой. Но я не стала этого делать. Просто заулыбалась сама себе.

Я оказалась на большом кладбище маленького города. Не верилось, что столько людей уже живет здесь. Было тихо и солнечно. Хотелось бы даже сказать радостно, если бы не это место. Над головой летали редкие птицы, некоторые из них садились на кресты и смотрели вдаль. Я шла мимо рядов, и в мои совсем не зимние кроссовки набивался снег. Я поняла, что выбрала неправильную обувь для нашей с ним встречи, и меня это слегка огорчило. Букет был довольно тяжелый, и нести его было сложно, но я не останавливалась. Мимо меня мелькали навсегда улыбчивые лица людей, которых я не знала и уже никогда не узнаю. Я старалась не думать о грустном, ведь у меня была цель. К десятому ряду я выдохлась, глаза намозолили памятники и надписи, ноги промокли и было прохладно, казалось, что все пошло совершенно не так, начиная с месяца моего приезда. Я стала думать, почему не смогла дожждаться весны. Почему именно в декабре нужно было ехать сюда. Ехать столь легкомысленно, без нужной подготовки и нужной одежды. Купленный утром комбинезон теперь казался мне просто глупым и смешным. Не ясно, к чему вообще это было. Я снова попала впросак. Снова сглупила и поддалась эмоциям. Зачем нужны были живые цветы? В такой мороз они быстро умрут. Это было так жестоко по отношению к цветам. Мне хотелось заплакать и единственное, что сдерживало меня, – это мысль, что от слез

моему лицу станет еще холоднее. Я была на середине кладбища, и здесь не было ни души. Обратное было идти далеко, а вперед еще дальше. Я даже не представляла, как смогу найти его, и какой же мне все-таки нужен ряд. Впервые я подумала, что наша встреча ничего не изменит. Дело не в нем, а во мне. Даже увидев его там, благодаря своей инфантильности я все равно буду думать о другом. Мне стало противно от самой себя, и пару минут я простояла в растерянности посреди могил. Потом собралась. Еще раз отчитала себя за эту слабость. Я все сделала правильно. Нельзя просчитать все шаги. В любом случае в чем-то будет ошибка. И не было смысла ждать весны. Еще три месяца потерянного времени и страданий. Нужно покончить с этим и осознать. Во что бы то ни стало, я должна найти его. Я пошла дальше. В какой-то момент мне пришла в голову мысль, что дата его смерти могла бы помочь мне. Ведь кладбище тоже подчиняется строгому порядку и людей не хоронят хаотично. Я обратила внимание на дату смерти на ближайшей могиле, это был позапрошлый год. Я была недалеко от него. Это придало мне сил. Удвоенным шагом я направилась вперед, обращая внимание на все даты смерти на памятниках. Через пару минут мне стало от этого плохо. Здесь каждый день кто-то умирает. В жизни это так незаметно, пока не приходишь сюда. Неизбежность даже перестала пугать. Они все через это прошли. Какой смысл было бояться? Наконец, я дошла до нужного года, до нужного месяца. Сердце заколотилось еще сильнее. Еще сильнее.

Стало даже немножко больно. И даже немного тошнило. Я сглатывала слюну и старалась успокоиться. Хотя бы немного. Я боялась увидеть его и очень хотела. Я нашла нужную дату. Оказывается, в этот день в этом городе умер не только он. Здесь было много имен. Но он был из них самый молодой. Я искала его имя глазами, но никак не могла найти. Уже начинался следующий день, а его все не было. По спине пробежали капельки пота. Затем озноб. Его здесь нет. Его нет на этом кладбище. Они обманули меня. Они похоронили его в Москве. Я почему-то стояла с выпученными глазами. Была похожа на сумасшедшую женщину с шикарным букетом роз. Слезы все-таки потекли из моих глаз. Я чувствовала себя опустошенной и обманутой всеми. Я ехала так далеко. Ради чего? Ради того, чтобы его родители бросили меня еще раз. Ради того, чтобы понять, что его друзья так же ни во что не ставят меня, как и они. Все бы хотели, чтобы в той аварии я умерла вместо него. Наверное, я бы и сама этого хотела.

Я положила букет на ближайшую могилу. Нести его дальше не было больше сил. И не было смысла. Раз его здесь нет. Шаркающими шагами я повернулась и пошла назад.

Нет, они не обманули меня. Он был там. Никак не могу понять, почему я пропустила его. Возможно, обзору мешал огромный букет. Я увидела низкий могильный камень и маленькую платформу. На ней было написано «Листов Андрей Владимирович 09.08.1981-18.07.2006» и все. Больше там ничего не было. Я даже немного обрадовалась. Бо-

ялась увидеть что-то вроде: «Как без такого красавчика теперь жить» от нее. Видимо, Мафиози такого не одобрял. Машинально я опустилась на больные колени в снег. Слезы лились градом из моих глаз. Крупные лошадиные слезы. Тихо, без всхлипываний, они быстро катились по щекам, потом перетекали на подбородок и терялись где-то в начале свитера. Это были слезы горя вперемешку с радостью. Я радовалась тому, что, наконец, мы были с ним вместе, и весь этот путь был проделан не зря. Я нашла его. Нашла. Сама. Как и должно было быть. Я гладила камень, гладила рукой его имя, его дату рождения. Эти движения казались бы такими глупыми, но только не здесь. Стоя у могилы любимого человека, мы все немного меняемся. Наверное, от невозможности выразить свою любовь. Кто-то становится ещё более молчаливым, чем обычно, кто-то наоборот начинает говорить-говорить о нем и о Боге. Мы становимся более религиозными, потому что смерть не играет по нашим мирским правилам, и что там дальше может сказать только Господь. Серьёзный разразится слезами, а чувствительный наоборот промолчит. Мы становимся другими, потому что смерть того, кого любишь, – самое страшное горе в этом страшном мире.

Я подняла лицо вверх, будто пытаюсь увидеть на небе очертания его лица, но увидела только снежинки, которые падали мне в глаза. Не знаю, сколько времени я провела там, но уже начинало темнеть. Слезы высохли, а на лице осталась только улыбка. Было так спокойно и совершенно не хотелось

уходить. Если бы рядом с его могилой была даже крохотная лавочка, наверное, я бы осталась там ночевать. Меня это ничуть не пугало, ведь я была с ним. И все вокруг перестало казаться глупым. Я сама себе перестала казаться глупой. И даже мой комбинезон оказался куплен не напрасно. А цветы как раз были и не нужны. Так было лучше. Без них.

Я рассказала ему все свои новости. Все, что происходило со мной ровно с той даты, которая была выбита последней на этом камне. Все в деталях, в подробностях. Очень эмоционально. Рассказала ему про Милу и про Мафиози, но не все. Ни единого слова о завещании и про вещи, про то, что они выгнали меня. Это странно, но мне не хотелось его расстраивать. Я старалась говорить только хорошее, чтобы ему было радостно. Я провела у его могилы три или четыре часа, пока окончательно не стемнело. Издали я увидела охранника кладбища, который совершал вечерний обход. Я попрощалась с Андреем и попросила его простить меня, что так долго не приходила к нему и даже не знала, когда приду в следующий раз. Сказала ему, что он навсегда в моем сердце, что я чувствую его рядом со мной, поэтому, наверное, совершенно не важно, близко я или далеко. Я думаю, он меня поддержал. Охранник становился все ближе и ближе ко мне, и уже можно было различить очертания его головы в свете тусклого фонаря. Я погладила рукой холодный могильный камень и стерла слезы со своего подбородка.

– Доброго вечера Вам. Почему Вы так поздно гуляете? –

как-то довольно весело спросил меня мужчина, подходящий ко мне.

– Здравствуйте! Я немного задержалась, не заметила, как уже стало совсем темно. А теперь, если честно, даже не знаю куда мне. Очень хорошо, что Вы здесь появились!

– Знаю, знаю... многие так... стоят тут, разговаривают с камнями и не замечают, как бежит время, а потом зовут меня! Давайте я Вас провожу до калитки. Не страшно Вам одной здесь гулять?

– Я, честно говоря, даже не знаю. Я здесь первый раз!

– Понятно! По Вам похоже, что вы не местная. Приехали откуда-то, да?

– Да.

– И как Вам наш город? Понравился?

– Да, очень понравился. С удовольствием приеду сюда снова. Местные жители такие отзывчивые и добрые.

– Да что ж в них отзывчивого-то? Обычные мы, граждане. Придумаете же....

Мне очень не хотелось разубеждать его, что люди в столице совершенно не такие как здесь, поэтому я промолчала. Мы очень быстро дошли до входной калитки каким-то коротким путем. Он проводил меня и пожелал хорошей дороги. Я вышла за ворота, не совсем понимая, что мне предстояло сделать дальше. Мне показалось, что было уже слишком поздно, и автобусы перестали ходить. Я дошла до автобусной остановки, чтобы свериться с расписанием, но там его

не оказалось. Я села на лавочку и стала ждать. В моей голове была какая-то пустота. Ни одной толковой мысли не проскальзывало по витиеватым дорожкам головного мозга. Все оттого, что последние месяцы мои мысли занимала лишь одна только тема: наша встреча на этом самом месте с могильными плитами. Но теперь все закончилось и больше не стоило об этом думать. Больше нечего планировать и решать. А новые мысли еще не подоспели. Чем я буду заниматься дальше, так и не пришло в мою голову. Возможно, дальше уже ничего не было. Все осталось там, в прошлом. Все лучшее осталось там. Так думала я. Но на самом деле это не так. Я обманывала себя нарочно, заставляла себя страдать, чтобы хоть как-то искупить свою вину за продолжающуюся жизнь. Я считала, что судьба поступила с нами крайне несправедливо и старалась уравнивать положение, заставляя себя все больше и больше страдать. Но это не правильно. Спустя годы я поняла это, когда боль отпустила меня. Все дело в том, что умершие люди не страдают. Страдают только живые. И никакого равенства здесь не может быть, к сожалению.

В тот вечер один добрый мужчина отвез меня в отель. Бесплатно. Просто потому, что он знал, каково это: когда твой любимый человек там, под могильной плитой. Наверное, это нас всех должно объединять.

В номере я переоделась в свою пижаму и заказала у портье бутылку шампанского. Спустя полчаса я сидела посередине огромной кровати с бокалом в руке и смотрела в огром-

ное окно на ночные огни и на проезжающие по проспекту машины. Мне было ужасно одиноко. Я больше не ощущала его присутствие рядом, я чувствовала только, что его больше нет. И не будет. И мне стоило научиться как-то жить с этим и идти дальше. Возможно, влюбиться в кого-то другого, хотя эта мысль дика мне. Хотя бы просто отпустить его. Этот вечер был абсолютно грустным, но очень важным в моей жизни. Много мыслей в тот день проносилось в моей голове. От переизбытка чувств меня била дрожь и стучало в голове. Я все никак не могла согреться и куталась в большое теплое одеяло. Просто в тот вечер одиночество охватило меня. Я так остро почувствовала нехватку человеческого тепла и разговоров до полуночи, но это было теперь совершенно не связано с ним. Я, наконец, поняла, что нужно быть проще. Поняла, что не нужно прокручивать в голове все прекрасные моменты, связанные с ним, ведь они не приносят ровным счетом ничего, кроме боли. И я больше не думала, что он придет и спасет меня. Теперь в голове были другие мысли о ком-то другом.

На следующее утро я проснулась с больной головой, но с относительно хорошим настроением. Позавтракала, как и обычно, в ресторане отеля со своими новыми друзьями. Мы молчали, потому что не знали, что дружим. До моего поезда оставалось еще несколько часов, поэтому я вновь попросила укрыть мой чемодан в кладовке, пока я буду осматривать город. Пешком в тот день я прошла десяток километров. Я гу-

ляла по парку и ела хот-дог, осматривала местные достопримечательности, гоняла голубей и куталась в свой огромный и теплый шарф. Мне было нормально. Не грустно. И я не думала о нем все это время. В четыре часа дня я села на поезд, направляющийся в Москву. Тихо отходя от перрона, поезд набирал темп, и мимо моего окна быстро мелькали деревья и здания. Я заказала у кондуктора чай и наблюдала в окошко за уплывающим городом. Мне было нормально. И больше не хотелось плакать. Я была одна, мои грустные мысли оставили меня. Я похоронила свое прошлое рядом с его могилой. Мне снова захотелось посмотреть в свое светлое будущее. Насколько будет оно светлым для меня, я не знала, но была готова встретить его, не прячась за спиной своих наивных мечтаний. Горькое осознание пришло ко мне прошлой ночью, и я с ним справилась. Возможно, это был кратковременный период, но мое отношение к своей жизни изменилось навсегда. Я поняла, что несмотря ни на что, несмотря на трагедию и горечь потери, несмотря на пошатнувшееся здоровье и уже неисправимые увечья, несмотря на то, хотела бы я того или нет, моя жизнь продолжается. В ней продолжают случаться удивительные знакомства и прекрасные люди, в ней скоро наступит очередная весна, а вместе с ней придет и радость. Мне понадобилось без малого полтора года для того, чтобы понять, что я смогу жить дальше без него.

Конечно же, эти мысли покинули меня, как только я сошла на перроне в Москве. Я вновь стала скучать по нему.

Сегодня 9 августа 2017 года. Андрею могло бы исполниться-ся тридцать шесть лет. Я думаю об этом весь день. О жизни, которую он не прожил. О моментах, которые с ним не случились. О детях, которые у нас не родились. Мы могли бы быть вместе уже двенадцать лет. Представляете? Целых двенадцать лет вместе! Из этих двенадцати лет нам разрешили провести вместе только два года. Интересно, какими бы были наши отношения теперь... Пройдя столько всего вместе, обговорив столько тем, прошагав столько шагов в ряд. Мы держались бы с ним за руку все эти двенадцать лет. Может быть, даже уехали жить в другой город. Барселона, Нью-Йорк – все было бы открыто для нас. Я стала бы такой же шикарной, как Мила. Была бы загорелой и подтянутой, возможно, даже успешной моделью. А может, и нет. Это не важно. Каким был бы он? Тонкие морщинки разбрелись бы по его лбу, что, несомненно, прибавило ему привлекательности. Мужчины ведь только хорошеют с годами, если не перестают следить за собой. Но он бы не перестал. Ему ведь нужно было бы привлекать свою жену. Его жена. Я была бы его женой уже десять лет. Вы думаете, почему я так в этом уверена? Но это ведь просто: «Ты всегда будешь моей, моя маленькая глупая девочка». В конце концов, он бы увидел, как я старею. Наверное, все равно бы не перестал называть меня маленькой девочкой. Какая разница, сколько мне лет, если его любовь смотрит прямо в душу? Мы могли бы стать с ним звездной

парой. Проходить по ковровой дорожке, он бы ослепительно улыбался, а я все крепче сжимала его руку. Мы могли бы стать послами доброй воли и каждый день помогать обездоленным людям, он обнимал бы их за плечо, а я сидела бы на коленях перед ними и шептала, что все непременно будет хорошо. Мы могли бы стать археологами и ездить по всему миру с киркой и долотом. Он обязательно отпустил бы усы, а я куталась в пуховую куртку и заворачивала руки в теплый шарф. Мы могли бы стать предпринимателями. Он бы ходил в строгом костюме, а я несла бы в руке портфель. У нас были бы очень серьезные лица, и он обязательно все время разговаривал бы по телефону. Мы могли стать кем угодно, но почему-то не стали. Мы могли бы прожить все нашу жизнь вместе, но почему-то этого не произошло. Кто-то счел, что ему лучше пораньше уйти, чтобы не наломать лишних дров, а может, чтобы не испортить мне жизнь. А может, это просто злая шутка. Как понять, почему и зачем наши любимые люди уходят столь рано? Как угадать тайный смысл нашего горя, и есть ли вообще в этом смысл? Оглядываясь назад, я бы хотела сказать, что стала намного сильнее, что повзрослела и что это все не просто так, но не могу. Это все беспредельно глупо и отвратительно, потому что я потеряла дорогого мне человека, и никакое счастье не будет равнозначно этому горю. Самое обидное ведь то, что мы действительно не планировали с ним доживать до пенсии. Долгая жизнь, внуки и размеренный отдых на пляже не входили в наши планы. Мы

хотели гореть ярким огнём, сжигать эту жизнь, оставляя за собой очень-очень яркую вспышку, но он подвёл меня, и я так и не могу понять, почему он, твердивший мне, что я его женщина навсегда, и где бы мы ни были, мы будем вместе, в последний момент спас меня и покинул, бросив на этой земле совершенно одну, словно выбросив за борт корабля на спасательном круге.

Прошлого нет. Забудьте все то, что случилось с вами когда-либо. Это все больше не имеет значения. Все те прекрасные моменты пройдены, все ужасные минуты пережиты. Прошлого нет. Есть лишь ваша настоящая жизнь, какой ее сделали те прошлые моменты. Вы грустны, потому что в прошлом произошло что-то грустное, но той ситуации больше нет, остался лишь отголосок. Что же это меняет? Вроде бы ничего, но жить тем, чего больше нет, словно грести руками по суше, вспоминая, что пару лет назад здесь когда-то была вода. Глупо, бессмысленно. Бесполезно. Вспоминая прошлое, мы упускаем своё настоящее, и оно также превращается в прошлое, пока настоящее не остановит свой бег. В моем прошлом был он, прекрасный и удивительный, и та жизнь, которая впечатляла и волновала меня, но есть ли сейчас какая-то разница, был ли он или нет, если я здесь, в другом месте с другими людьми? Никого не волнует, кем ты был раньше, важно кто ты сейчас. Какая жестокая ошибка пытаться воскресить в другом человеке былые чувства, ведь он любил вас прежнюю, а теперь вы другая. Не важно, что бы-

ло раньше, важно то, что сейчас. Как бы мы не хватались за собственное прошлое, мы смотрим на этот мир настоящими глазами, и здесь нет места былым моментам.

Когда я рассказываю нашу историю другим, все в один голос твердят, что я обязана в такой ситуации озлобиться на весь мир и возненавидеть Мафиози и Милу. И очень удивляются, когда я говорю, что это не так. Просто я не настолько самоуверенна и эгоистична, чтобы верить в то, что все люди должны учитывать мои интересы в своих решениях. Что они обязаны делать мне только хорошее и пренебрегать своими плюсами в пользу моих. Я сняла розовые очки и поняла, что мир не крутится вокруг меня. У других людей есть свои проблемы и свои решения для выхода из них. Конечно, если смотреть с моей стороны, это было чистейшее свинство со стороны родителей Андрея: так подло поступить со мной и выгнать из дома после смерти сына, зная, что единственным человеком, кого он по-настоящему любил, была я, но, когда я смотрю на ситуацию с их стороны, то понимаю, что по-другому поступить просто не было шансов. Мое пребывание в доме им ничего не дало, кроме боли и воспоминаний о потере близкого. Отец Андрея слишком влиятельный человек, чтобы оставить все как есть. Он знал, что у сына свои странности. И знал, что половина его состояния нажитого кровью, потом и потраченными годами жизни с легкой руки бесшабашного сына перешли во владение к глупой незнако-

мой девчонке, по воле судьбы умудрившейся влюбить в себя сына. Думаю, многие на его месте поступили бы также. Почему они поступили со мной так жестоко, ведь можно было бы мягче? Да, этот вопрос мучил меня долгие годы, пока я не поняла, что мягче было нельзя. Как сдирая пресловутый пластырь, стоило поступать резко и быстро, неся при этом дикую боль, чем мучительно, понемногу сдирать кожу с истории. Ну, и, в конце концов, завершающее: они меня не любили. Девушку, так нагло вторгшуюся в их личное пространство и забравшую всю любовь сына на себя. Да, им было просто наплевать на меня, выживу я или нет, ведь их Андрея больше не было. Нас учат быть праведными и благодетельными, но биологическая природа человека не дает шансов осуществить это. Не все мы такие. Себя надо ломать. А кто-то это не любит. Я их не виню, просто надеюсь никогда больше с ними не встретиться.

Сейчас в моей жизни все благоразумно и просто, иногда мне бывает скучно, но в целом я очень довольна. Мне есть ещё куда идти, и будущее привлекает меня, хотя я старательно пытаюсь о нем не думать. Единственное, что выбивает меня из колеи, – мое прошлое, так не кстати всплывающее в тех случаях смены обстановки и встречного движения. Страх, неуверенность в действиях пронзают меня, как молния, как разряд высоковольтного электричества. Теперь я снова люблю жизнь за ее прекрасные и удивительные моменты, кото-

рые она готова дарить нам и забирать. О встрече с ним я больше не думаю, теперь для меня есть что-то большее, чем те отношения, а может быть, от уверенности, что рано или поздно все же это случится и встречи не избежать. Я много думала о случившемся с нами, и о том, какую роль он сыграл в моей жизни. Обидно лишь то, что, став смыслом всей его жизни, он остался для меня далеким и смутным прошлым, лишь напоминавшим о себе при долгой ходьбе. Я к этому не стремилась. Долгие годы я пытаюсь уверить себя в том, что нет, он не смотрит на меня оттуда свысока, и он не сидит рядом со мной за обедом. Он есть в глубине моего сердца и от этого он всегда рядом, как и все другие, любимые мною и ушедшие куда-то во тьму. В конце концов, я смирилась со своими потерями и с моими новыми внешними данными. Они больше не угнетают меня, они теперь просто есть. Потратить половину своей жизни на устранение недостатков и не добиться успеха, наверное, это не мой выбор. Возможно, остроту моих проблем излечило время, ведь вначале острая потеря заставляла меня действовать, а теперь уже нет. Просто это есть и я с этим живу. Сложно сказать, что я не замечаю этого, ведь многого я лишена, но чаще всего забываю и продолжаю вести жизнь обычного человека. Уж слишком много в этом мире интересных вещей, чтобы заикливаться на собственной внешности. Время победило и помогло мне, теперь я спокойна, свободна и счастлива. Ведь это по-настоящему то, чего я всегда хотела.